
ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОДЪЕМ ЦЕЛИНЫ.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: Солистка балета Государственного академического Большого театра СССР народная артистка СССР Галина Сергеевна Уланова в роли Джульетты («Ромео и Джульетта» С. Прокофьева).

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Ранней весной.

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 15 (1400) 11 АПРЕЛЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВСЕНАРОДНЫЙ СМОТР ТАЛАНТОВ

Закончился Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности. В заключительном показе выступало около двух с половиной тысяч колхозников, рабочих МТС, представителей сельской интеллигенции — участники самодеятельных коллективов 67 областей, краев, автономных республик РСФСР. Участники смотра были приглашены в Кремль на встречу с мастерами искусств столицы.

Народный артист СССР Ю. А. Завадский беседует со старейшими участниками сельской самодеятельности братьями Еспиповыми из Курской области.

Народный артист СССР М. Д. Михайлов среди участников самодеятельности.

Самым молодым участником сельской самодеятельности был Адав Чапалаев из Дагестана.

Участники Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности в Большом Кремлевском дворце.
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Главы из 2-й книги романа

Михаил ШОЛОХОВ

Рисунки О. Верейского.

Земля набухала от дождевой влаги и, когда ветер раздвигал облака, млела под ярким солнцем и курилась голубоватым паром. По утрам из речки, из топких, болотистых низин вставали туманы. Они клубящимися волнами перекатывались через Гремячий Лог, устремляясь к степным буграм, и там таяли, невидимо растворялись в нежнейшей, бирюзовой дымке, а на листьях деревьев, на камышовых крышах домов и сараев, всюду, как рассыпанная каленая дробь, приминая траву, до полудня лежала свинцово-тяжелая, обильная роса.

В степи пырей поднялся выше колена. За выгоном зацвел донник. Медвяный запах его к вечеру растекался по всему хутору, волнуя томлением сердца девушек. Озимые хлеба стояли до горизонта сплошной темнозеленой стенкой, яровые радовали глаз на редкость дружными всходами. На склонах бугров и суходолов проклюнулось недавно посеянное просо. Серопески густо ощетинились стрелками молодых побегов кукурузы.

К концу первой половины июня погода прочно установилась, ни единой тучки не появлялось на небе, и дивно закрасовалась под солнцем цветущая, омытая дождями степь! Была она теперь, как молодая, кормящая грудью мать, — необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства.

Каждое утро, еще до восхода солнца, Яков Лукич Островнов, накинув на плечи заношенный брезентовый плащ, выходил за хутор любоваться хлебами. Он подолгу стоял у борозды, от которой начинался зеленый, искрящийся росинками разлив озимой пшеницы. Стоял неподвижно, понурив голову, как старая, усталая лошадь, размышляя: «Ежели во время налива не дунет «калмык» [1], ежели не прихватит пшеничку суховеем, огрузится зерном колхоз, будь он трижды богом проклят! Везет же окаянной Советской власти! Сколько годов при единоличной жизни не было дождей во-время, а ныне лило, как на пропасть! А будет хороший урожай — и перепадет колхозникам на трудовые дни богато, — да разве тогда повернешь добром их против Советской власти? Ни в жизнь! Голодный человек — волк в лесу, куда хошь пойдет; сытый человек — свинья у кормушки, его и с места не стронешь. И чего господин Половцев думают, чего они дожидаются, — ума не приложу! Самое время бы сейчас качнуть Советскую власть, а они прохлаждаются...»

Яков Лукич, уставший от ожидания обещанного Половцевым переворота, рассуждал так, конечно, со зла. Он отлично знал, что Половцев вовсе не прохлаждается и чего-то выжидает отнюдь не зря. Почти каждую ночь по яру, вплотную подходившему с горы к саду Островнова, пробирались из дальних хуторов и чужих станиц гонцы. Они, наверное, оставляли лошадей в лесистой вершине яра, а сами шли пешком. На тихий условный стук им открывал дверь Яков Лукич, не зажигая лампы, провожал в горенку к Половцеву. В горенке ставни обоих окон, смотревших во двор, были закрыты день и ночь, а изнутри наглухо завешаны толстыми, валяными из серой шерсти полостями. Даже в солнечный день там было темно, как в погребе, и так же, как в погребе, пахло плесенью, сыростью и затхлым, спертым воздухом редко проветриваемого помещения. Днем ни Половцев, ни Лятьевский не выходили из дома; парашу добровольным узникам

заменяло стоявшее под оторванной половицей оцинкованное ведро.

Каждого из тех, кто воровски приходил по ночам, Яков Лукич бегло осматривал, зажигая в сенцах спичку, но еще ни разу он не встречал знакомого лица; все были чужие и, как видно, издалека. Как-то у одного из связных Яков Лукич осмелился тихо спросить:

— Ты откуда, станишник?

Мерцающий огонек спички осветил под башлыком зипуна бородатое, добродушное по виду лицо пожилого казака, и Яков Лукич увидел прищуренные глаза и блеснувшие в насмешливой улыбке зубы.

— С того света, станишник! — таким же тихим шопотом ответил приезжий и повелительно добавил: — Веди скорее к самому и поменьше любопытствуй!

А спустя двое суток этот же бородатый и с ним еще один казак помоложе приехали снова. Они внесли в сенцы что-то тяжелое, но ступали тихо, почти бесшумно. Яков Лукич зажег спичку, увидел на руках у бородатого два офицерских седла, перекинутые через плечо уздечки с серебряным набором; второй — держал на плече какой-то сверток, длинный и бесформенный, завернутый в черную лохматую бурку.

Бородатый, как давнишнему знакомому, подмигнул Якову Лукичу, спросил:

— У себя? Оба дома? — и, не дожидаясь ответа, пошел в горенку.

Спичка догорела, обжигая пальцы Якова Лукича. В темноте бородатый обо что-то споткнулся, вполголоса выругался.

— Погоди, я сейчас, — сказал Яков Лукич, доставая непослушными пальцами спичку из коробки.

Половцев сам открыл дверь, тихо сказал:

— Входите. Да входите же, что вы там возитесь? Зайди и ты, Яков Лукич, ты мне нужен. Потише, я сейчас зажгу огонь.

Он зажег фонарь «летучая мышь», но прикрыл его сверху курткой, оставив лишь узкую полоску света, косо ложившуюся на крашеные охрой доски пола.

Приезжие почтительно поздоровались, положили возле двери принесенные вещи. Бородатый сделал два шага вперед, щелкнул каблуками, протянул вытащенный из-за пазухи пакет. Половцев вскрыл конверт, быстро пробежал письмо, близко придвинув его к фонарю, сказал:

— Скажите седому спасибо. Ответа не будет. Жду от него вестей не позже двенадцатого. Можете отправляться. Рассвет вас не застанет в дороге?

— Никак нет. Добежим. У нас кони добрые, — ответил бородатый.

— Ну, ступайте. Благодарю за службу.

— Рады стараться!

Оба разом повернулись, как один, щелкнули каблуками, вышли. Яков Лукич восхищенно подумал: «Вот это вышколенные! Старую школу проходили на строевой службе, по ухватке видно! А почему же они его никак не величают?»

Половцев подошел к нему, положил тяжелую руку на плечо. Яков Лукич невольно подобрался, выпрямив спину, вытянув руки по швам.

— Видал орлов? — Половцев тихо засмеялся. — Эти не подведут. Эти за мной пойдут в огонь и в воду, не так, как некоторые подлецы и маловеры из хутора Войскового. Теперь посмотрим, что нам привезли...

Став на одно колено, Половцев проворно распутал белые сыромятные ремни, туго спеленавшие бурку, развернул ее и достал части разобранного ручного пулемета, завернутые в промасленную мешковину четыре матово блеснувших диска. Потом осторожно извлек две шашки. Одна из них была простая, казачья, в потерханных, видавших виды ножнах, другая — офицерская, с глубоко утопленной серебряной головкой и георгиевским потускневшим темляком на ней, в ножнах, выложенных серебром с чернью, на черной кавказской портупее.

Половцев, опустившись уже на оба колена, на ладонях вытянутых рук держал шашку, откинув голову, как бы любуясь тусклыми отсветами серебра, а потом прижал ее к груди, сказал дрогнувшим голосом:

— Милая моя, красавица! Верная старушка моя! Ты мне еще послужишь и верой и правдой!

Массивная нижняя челюсть его мелко задрожала, на глазах вскипели слезы ярости и восторга, но он кое-как овладел собой и, повернувшись к Якову Лукичу бледным, исказившимся лицом, зычно спросил:

— Угадываешь ты ее, Лукич?..

Яков Лукич сделал судорожное глотательное движение, молча кивнул головой: он узнал эту шашку, он впервые видел ее еще в 1915 году на молодом и бравом хорунжем Половцеве на австрийском фронте...

Молча и с безразличным видом лежавший на кровати Лятьевский привстал, свесил босые ноги, с хрустом потягиваясь, угрюмо сверкнул единственным глазом.

— Трогательное свидание! — хрипло сказал он. — Повстанческая, так сказать, идиллия. Не люблю я этих сентиментальных сцен, заквашенных на дурном пафосе!

— Перестаньте! — резко сказал Половцев.

Лятьевский пожал плечами:

— Почему я должен перестать? И что я должен перестать?

— Перестаньте, прошу вас! — совсем тихо проговорил Половцев, подымаясь на ноги и медленной, словно крадущейся походкой направляясь к кровати.

[1] «Калмык» — юго-восточный ветер.

В прыгающей левой руке он держал шашку, правой — расстегивал, рвал ворот серой толстовки. Яков Лукич с ужасом увидел, как от бешенства сошлись к переносью глаза Половцева, как под цвет толстовки стало его одутловатое лицо.

Спокойно и не торопясь Лятьевский прилег на кровать, закинул за голову руки.

— Театральный жест! — сказал он, насмешливо улыбаясь, глядя в потолок одиноким глазом.— Все это я уже видел, и не раз, в паршивых провинциальных театрах. Мне это надоело!

Половцев остановился в двух шагах от него, очень усталым движением поднял руку, вытер испарину со лба; потом рука, безвольная и обмякшая, скользнула вниз.

— Нервы... — сказал он невнятно и косноязычно, как парализованный, и лицо его потянула куда-то вкось похожая на улыбку длинная судорога.

— И это я слышал уже не раз. Да полно вам бабиться, Половцев! Возьмите себя в руки.

— Нервы...— промычал Половцев.— Шалят нервы... Мне тоже надоело в этой темноте, в этой могиле...

— Темнота — друг мудрых. Она способствует философским размышлениям о жизни, а нервы практически существуют только у малокровных, прыщеватых девиц и у дам, страдающих недержанием слова и мигренью. Нервы — позор и бесчестье для офицера! Да вы только притворяетесь, Половцев, нет у вас никаких нервов, одна блажь! Не верю я вам! Честное офицерское слово, не верю!

— Вы не офицер, а скот!

— И это я слышал от вас не один раз, но на дуэль я вас все равно вызывать не буду, идите вы к чорту! Старо и несвоевременно, и дела есть поважнее. К тому же, как вам известно, достопочтеннейший, дерутся только на шпагах, а не на полицейских селедках, образец которой вы так трогательно и нежно прижимали к своим персям. Как старый артиллерист, я презираю этот вид холодного украшения. Есть и еще один аргумент против вызова вас на дуэль: вы — плебей по происхождению и крови, а я — польский дворянин одной из самых старых фамилий, которая...

— Слушай сюда, с..... шляхтич! — грубо оборвал его Половцев, и голос его неожиданно обрел привычную твердость и металлический, командный накал. — Глумиться над георгиевским оружием?! Если ты скажешь еще хоть одно слово, — я зарублю тебя, как собаку!

Лятьевский привстал на кровати. На губах его не было и тени недавней иронической улыбки. Серьезно и просто он сказал:

— Вот в это я верю! Голос выдает ваши искренние и добрые намерения, а потому я умолкаю.

Он снова прилег, до подбородка натянул старенькое байковое одеяло.

— Все равно, я убью тебя, — упрямо твердил Половцев, по-бычьи склонив голову, стоя возле кровати. — Вот этим самым клинком я из одного ясновельможного скота сразу сделаю двух и, знаешь, когда? Как только свергнем на Дону Советскую власть!

— Ну, в таком случае я могу спокойно жить до глубокой старости, а может быть, проживу вечно, — усмехаясь, сказал Лятьевский и, матерно выругавшись, отвернулся лицом к стене.

Яков Лукич возле двери переступал с ноги на ногу, словно стоял на горячих угольях. Несколько раз он порывался выйти из горенки, но Половцев удерживал его движением руки. Наконец, он не вытерпел, взмолился:

— Разрешите мне удалиться, ослобоните меня, ваше благородие! Уже скоро светать будет, а мне рано надо в поле ехать...

Половцев сел на стул, положил на колени шашку и, опираясь о нее руками, низко согнувшись, долго хранил молчание. Слышно было только, как тяжело, с сапом, он дышит да тикают на столе его большие карманные часы. Яков Лукич думал, что Половцев дремлет, но тот рывком поднял со стула свое грузное, плотно сбитое тело, сказал:

— Бери, Лукич, седла, а я возьму остальное. Пойдем, спрячем все это в надежном и сухом месте. Может быть, в этом, как его... Э, чорт его, — в сарае, где у тебя сложены кизяки, а?

— Место подходящее, пойдемте, — охотно согласился Яков Лукич, не чаявший выбраться из горенки.

Он уже взял было на руки одно седло, но тут Лятьевский вскочил с кровати, как ошпаренный, бешено сверкая глазом, зашипел:

— Что вы делаете? Я спрашиваю вас, что вы изволите делать?

Половцев, склонившийся над буркой, выпрямился, холодно спросил:

— Ну, а в чем дело? Что вас так взволновало?

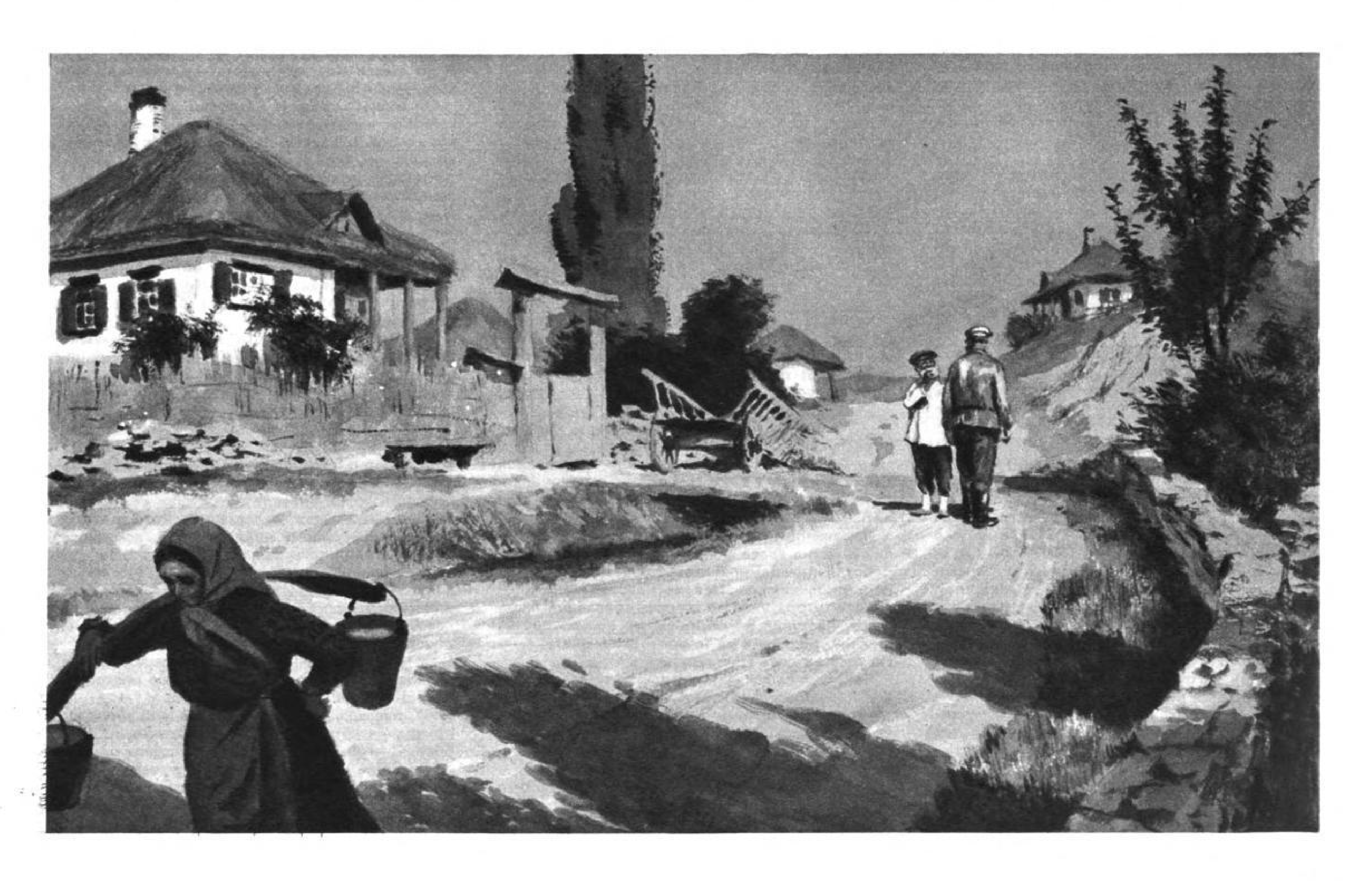
— Как же вы не понимаете? Прячьте, если вам угодно, седла и вот этот металлолом, но пулемет и диски оставьте! Вы живете не на даче у приятеля, и пулемет нам может понадобиться в любую минуту. Вы это понимаете, надеюсь?

После короткого раздумья Половцев согласился:

— Пожалуй, вы правы, радзивилловский ублюдок. Тогда пусть все остается здесь. Иди, Лукич, спать, можешь быть свободен.

И до чего же прочной на сохранность оказалась старая служивская закваска! Не успел Яков Лукич и подумать о чем-либо, а босые ноги его уже сами по себе, непроизвольно сделали «налево кругом», и натруженные пятки сухо и почти неслышно стукнулись одна о другую. Заметивший это Половцев слегка улыбнулся, а Яков Лукич, только притворив за собою дверь, понял свою оплошность, крякнул от конфуза, подумал: «Попутал меня этот бородатый чорт своей выправкой!»

До самого рассвета он не сомкнул глаз. Надежды на успех восстания сменялись у него опасениями провала и запоздалыми раскаяниями по поводу того, что очень уж опрометчиво связал свою судьбу с такими отпетыми людьми, как Половцев и Лятьевский. «Эх, поспешил я, влез, как кур во щи! — мысленно сокрушался Яков Лукич. — Было бы мне, старому дураку, выждать, постоять в сторонке, не примолвливать поначалу Александра Анисимовича. Взяли бы они верх над коммуни-

стами — вот тогда и мне можно было бы к ним пристать на готовенькое, а так — очень даже просто подведут они меня, как слепого, под монастырь... И так рассудить: ежели я — в стороне, да другой, да третий, тогда что же получится? Век на своем хребту возить Советскую власть? Тоже не годится! А подобру-поздорову она с нас не слезет, ох, не слезет! Скорее бы уж какой-нибудь конец приходил... Обещает Александр Анисимович и десант из-за границы и подмогу от кубанцев, мягко стелет, а каково спать будет? Господь его милостивый знает! А ну как союзники отломят высаживаться на нашу землю, — тогда что? Пришлют, как в девятнадцатом году, английские шинели, а сами будут у себя дома кофеи распивать да со своими бабами в утеху играть, — вот тогда что мы будем делать с одними ихними шинелями? Кровяные сопли будем утирать полами этих шинелей, только и всего. Побьют нас большевики, видит бог, побьют! Им это дело привычное. Тогда уж пропадем все, кто супротив них встанет. Дымом возьмется донская землица!»

От этих мыслей Якову Лукичу стало грустно и жалко себя чуть не до слез. Он долго кряхтел, стонал, крестился, шепча молитвы, а потом снова в назойливых думах вернулся к мирскому: «И чего Александр Анисимович не поделят с этим кривым поляком? Чего они постоянно сцепливаются? Такое великое дело предстоит, а они живут, как два злых кобеля в одной конуре. И все больше этот одноглазый наскакивает, брехливый, то так скажет, то этак. Поганый человек, никакой веры я ему не даю. Недаром пословица говорит: «Не верь кривому, горбатому и своей жене». Убьет его Александр Анисимович, ей богу, убьет! Ну, и господь с ним, все одно он не нашей веры».

Под эти успокаивающие мысли наконец-то Яков Лукич забылся недолгим и тягостным сном.

* * *

Яков Лукич проснулся, когда уже взошло солнце. За какой-то час он умудрился перевидеть множество снов, и все один другого нелепее и безобразнее. То ему снилось, что он стоит в церкви возле аналоя, молодой и нарядный, в полном жениховском уборе, а рядом с ним — в длинном подвенечном платье, весь, как белым облаком, окутанный фатой, лихо перебирает ногами Лятьевский и пялит на него блудливо насмешливый глаз и все время подмигивает им бесстыже и вызывающе.

Яков Лукич будто бы говорит ему: «Вацлав Августович, негоже нам с тобой венчаться: ты же хоть и плохонький, а все-таки мужчина. Ну куда это годится, такое дело? Да и я уже женатый. Давай скажем про все это попу, а то он окрутит нас людям на смех!» Но Лятьевский берет холодной рукою руку Якова Лукича, наклоняясь к нему, доверительно шепчет: «Не говори никому, что ты женатый! А из меня, милый Яша, такая жена выйдет, что ты только ахнешь!» «Да ну тебя к чорту, кривой дурак!» — хочет крикнуть Яков Лукич, пытаясь вырвать свою руку из руки Лятьевского, но это ему не удается, — пальцы у Лятьевского холодные, стальные, а голос Якова Лукича странно беззвучен, и губы будто сделаны из ваты... От ярости Яков Лукич плюется и просыпается; на бороде у него и на подушке клейкая слюна...

Не успел он осенить себя крестным знамением и прошептать «свят, свят», а ему уже снова снится, что он с сыном Семеном, с Агафоном Дубцовым и другими однохуторянами бродят по какой-то огромной плантации, под руководством одетых в белое молодых женщин-надсмотрщиц рвут помидоры. И сам Яков Лукич и все окружающие его казаки почему-то голые, но никто, кроме него, не стыдится своей наготы. Дубцов, стоя к нему спиной, склоняется над помидорным кустом, и Яков Лукич, задыхаясь от смеха и возмущения, говорит ему: «Ты хоть не нагинайся так низко, рябой мерин! Ты хоть баб-то постыдись!»

Сам Яков Лукич срывает помидоры, смущенно приседая на корточки и только одной правой рукой, левую он держит словно нагой купальщик перед тем, как войти в воду...

Проснувшись, Яков Лукич долго сидел на кровати, тупо смотрел перед собой ошалело испуганными глазами. «Такие паскудные сны к добру не снятся. Быть беде!» — решил он про себя, ощущая на сердце неприятную тяжесть и уже наяву отплевываясь при одном воспоминании о том, что недавно снилось.

В самом мрачном настроении он оделся, оскорбил действием ластившегося к нему кота, за завтраком ни с того ни с сего обозвал жену «дурехой», а на сноху, неуместно вступившую за столом в хозяйственный разговор, даже замахнулся ложкой, как будто она была маленькой девчонкой, а не взрослой женщиной. Отцовская несдержанность развеселила Семена: он скорчил испуганно-глупую рожу, подмигнул жене, и та вся затряслась от беззвучного смеха. Это окончательно вывело Якова Лукича из себя: он бросил на стол ложку, крикнул срывающимся от злости голосом:

— Оскаляетесь, а скоро, может, плакать будете!

Не докончив завтрака, он демонстративно стал вылезать из-за стола и тут, как на грех, оперся ладонью о край миски и вылил себе на штаны недоеденный горячий борщ. Сноха, закрыв лицо руками, метнулась в сени. Семен остался сидеть за столом, уронив на руки голову; только мускулистая спина его вздрагивала да ходуном ходили от смеха литые лопатки. Даже вечно серьезная жена Якова Лукича — и та не могла удержаться от смеха.

— Что это с тобой, отец, ныне поделялось? — смеясь, спросила она.— С левой ноги встал или плохие сны снились?

— А ты почем знаешь, старая ведьма?! — вне себя крикнул Яков Лукич и опрометью выскочил из-за стола.

На пороге кухни он зацепился за вылезший из дверного косяка гвоздь, до локтя распустил рукав новой сатиновой рубахи. Вернулся к себе в комнату, стал искать в сундуке другую рубаху, и тут небрежно прислоненная к стене крышка сундука упала, весомо и звучно стукнула его по затылку.

— Да будь же ты проклят! И что это нынче за день выдался! — всердцах воскликнул Яков Лукич, обессиленно садясь на табурет, бережно ощупывая вскочившую на затылке здоровенную шишку.

Кое-как он переоделся, сменил облитые борщом штаны и порванную рубаху, но так как очень волновался и торопился, то позабыл застегнуть ширинку. В таком неприглядном виде Яков Лукич дошел почти до правления колхоза, про себя удивляясь, почему это встречавшиеся женщины, поздоровавшись, как-то загадочно улыбаются и поспешно отворачиваются... Недоумение его бесцеремонно разрешил семенивший навстречу дед Щукарь.

— Стареешь, милушка Яков Лукич? — участливо спросил он, останавливаясь.

— А ты молодеешь? Что-то по тебе не видно! Глаза красные, как у крола, и слезой взялись.

— Глаза у меня слезятся от ночных чтениев. На старости годов читаю и прохожу разное высшее образование, но держу себя в аккурате, а вот ты забывчив стал прямо по-стариковски...

— Чем же это я забывчив стал?

— Калитку дома позабыл закрыть, скотину пораспускаешь...

— Семен закроет, — рассеянно сказал Яков Лукич.

— Твою калитку Семен закрывать не будет...

Пораженный неприятной догадкой, Яков Лукич опустил глаза долу, ахнул и проворно заработал пальцами. В довершение всех бед и несчастий, свалившихся на него в это злополучное утро, уже во дворе правления Яков Лукич наступил на оброненную кем-то картофелину, раздавил ее и, поскользнувшись, растянулся во весь рост.

Нет, это было уже чересчур, и все творилось неспроста! Суеверный Яков Лукич был глубочайше убежден в том, что его караулит какое-то большое несчастье. Бледный, с трясущимися губами, вошел он в комнату Давыдова, сказал:

— Захворал я, товарищ Давыдов, отпустите меня нынче с работы. Кладовщик меня заменит.

— Ты что-то плохо выглядишь, Лукич, — сочувственно отозвался Давыдов. — Пойди, отдохни. К фельдшеру сам зайдешь или прислать его к тебе на дом?

Яков Лукич безнадежно махнул рукой:

— Фельдшер мне не поможет, отлежусь сам...

Дома он велел закрыть ставни, разделся и лег на кровать, терпеливо ожидая шествующую где-то беду... «А все эта проклятая власть! — мысленно роптал он. — Ни днем, ни ночью нету от нее спокою! По ночам какие-то дурачьи сны снятся, каких сроду в старое время не видывал, днем одно лихо за другим вожжою тянутся за тобой... Не доживу я при этой власти положенного мне от бога сроку! Загнусь раньше времени!»

Однако тревожные ожидания Якова Лукича в этот день были напрасны: беда где-то задержалась и пришла к нему только через двое суток и с той стороны, откуда он меньше всего ожидал ее...

Перед сном Яков Лукич для храбрости выпил стакан водки, ночь проспал спокойно, без сновидений, а утром ободрился духом, с радостью подумал: «Пронесло!» День провел в обычной деловой суете, но на следующий день, в воскресенье, заметив перед ужином, что жена чем-то встревожена, спросил:

— Что-то ты, мать, вроде как не в себе? Аль корова захворала? Вчера и я тоже примечал за ней, будто она какая-то невеселая вернулась из табуна.

Хозяйка повернулась к сыну:

— Сема, выдь на час, мне с отцом надо погуторить.

Причесывавшийся перед зеркалом Семен недовольно проговорил:

— Что это вы все какие-то секреты разводите? В горенке эти друзья отцовы — чорт их навялил на нашу шею — день и ночь шепчутся, а тут — вы... Скоро от ваших секретов житья в доме не станет. Не дом, а женский монастырь: кругом одни шушуканья да шопотки...

— Ну, это не твоего телячьего ума дело! — вспылил Яков Лукич.— Сказано тебе — выйди, значит, выйди! Больно уж ты что-то разговорчив стал... Смотри, поджимай язык, а то его и прищемить недолго!

Семен вспыхнул, повернулся к отцу лицом, глухо сказал:

— А вы, папаня, тоже поменьше грозитесь! В семье у нас пужливых и маленьких нету. А то ежели мы один другому грозить зачнем, — как бы всем нам хуже не было...

Он вышел, хлопнув дверью.

— Вот и полюбуйся на своего сыночка! Каков герой оказался сукин сын! — с сердцем воскликнул Яков Лукич.

Никогда не вступавшая в пререкания с ним жена сказала сдержанно:

— Да ведь как рассудить, Лукич, и нам эти твои жильцы-дармоеды не дюже в радость. Живем при них с такой оглядкой, — аж тошно! Того и гляди, сделают у нас обыск хуторские власти, — ну тогда пропали! Не жизня у нас, а трясучка, каждого шороха боишься, каждого стука. Не дай и не приведи господь никому такой жизни! И об тебе и об Семушке я вся душой изболелась. Дознаются про наших постояльцев, заберут их, да и вас прихватят. А тогда что мы, одни бабы, будем делать? По миру с сумкой ходить?

— Хватит! — прервал ее Яков Лукич.— Без вас с Семкой знаю, что делаю. Ты об чем хотела гутарить? Выкладывай!

Он плотно притворил обе двери, близко подсел к жене. Вначале он слушал ее, наружно не выказывая охватившей его тревоги, а подконец, уже не владея собой, вскочил с лавки, забегал по кухне, потерянно шепча:

— Пропали! Погубила рóдная мамаша! Голову сняла!

Немного успокоившись, он выпил подряд две больших кружки воды, в тяжком раздумье опустился на лавку.

— Что же будешь делать теперь, отец?

Яков Лукич не ответил на вопрос жены. Он его не слышал...

Из рассказа жены он узнал, что недавно приходили четыре старухи и настоятельно требовали, чтобы их провели к господам офицерам. Старухам не терпелось узнать, когда офицеры с помощью приютившего их Якова Лукича и других гремяченских казаков начнут восстание и свергнут безбожную Советскую власть. Тщетно жена Якова Лукича заверяла их, что никаких офицеров в доме не было и

нет. В ответ на это горбатая и злая бабка Лощилина разгневанно сказала ей: «Молода ты мне, матушка, брехать! Твоя же родная свекровь говорила нам, что офицерья еще с зимы проживают у вас в горнице. Знаем, что живут они, потаясь людей, но ведь мы же никому не скажем про них. Веди нас к старшему, какого Александром Анисимычем кличут!»

...Входя к Половцеву, Яков Лукич испытывал уже знакомый ему трепет. Он думал, что Половцев, услышав о случившемся, взбесится, даст волю кулакам, и ждал расправы, по-собачьи покорный и дрожащий. Но когда он, сбиваясь и путаясь от волнения, но ничего не утаив, рассказал все, что услышал от жены,— Половцев только усмехнулся:

— Нечего сказать, хороши из нас конспираторы... Что ж, этого и надо было ожидать. Стало быть, подвела нас твоя мамаша, Лукич? Что же теперь будем делать, по-твоему?

— Уходить вам надо от меня, Александр Анисимыч! — решительно сказал ободренный приемом Яков Лукич.

— Когда?

— Чем ни скорее, тем лучше. Раздумывать дюже некогда.

— Без тебя знаю. А куда?

— Не могу знать. А где же товарищ... Извиняйте, пожалуйста, за оговорку! Где же господин Вацлав Августович?

— Нет его. Будет ночью, и ты его встретишь завтра возле сада. Атаманчуков тоже на краю хутора живет? Вот там и перебуду считанные дни... Веди!

Они дошли крадучись, и перед тем как расстаться, Половцев сказал Якову Лукичу:

— Ну, будь здоров, Лукич! Ты подумай, Лукич, насчет своей мамаши... Она может завалить все наше дело... Ты об этом подумай... Лятьевского встретишь и скажешь, где я сейчас.

Он обнял Якова Лукича, коснулся его сухой и жесткой, небритой щеки сухими губами и, отдалившись, как бы прирос к давно не мазанной стенке дома, исчез...

Яков Лукич вернулся домой и, улегшись спать, необычно сурово подвинул к стенке жену, сказал:

— Ты, вот что... ты матерю больше не корми... и воды ей не давай...— она все равно помрет не нынче — завтра...

Жена Якова Лукича, прожившая с ним долгую и нелегкую жизнь, только ахнула:

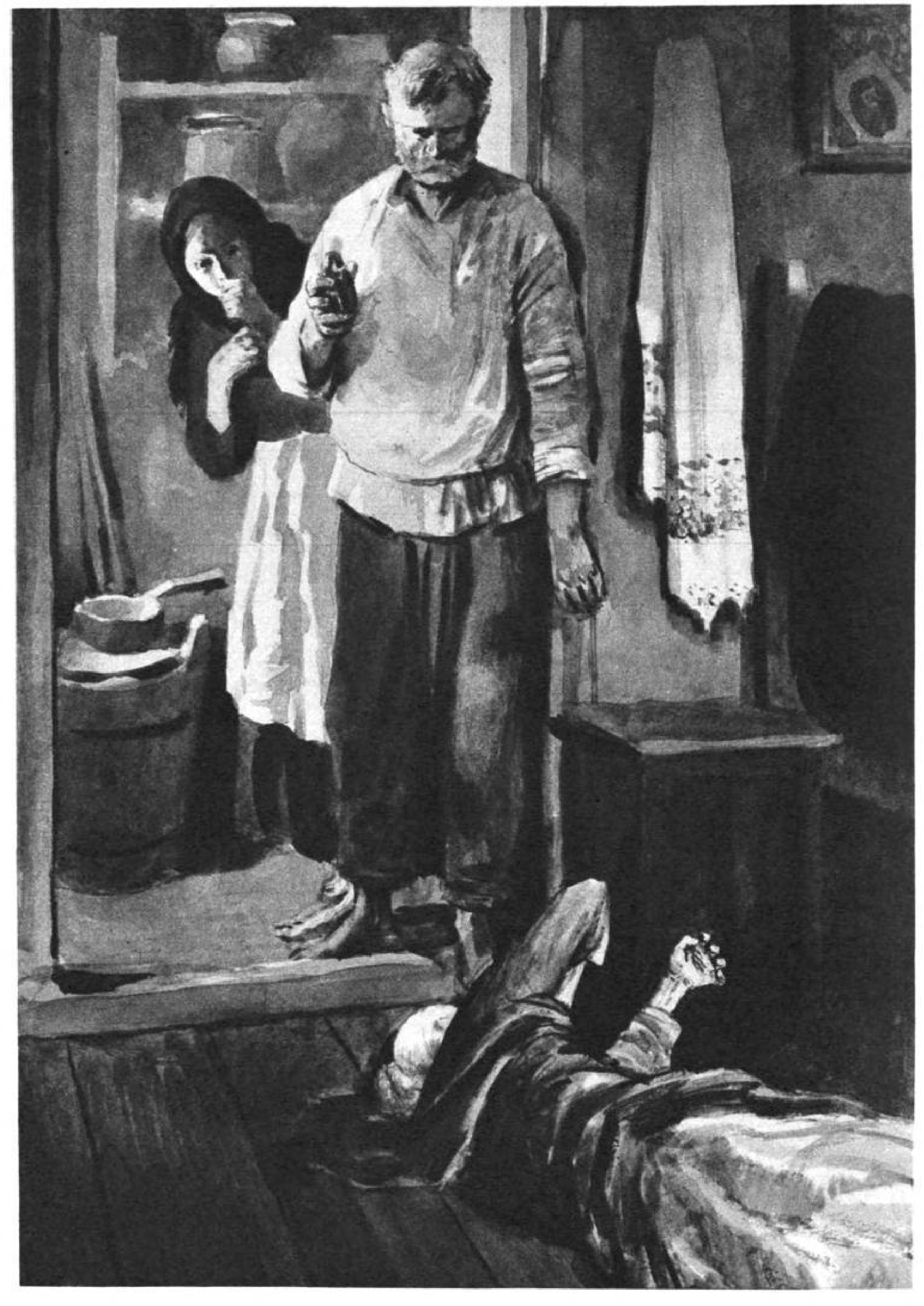
— Яша! Лукич! Ты же сын ее!

И тут Яков Лукич, чуть ли не впервые за все время совместного и дружного житья, наотмашь, с силой ударил немолодую свою жену, сказал приглушенно и хрипло:

— Молчи! Она же нас в такую трату даст! Молчи! В ссылку хочешь?

Яков Лукич тяжело поднялся, снял с сундука небольшой замок, осторожно прошел в теплые сени и замкнул дверь горенки, где была его мать.

Старуха услышала шаги. Давным-давно она привыкла узнавать его по шагам... Да и как же ей было не научиться распознавать слухом даже издали поступь сына? Пятьдесят с лишним лет назад она — тогда молодая и красивая казачка,— отрываясь от домашней работы или стряпни, с восторженной улыбкой прислушивалась к тому, как неуверенно, с перерывами, шлепают по полу в соседней горнице босые ножонки ее первенца, ее единственного и ненаглядного Яшеньки, ползунка, только что научившегося ходить. Потом она слышала, как вприпрыжку, с пристуком, топочут по крыльцу ножки ее маленького Яшутки, возвращающегося из школы. Тогда он был веселый и шустрый, как козленок. Она не помнит, чтобы в этом возрасте он когда-нибудь ходил,— он только бегал, и бегал-то не просто, а с прискоком, вот именно как козленок... Тянулась жизнь — как и у всех, кто живет,— богатая длинными горестями и бедная короткими радостями; и вот она — уже пожилая мать — недовольно вслушивается по ночам в легкую, как бы скользящую походку Яши, стройного и разбитного парня, сына, которым она втайне гордилась. Когда он поздно возвращался с игрищ, казалось, что чирики его почти не касаются половиц — так легка и стремительна была его юношеская поступь. Незаметно для нее сын стал взрослым, семейным человеком. Тяжеловесную уверенность приобрела его походка. Уже давно звучат по дому шаги хозяина, зрелого мужа, почти старика, а для нее он попрежнему Яшенька, и она часто видит его во сне маленьким, белобрысым и шустрым мальчуганом...

Вот и теперь, заслышав его шаги, она спросила глуховатым, старушечьим голосом:

— Яша, это ты?

Сын не отозвался ей. Он постоял возле двери и вышел во двор, почему-то ускорив шаги. Сквозь дремоту старуха подумала: «Хорошего казака я родила и доброго хозяина, слава богу, вырастила! Все спят, а он на баз пошел, по хозяйству хлопочет». И горделивая материнская улыбка слегка тронула ее бесцветные, высохшие губы...

С этой ночи в доме стало плохо...

Старуха — немощная и бессильная — все же жила; она просила хоть кусочек хлеба, хоть глоток воды, и Яков Лукич, крадучись, проходя по сенцам, слышал ее задавленный и почти немой шопот:

— Яшенька мой! Сыночек родимый! За что же?! Хоть воды-то дайте!

...В просторном курене все домашние почти перестали бывать. Семен с женой и днevали и ночевали во дворе, а жена Якова Лукича, если хозяйственная нужда заставляла ее бывать в доме, выходила, трясясь от рыданий. Но когда к концу вторых суток сели за стол ужинать и Яков Лукич после долгого безмолвия сказал: «Давайте пока это время переживем тут, в летней стряпке»,— Семен вздрогнул всем телом, поднялся из-за стола, качнулся, как от толчка, и вышел...

...На четвертый день в доме стало тихо. Яков Лукич дрожащими пальцами снял замок, вместе с женой вошел в горенку, где когда-то жила его мать. Старуха лежала на полу около порога, и, случайно забытая на лежанке еще с зимних времен, старая кожаная рукавица была изжевана ее беззубыми деснами... А водой она, судя по всему, пробавлялась, находя ее на подоконнике, где сквозь прорезь ставни перепадал и легкий, почти незаметный для глаза и слуха дождь, и, может быть, ложилась в это туманное лето роса...

Подруги покойницы обмыли ее сухонькое, сморщенное тело, обрядили, поплакали, но на похоронах не было человека, который плакал бы так горько и безутешно, как Яков Лукич. И боль, и раскаяние, и тяжесть понесенной утраты — все страшным бременем легло в этот день на его душу...

(Продолжение следует.)

3.000 километров по Вьетнаму

Промежуточный пункт на пути через джунгли.

Войцех ЖУКРОВСКИЙ

Рисунки Александра КОБЗДЭЯ.

Рассказ об одной семье

5 декабря 1953 года... Я записываю эти слова в толстую тетрадь, переплетенную в зеленое полотно. На обложке вытиснены китайские иероглифы, похожие на диковинные цветы. Вагон качает.

Два дня назад, в морозное утро, мы выехали из Пекина. Провожали нас представители посольств — польского и вьетнамского. Немало пришло и китайских друзей.

...Теперь мы уже порядочно продвинулись на юг. Наш спутник, невысокий, живой, черноглазый студент Ха Куэ, показывает на железнодорожной карте: действительно, порядочное расстояние.

Мы мучаем его вопросами: нам так трудно представить себе страну, куда мы едем. Сведения из географии, лаконичные сводки о сражениях на фронте Вьетнама — всего этого так мало... Как там живут люди? Как они борются?

— Условия меняются с каждым годом,— быстро отвечает Ха Куэ.— Я переходил границу еще нелегально. Шел только ночами, за мной охотились патрули из французских фортов и банды Чан Кайши, которые еще держатся в горах на юге. Я хотел учиться... Для нас народный Китай был страной осуществившейся надежды... Сегодня граница моей родины уже свободна. Вы перейдете ее так, как и во всякой другой стране,— предъявив ваши паспорта...

— Расскажите нам, как там идет война. Мы будем записывать...

Ха Куэ крепко сплетает свои маленькие руки, прижимает их к лицу, смолкает на минуту, потом внимательно смотрит на нас.

— Хорошо. Расскажу вам историю одной семьи... Она жила в селении Ван Мак, недалеко от города Ан Тхи... Может быть, вам не сообщать такие подробности?.. Но мне хотелось бы, чтобы вы знали, где это происходило...

— Говори, Ха Куэ, говори! Мы записываем...

Писать было трудно: вагон сильно качало.

— Так вот... Это Южный Вьетнам, провинция Хунг Йен. Плодородные рисовые поля... Там и родилась Буи Тхи Кук, девушка-партизанка. Когда ей было два года, господин убил ее отца...

— Француз? — спросил Олек.

— Нет, наш, вьетнамский собственник. Возможно, вам это трудно понять, но то, что мы теперь рушим у себя, — это древняя эпоха, ее вы знаете только по учебникам истории... Итак, господин убил ее отца...

— То есть как это убил? — переспрашиваю я.

— Обыкновенно... Забил палкой. Отец Буи Тхи Кук батрачил у него на полях. Девочка уже с девяти лет работала за миску риса — надо было оплачивать налоги,— иначе ее мать заключили бы в волостную тюрьму. В 1945 году японские империалисты разрушили плотины. Наступила великая засуха. Рисовые поля были превращены в плантации джута. Начался голод. Люди пухли и умирали тысячами. Толпами шли они в города и молили о горсти риса. Умирали на мостовых, в воротах домов... А французские колонизаторы тем временем безжалостно вымогали подати. Крестьяне пришли в отчаяние и стали защищаться. Появились тайные союзы и группы. Наша партия организовала партизанскую борьбу. Брат Буи Тхи Кук имел оружие, поэтому он исчезал по ночам, сражался. Он же научил сестру стрелять, писать и читать. Ей было шестнадцать лет, когда она начала участвовать в нашем освободительном движении.

В сентябре 1945 года, как вы знаете, мы провозгласили свою независимость. Французские колонизаторы не могли тогда ничего поделать: они ведь сами выдали мою страну японцам, не сопротивлялись им даже и двадцати четырех часов!.. По селениям организовались комитеты, пробуждался патриотический дух... В 1948 году Буи Тхи Кук приняли в партию. Девушка она была дельная и рассудительная, — ее скоро избрали в волостной комитет. Начали делить земли французских колонизаторов и наших землевладельцев, которые удрали с ними. Девушка сумела склонить членов комитета разделить землю так, чтобы мужчины и женщины получили поровну. Это был целый переворот в нашей жизни.

Сама Буи Тхи Кук и ее мать получили надел земли в три сао [1]. Какая это была радость! Наконец-то у них было свое поле, они могли сажать свой рис! Те дни у нас так и называли: «радостная революция».

Но продолжалось это недолго. В 1949 году колонизаторы начали поход на наши плодородные равнины. По городам и селам пронесся клич: «К оружию!» Каждое селение ощетинилось засеками из заостренного бамбука, опоясалось ловушками и «тигриными ямами». Мосты были снесены, дороги перекопаны.

Экспедиционный корпус колонизаторов пробивал себе дорогу артиллерийским огнем и танками. Самолеты не жалели бомб. В ожесточенных боях погиб брат Буи Тхи Кук. После трехмесячных стычек фронт стабилизовался; он пролег в четырех километрах от селения, где она жила. Захватчики строили форты и возводили доты, закрепляясь на территории захваченной провинции. Иногда они делали вылазки и врывались в селение. Расстреливали мужчин, насиловали девушек, силой забирали рис, а потом, отступая под огнем партизан, поджигали хижины мирных жителей. Население принуждали обеспечивать гарнизон французского форта рабочими, скотом, бамбуком. Вместе с французами вернулся и наш собственник. Его звали Нхи. Он начал отбирать у крестьян землю: мстил за страх, пережитый им в революцию, за свое бегство, за потерю урожая. Предатель выдавал гарнизонным властям семьи партизан и членов партии, помогал оккупантам терроризировать округу. Отрубленные головы ни в чем не повинных вьетнамцев колонизаторы нанизывали на жерди перед воротами форта.

Буи Тхи Кук помогала односельчанам восстанавливать хижины, она поддерживала в людях дух сопротивления, терпеливо разъясняла колеблющимся, почему они должны сражаться. Несмотря на нависшую над ее головой смертельную опасность, она была счастлива. Как обычно каждая девушка, она полюбила, нашла своего нареченного. То был один из товарищей ее брата, молодой партизан.

Тем временем предатель-собственник совершенно распоясался: он захватывал земли тех, кто погиб в освободительной борьбе или был расстрелян оккупантами, разбирал их дома и строил из них хлевы, а семьи партизан становились его рабами. Он сводил счеты с неугодными ему и выдал коменданту форта двадцать во-

Продолжение. См. «Огонек» № 13.

[1] Сао — 360 квадратных метров.

Мать-героиня. Шестеро ее детей сражаются на фронте.

семь человек. Всем им отрубили головы.

Новый, 1950 год начался для селения с плача женщин. Нхи пришел с патрулем захватчиков и созвал сход: на новый год он обещал только новые поборы, новые насилия, новую кровь. Буи Тхи Кук долго совещалась с нареченным, и они решили покарать врага. Девушка притворилась влюбленной в собственника и зазвала его в кусты, где скрывался ее жених. Там она крепко схватила Нхи за руки. Партизан одним ударом ножа выполнил приговор предателю и угнетателю... Вы увидите эти ножи, используемые для прорубания дорог в джунглях. Не ножи — мечи! Хорошо отточенные на камне, они стали грозным оружием. Захватчики из экспедиционного корпуса боятся их больше, чем тигров.

Девушка вместе с женихом перенесла труп в глубину леса и закопала там. Никто о мести не знал. Исчезновение собственника, который служил захватчикам информатором, сильно обеспокоило начальство форта. Комендант почувствовал себя так, словно ему выкололи глаза и отрезали язык: насильнику приходилось действовать вслепую. Началось расследование. Обыскали все окружные селения, но тела изменника так и не нашли. Однако жена его все же донесла, где он был в вечер своей смерти. Селение окружили, всех жителей согнали на площадь. По очереди подвергли истязаниям всех мужчин, женщин, даже детей. Оккупанты требовали, чтобы они выдали партизан. Людям угрожали смертью, прельщали наградами. Два дня никому, даже детям, не давали есть, не позволяли выпить хоть глоток воды. Дети умирали. Люди стали терять стойкость. Тогда Буи Тхи Кук, войдя в толпу плачущих женщин, прошептала: «Если вы назовете хоть одно имя, то вас все равно будут пытать, чтобы вы назвали другое... Будьте тверды, как дерево, будьте, как камень! Молчите и держитесь вашей земли, молчите и не дайте себя сдвинуть с места!.. Я возьму всю вину на себя. Ведь это я его убила...»

Она смело вышла из толпы и крикнула захватчикам: «Это я покарала предателя и кровопийцу! Я убила Нхи вот этими руками». Комендант форта не поверил девушке. С нее сорвали одежду и били так, что она вся была залита кровью. Ее истязали несколько дней. Потом девушку возили на грузовике по окрестным селениям, чтобы она указала партизан или место, где они скрываются. В девичьи груди втыкали нож, бесстрашной патриотке грозили смертью, а она призывала людей: «Отомстите за меня!.. Сражайтесь за свободу!.. Как мне жаль, что не смогу жить дольше, что не увижу победы!»

По приказанию французского коменданта были согнаны люди со всей округи. Он решил казнить девушку так, чтобы страх навсегда поселился в душе свидетелей этой расправы. Была выкопана яма, к четырем кольям привязали распятую, раздетую донага патриотку. Она еще с усилием поднимала голову и кричала: «Подлые псы! Вы можете выпустить из меня хоть всю кровь... Но она будет гореть под вашими ногами! Наша армия придет!.. Она близко, она выгонит вас!» Вне себя от бешенства комендант приказал палачам отсекать девушке поочередно руки и ноги... А она все еще кричала слабеющим голосом: «Люблю свою отчизну!.. Люблю Хо Ши Мина!..» Живой обрубок упал на землю... Ее закопали еще живую... Потом по ее могиле стали гонять людей, чтобы утоптать площадку...

Ха Куэ замолчал. Мы замерли с карандашами в руках.

— Мученическая смерть Буи Тхи Кук,— продолжал вьетнамский студент,— только укрепила волю наших людей к сопротивлению. Девушка принесла себя в жертву за народ. Жених героической партизанки продолжал бороться, карал изменников. Он погиб геройской смертью в боях под Хоа Бинь. Второй брат Буи Тхи Кук был в штурмовой бригаде. Раненный, он вызвался взорвать дот, который огнем преграждал дорогу нашим частям... Враги хотели уничтожить всю семью Буи Тхи Кук. Оккупанты охотились за ее матерью, была объявлена высокая денежная награда тому, кто укажет, где она скрывается. Но крестьяне оберегали старую женщину, они передавали ее из селения в селение, и всюду мать Буи Тхи Кук рассказывала о подвиге дочери. Это привело многих в партизанские отряды. Мать не раз пробиралась к солдатам марионеточной армии, к баодаевцам, и будила в них любовь к родине, звала бросить службу у врагов народа. Однажды она привела целую группу баодаевцев; они пришли с оружием и еще захватили с собой связанного коменданта. Президент Хо Ши Мин сказал о Буи Тхи Кук: «Она будет стоять в веках, как огненный столб, рядом с Зоей Космодемьянской, рядом с китаянкой Лю Ху-лань, она всегда будет волновать сердца тех, кто любит свободу и мир!»

Мы молчали. Быстро наступали сумерки. За окном вагона еще красновато светило солнце. Лицо Ха Куэ было суровым. Помолчав, он добавил:

— Я помню одно письмо матери Буи Тхи Кук. Я помню его наизусть. Она писала делегатам Венского конгресса: «Трое детей моих пали, защищая отчизну. Только мать может понять мою боль. Это непередаваемо огромная боль, но и великая радость для меня. Мои дети заплатили свой долг народу. Они оказались достойными детьми Хо Ши Мина».

Поверьте мне, это не просто слова! — воскликнул Ха Куэ, и черные глаза его засветились глубоким внутренним светом.— Вы увидите у нас, в сельских хижинах, алтари предков и на каждом из них бумажную ленточку — поминальный список... Последние имена — это имена членов семьи, павших за свободу. И произносятся они с наибольшим уважением.

В президиуме народного суда.

Крестьяне на процессе. Судят предателя.

К границе

Двигаемся на юг. Поезд идет медленно. Под нами деревянный мост, еще пахнущий на солнце свежей древесиной. Тридцатью метрами ниже текут зеленые воды горной речушки, настолько прозрачные, что мы видим на дне обомшелые камни и зеркальное поблескивание проплывающих рыб.

Теперь с нами едут еще двое вьетнамцев: делегаты, возвращающиеся с Венского конгресса профсоюзов. Один из них — секретарь союза железнодорожников. Очень кстати пришлось знание мною французского языка: мы завязываем длинную беседу.

— Скажите,— спрашиваю я,— есть ли в Демократической Республике Вьетнам железные дороги? Это намного облегчило бы нам путь,— добавляю я шутливо.

Мать чистит сахарный тростник для своих детей.

— Были, — отвечает вьетнамец.— Теперь их нет — разобрали. Нам очень нужна сталь. Мы перековали рельсы на мечи для прорубания дорог в джунглях, на оружие... Но наши железнодорожники — они теперь работают на других видах транспорта — дождутся своего часа. Ведь придет же он, этот час, когда мы поведем первый поезд в свою освобожденную столицу! В Ханой!

Он рассказывает о самолетах оккупантов, рыскающих на бреющем полете, чтобы обстрелять пашущего крестьянина, группу женщин, возвращающихся с рынка, или даже одинокого велосипедиста.

— Мы хорошо знаем это,— говорю я,— у нас гитлеровцы тоже...

— Вот именно! — подхватывает вьетнамец.— Вам это известно, вам не приходится долго объяснять.

— Китай закончил войну всего лишь четыре года назад,— продолжал он,— а достаточно посмотреть в окно поезда — сколько бодрости нам придает это, какие надежды вселяет! — Он показал на новехонькую станцию, на клумбы, где, несмотря на сушь, горели яркокрасные мясистые цветы, на видневшиеся вдалеке высокие трубы завода.

— Год назад не было и самой этой дороги, — заметил старый китаец в очках. — Толковали тут разные люди, что постройка одного лишь моста займет не меньше двух лет... А мы построили этот мост за месяц!.. Временный, правда, но он уже прошел испытание: паводок выдержал. Соорудили насыпь, пробили туннель и вот — получили железнодорожную линию...

Поезд преодолевал подъем. Пассажиров становилось меньше. В сумерки мы прибыли на последнюю станцию. Тут кончается железная дорога.

На земле Вьетнама

Все здесь волновало и интересовало нас: певучая речь с меняющейся интонацией, быстро жестикулирующие маленькие руки. В группе встречавших оказался студент. Он знал русский язык. Звали его Ван Тань.

— Спокойно! — сдерживал меня Олек.— Все равно всего мы сразу не узнаем... Не разбрасываться! — вот хорошее правило для настоящих путешественников. Всему свой черед.

Нас посадили в грузовик, закрытый сплетенным из бамбука верхом. Солдаты сели в уголке, возле задней завесы. Один из них улегся на мате. Дуновение ветра шевелило листья на его шлеме.

— Путь к центру мы должны сделать за три ночи,— пояснил нам молоденький переводчик.— Этой ночью мы проедем через провинцию Као Банг... Надо успеть!

При свете луны мы увидели зубчатую цепь оголенных гор. Потом заднюю завесу опустили, и мы продолжали путь в полной темноте. Машина резко виляла и качалась. Мы то летели вверх, то падали вниз, как на лодке, плывущей по разбушевавшемуся морю.

— Кажется, едем напрямик? — вздохнул я.

— Да, дорога не из легких...— подтвердил Ван Тань.— Она частично повреждена бомбежками, а остальное мы сделали сами. В первый период войны — у нас его называют «детским», — когда мы сражались мотыгами против танков, пришлось перекопать дороги поперечными рвами, через каждые девять шагов. Теперь исправляем их. Дороги служат нашей свободе. Они все ближе подходят к Ханою... Сейчас мы едем по малоизвестной дороге. Это и заставляет нас включать полный свет: езда наощупь по такой дороге опаснее, чем встреча с воздушным пиратом. Ночной истребитель не сможет тут причинить нам особого вреда: кругом горы, низко опуститься пилот не сможет: разобьется. Но иногда самолеты сбрасывают бандитов-парашютистов группами, по пять — семь человек. Порой бывают стычки даже на основной трассе. У нашего шофера до сих пор в бедре сидит пуля: эти молодчики из засады дали очередь прямо по кабине...

Машина то летела вниз, и мы слышали скрип мелких камней под шинами или плеск воды при переезде через потоки, то шла на подъем, и мотор выл на низких, басовых нотах. Когда грузовик остановился, солдаты приподняли завесу и тихо спустились в темноту. Шофер негромко звякнул бидонами с бензином. Над горами висела луна. В ее свете горы казались грозными, чудовищными, словно кто-то в ярости изрубил их топором: одни обтесал, другие только выщербил и бросил, не желая заниматься бесполезным делом. Ниже раскинулась лохматая, черная чаща джунглей.

По тихому свисту шофера над бортом появились головы в обшитых листьями шлемах. Солдаты подавали друг другу автоматы, вскакивали в кузов. Садились сторожко, выставив дула в темноту.

Поехали. В дороге кто-то из бойцов запел высоким, звучным голосом партизанскую песню...

— Завтра же начинаю рисовать! — твердо сказал Олек.— Пора уже: не дают мне покоя эти чистые листы... Прекрасную бумагу подарили мне в Пекине!

— Не завтра, а сегодня: уже за полночь, — ответил я.

Циферблат моих часов фосфоресцирует зеленым, мигающим светом. Скрипит кузов, бегут минуты и часы. Машина идет зигзагами. Уже четвертый час. Останавливаемся. Ночь очень холодная. Солдаты расходятся во все стороны.

— Шофер говорит, что на сегодня достаточно, — отзывается Ван Тань. — Здесь можно укрыть машину. Солдаты пошли искать для нас грот.

Мы стоим на обочине разрушенного шоссе. Дальше видим рисовые поля, черную линию леса и горную полосу. Озябшие солдаты притопывают ногами. Вдалеке возникает огонек, он приближается. Кто-то, размахивая факелом, подходит к нам.

— Есть ночлег! — с облегчением вздыхает переводчик.

Забираем рюкзаки и по тропинке идем в джунгли, освещая путь короткими вспышками фонариков. С трудом протискиваемся через ограду из колючей проволоки. Навстречу нам выходит старый рабочий в берете, скрипят железные ворота, ведущие в грот. Минуту спустя появляется второй, более молодой вьетнамец. Приветствуя нас, он шутливо объявляет:

— Отель «Пещера»! Добро пожаловать! Сейчас приготовим кровати...

Входим. Старик подкручивает фитиль в керосиновой лампе и освещает наши лица.

— Вы поляки?

— Да.

— Как здоровье товарища Берута?

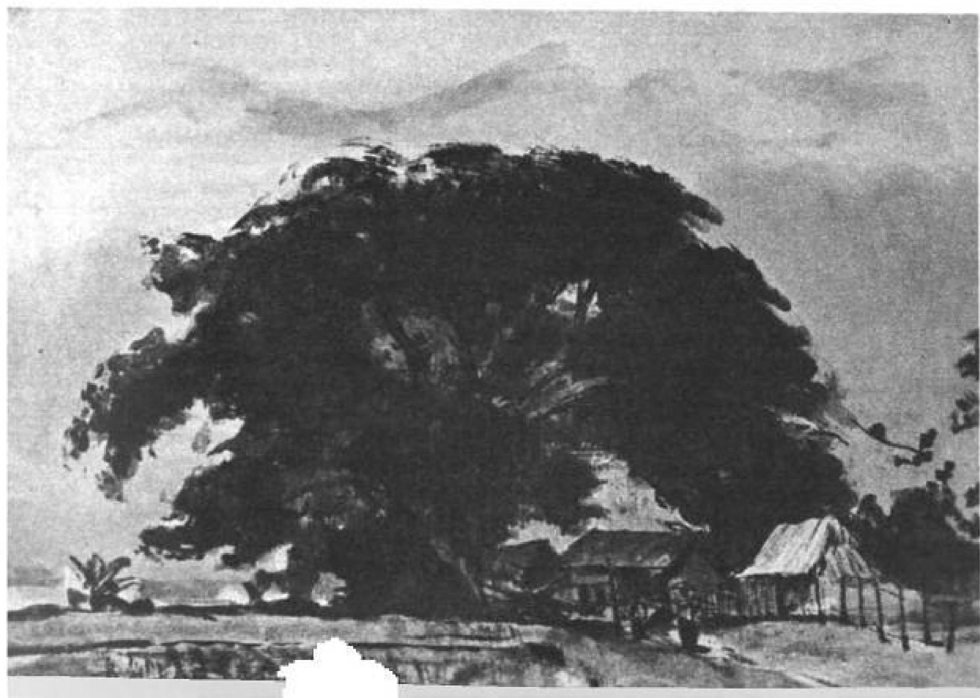
Этот вопрос — не форма вежливости: здоровье людей здесь, в нелегких условиях джунглей, — всегда предмет большой заботы.
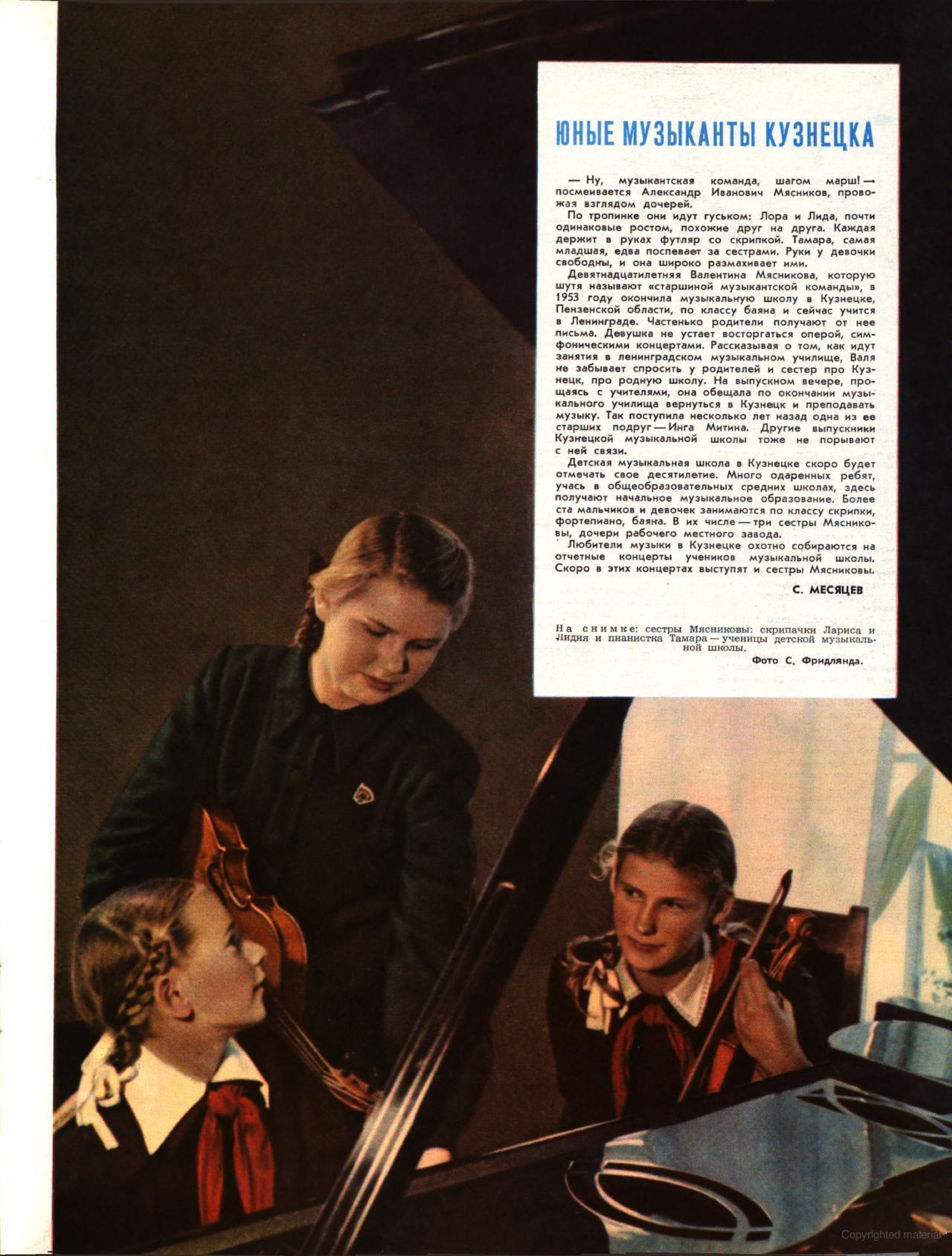
— Если наши руководители здоровы, то это замечательно: они могут много сделать хорошего... — говорит старик. — Отец Хо чувствует себя прекрасно и все время работает для народа...

Повозки, замаскированные от самолетов врага.

Дерево кэй да настолько огромно, что прикрывает собою целое селение.

ЮНЫЕ МУЗЫКАНТЫ КУЗНЕЦКА

— Ну, музыкантская команда, шагом марш! — посмеивается Александр Иванович Мясников, провожая взглядом дочерей.

По тропинке они идут гуськом: Лора и Лида, почти одинаковые ростом, похожие друг на друга. Каждая держит в руках футляр со скрипкой. Тамара, самая младшая, едва поспевает за сестрами. Руки у девочки свободны, и она широко размахивает ими.

Девятнадцатилетняя Валентина Мясникова, которую шутя называют «старшиной музыкантской команды», в 1953 году окончила музыкальную школу в Кузнецке, Пензенской области, по классу баяна и сейчас учится в Ленинграде. Частенько родители получают от нее письма. Девушка не устает восторгаться оперой, симфоническими концертами. Рассказывая о том, как идут занятия в ленинградском музыкальном училище, Валя не забывает спросить у родителей и сестер про Кузнецк, про родную школу. На выпускном вечере, прощаясь с учителями, она обещала по окончании музыкального училища вернуться в Кузнецк и преподавать музыку. Так поступила несколько лет назад одна из ее старших подруг — Инга Митина. Другие выпускники Кузнецкой музыкальной школы тоже не порывают с ней связи.

Детская музыкальная школа в Кузнецке скоро будет отмечать свое десятилетие. Много одаренных ребят, учась в общеобразовательных средних школах, здесь получают начальное музыкальное образование. Более ста мальчиков и девочек занимаются по классу скрипки, фортепиано, баяна. В их числе — три сестры Мясниковы, дочери рабочего местного завода.

Любители музыки в Кузнецке охотно собираются на отчетные концерты учеников музыкальной школы. Скоро в этих концертах выступят и сестры Мясниковы.

С. МЕСЯЦЕВ

На снимке: сестры Мясниковы: скрипачки Лариса и Лидия и пианистка Тамара — ученицы детской музыкальной школы.

Фото С. Фридлянда.

Львовский завод сельскохозяйственного машиностроения выпускает кормозапарники для животноводческих ферм.
На снимке: осмотр готовых аппаратов перед отправкой.

Фото Я. Рюмкина.

ПО НОВЫМ ЦЕНАМ

Седьмой раз в нашей стране происходит снижение цен на продовольственные и промышленные товары. В результате последнего снижения, с 1 апреля 1954 года, население получит только по линии государственной и кооперативной торговли прямую выгоду, в расчете на год, не менее 20 миллиардов рублей. Дополнительную выгоду представит снижение цен на колхозном рынке.

На снимках: справа — у Дома ленинградской торговли в первый день после снижения цен; внизу — переучет товаров в магазине «Ткани» № 23 Мостекстильторга.

Фото Н. Ананьева, О. Кнорринга и А. Новикова.

МИЛЛИОН ЛЕКЦИЙ В ГОД

В Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялся второй съезд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Созданное по инициативе передовых ученых и общественно-политических деятелей, общество превратилось ныне в массовую организацию советской интеллигенции, насчитывающую триста тысяч членов. Проводя большую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний организует ежегодно свыше миллиона лекций по различным отраслям знаний.

В своем приветствии съезду Центральный Комитет КПСС выразил уверенность в том, что Всесоюзное общество будет с честью выполнять почетную задачу — нести в народные массы бессмертное учение Маркса—Энгельса — Ленина — Сталина, новейшие достижения современной науки и техники, широко распространять передовой опыт новаторов промышленности и сельского хозяйства.

Группа делегатов съезда в фойе Колонного зала Дома союзов. Слева направо: профессор Горьковского педагогического института С. М. Василейский, профессор Казанского ветеринарного института А. П. Студенцов, профессор Горьковского университета С. И. Архангельский, директор Казанского сельскохозяйственного института С. Н. Коньков и член-корреспондент Академии наук СССР А. Д. Удальцов.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Весна на севере

На юге уже идут полевые работы, а Северная Двина еще скована льдом и глубокий снег лежит на полях. Но на снежном покрове под лучами солнца поблескивает по утрам серебристая корочка — предвестник весны. Недолго продлится она на севере. Колхозным механизаторам особенно дорог каждый час, в считанные дни надо провести сев.

С особенной тщательностью готовятся труженики села к весне этого года. Вывозятся на поля удобрения, еще раз проверяется качество семян, заканчивается ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин. Много нового несет эта весна в колхозы и МТС. Впервые для выращивания рассады овощей будут применены торфоперегнойные горшочки. На полях многих животноводческих колхозов появится новая для севера, высокоурожайная силосная культура — кукуруза. Расширяются посевы кормовой капусты, которая, как показывает опыт передового колхоза «Новая жизнь», Холмогорского района, дает в условиях Архангельской области устойчивые, высокие урожаи.

К началу весенних полевых работ машинно-тракторные станции получили много техники. Впервые с помощью машин будут высаживаться клубни картофеля и горшочки с рассадой овощей. Механизаторы успешно овладевают новой техникой. В Холмогорской, Приморской и других МТС побывал машинист Ногинской МТС Московской области К. Колышев, который поделился своим опытом посадки картофеля квадратно-гнездовым способом.

З. ШАДХАН

Практические занятия в архангельской школе механизации сельского хозяйства.

Фото К. Коробицына.

Книга—достояние народа

В Москве открылась выставка «Книга в Германской Демократической Республике». Здесь демонстрируется свыше 3 тысяч экспонатов — книг, брошюр, журналов, альбомов. Большое внимание уделяет правительство ГДР науке, искусству, народному образованию. Книга здесь стала подлинным достоянием народа.

Выставка свидетельствует о широте и значительности тематики и о высоком художественном уровне оформления издаваемых книг.

На снимке: открытие выставки. Выступает немецкий писатель Эдуард Клаудиус (справа). Слева — писатель Стефан Гейм и Временный Поверенный в Делах ГДР в Москве К. Зейц.

Фото М. Савина.

Сланцевую золу—на колхозные поля

Ежедневно в топках таллинских предприятий и учреждений сгорают сотни тонн сланца. При сгорании сланец дает до 40 процентов золы. Заводы часто очищают топки и вывозят золу на загородные пустыри и в карьеры Ласнамяэской каменоломни. Горы сланцевой золы окружают Таллин. А ведь сланцевая зола — ценное удобрение для эстонских почв. В некоторых районах Эстонии почвы подзолистые и кислые, их надо известковать: вносить кальций и другие вещества, необходимые для питания растений.

Почвоведы Эстонии установили, что сланцевая зола является прекрасным средством для известкования кислых почв. Узнав об этом, таллинские комсомольцы решили помочь селу и вывезти на колхозные поля 6 тысяч тонн сланцевой золы.

Каждое воскресенье на залежах сланцевой золы в каменоломнях или на загородных пустырях работает экскаватор. К нему вереницей подходят грузовые машины. За рулем — комсомольцы и молодые шоферы, откликнувшиеся на призыв Таллинского горкома комсомола.

Н. ХРАБРОВА

Комсомольцы разгружают машину со сланцевой золой.

Фото С. Розенфельда.

На IV съезде Социалистической единой партии Германии

В президиуме съезда. Справа налево: тт. Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт и А. И. Микоян.

Делегаты направляются в Вернер-Зееленбиндер-галле на заседание съезда.

В зале заседаний.

↓Делегация КПСС на съезде посетила народное предприятие «Бергман — Борзиг» в Берлине. Глава делегации тов. А. И. Микоян обменивается рукопожатием с рабочим завода.

Во время перерыва. Делегаты осматривают выставку промышленности Германской Демократической Республики.

Премия школьницы Даватц

Накануне Лариса с подругой ездила в Звенигород на этюды. В лесу писали последний снег, по пути делали наброски с пассажиров электрички. Приехали в Москву и легли спать поздно, а рано утром Ларису разбудили и по телефону прочитали небольшую газетную заметку:

«Советская школьница Лариса Даватц получила первую премию на международном конкурсе детского рисунка в Индии».

Рисует Лариса с тех пор, как себя помнит. Когда семья Даватцов переехала в Уфу, где отец Ларисы преподает английский язык, она училась во втором классе. В 1951 году в школу пришли уфимские художники. Из рисунков постоянной школьной выставки им больше всего понравились работы Ларисы. Ее спросили, не хочет ли она поехать в Москву учиться «на художника». Тринадцатилетняя девочка сразу согласилась, хотя ей сказали, что в Москве придется жить одной: без отца и матери.

Адрес Московской средней художественной школы — Лаврушинский переулок, 15. Налево — четырехэтажная школа, направо — Третьяковская галерея. Та самая «Третьяковка», о которой так много рассказывала бабушка-москвичка. Сейчас Лариса ходит туда очень часто, почти каждый день: только улицу перейти.

Прошлой весной преподаватель живописи Ашот Григорьевич Сукиасян поставил новый зачетный натюрморт: два чайника, хлеб, бублики, сдобные булки. Писали акварелью, в половину ватманского листа. Задача была трудной, но Лариса справилась с ней неплохо.

Вместе с работами других советских детей эту акварель послали в Дели на конкурс детского рисунка, который проводился еженедельным журналом «Шанкарс уикли», издаваемым индийским художником Шанкаром. В конкурсе участвовало пятнадцать тысяч детей из сорока четырех стран. Лариса Даватц в группе детей своего возраста получила первую премию премьер-министра Индии.

Ларисе 16 лет, она учится в восьмом классе, сейчас работает над иллюстрациями к повести А. П. Чехова «Степь».

Премиями отмечены работы еще семи советских детей. Самому молодому лауреату — москвичке Галине Плугаревой — 6 лет. Премирована ее акварель «Зимой». Из москвичей премии получили восьмилетняя Наташа Тахтомир и пятнадцатилетний Лев Нусберг. Ленинградский школьник Сергей Мавлюбердин удостоен двух премий, третий его рисунок поощрен опубликованием в специальном выпуске журнала. Премированы ленинградцы: семилетние Виктор Изотов, Владимир Агер и пятнадцатилетний Ярослав Лаврентьев.

В. МАТВЕЕВ

Лариса Даватц в мастерской.
Фото А. Новикова.

В Москву прибыл на гастроли французский государственный театр «Комеди франсез». На снимке: встреча артистов театра на Внуковском аэродроме.

Фото Е. Тиханова.

Электричка идет в Клин

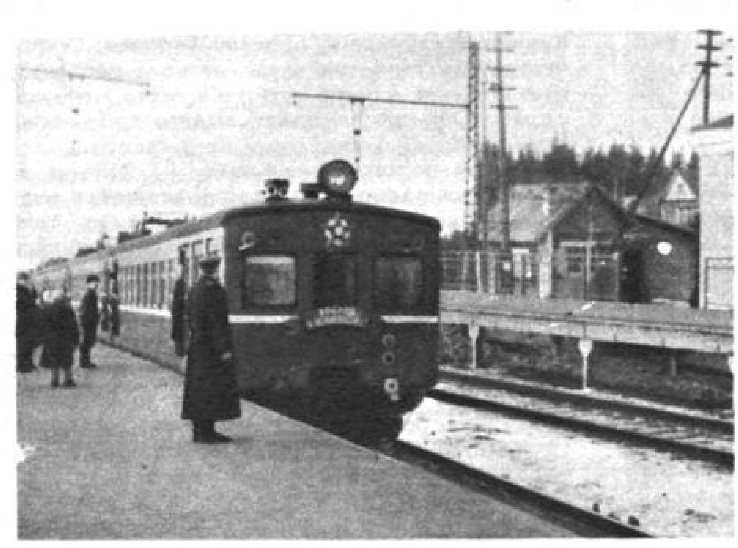
...Электрические поезда мчатся от Москвы до Ленинграда. Такую картину мы увидим в недалеком будущем.

Первый шаг к этому — пригородная линия, связывающая столицу со станцией Крюково. Она была построена в 1950 году. Постепенно линию удлиняли. И вот сейчас она подошла к Клину.

Хорошо потрудились строители: они соорудили 20 высоких станционных платформ, поставили свыше полутора тысяч опор контактной сети. На смену им пришли молодежные бригады электромонтажного поезда. Раньше при монтаже сети сначала раскатывали и подвешивали на опоры трос, а затем провод. Теперь это делают одновременно. Новый метод был применен и на строительстве тяговой подстанции в Подсолнечном.

Новая линия открыта. Теперь москвичи могут проехать на электричке к местам, где жил и творил Петр Ильич Чайковский.

С. КРУЖКОВ

Электропоезд на станции Поварово.
Фото Р. Лихач.

Советский певец на сцене парижской оперы

Недавно из Парижа в Москву возвратился заслуженный артист РСФСР, солист Большого театра СССР Иван Петров. Советский артист выступал в спектаклях Большого оперного театра в Париже — «Борис Годунов» Мусоргского и «Фауст» Гуно.

— Коллектив парижского Большого оперного театра,— сообщил в беседе с нашим корреспондентом Иван Петров, — принял меня радушно. Первый спектакль, «Борис Годунов», с моим участием состоялся 5 марта. Зал парижской «Grand Opéra» был переполнен. Успеху спектакля способствовал исключительно слаженный оркестр театра под управлением талантливого дирижера Г. Себастьяна. Среди солистов оперы — моих партнеров — выделялись: Жан Жиродо (Василий Шуйский), Сюзанна Сарока (Марина Мнишек), Ж. Кошар

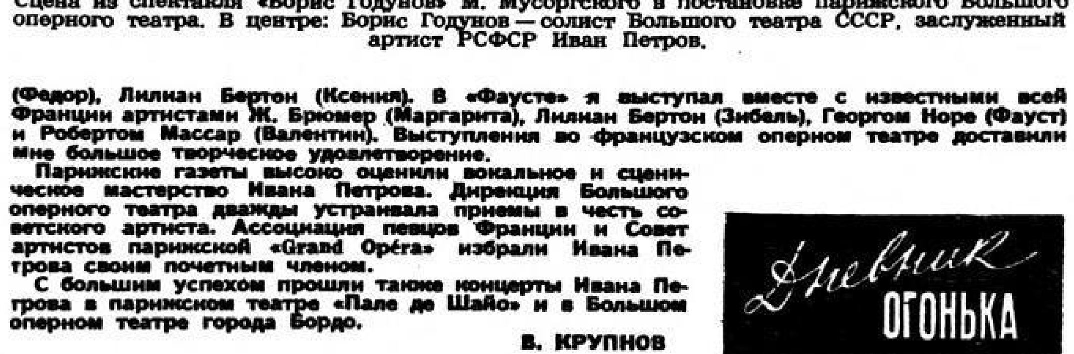
Сцена из спектакля «Борис Годунов» М. Мусоргского в постановке парижского Большого оперного театра. В центре: Борис Годунов — солист Большого театра СССР, заслуженный артист РСФСР Иван Петров.

(Федор), Лилиан Бертон (Ксения). В «Фаусте» я выступал вместе с известными всей Франции артистами Ж. Брюмер (Маргарита), Лилиан Бертон (Зибель), Георгом Норе (Фауст) и Робертом Массар (Валентин). Выступления во французском оперном театре доставили мне большое творческое удовлетворение.

Парижские газеты высоко оценили вокальное и сценическое мастерство Ивана Петрова. Дирекция Большого оперного театра дважды устраивала приемы в честь советского артиста. Ассоциация певцов Франции и Совет артистов парижской «Grand Opéra» избрали Ивана Петрова своим почетным членом.

С большим успехом прошли также концерты Ивана Петрова в парижском театре «Пале де Шайо» и в Большом оперном театре города Бордо.

В. КРУПНОВ

CO_2 Путешествие углекислоты

Георгий БЛОК

Когда-то в науке превозносились корни растений. Именно они, только они, почитались единственными кормильцами растения, снабжающими его питательными веществами. На листья смотрели, как на прекрасные, но бесполезные украшения. В наши дни школьник уже в пятом классе узнает, как наивно это заблуждение.

Великое зеленое царство — густые кроны деревьев, листва кустарников, нежные травинки в поле — обладает удивительным свойством. Каждый лист — миниатюрная лаборатория, столь совершенная, что человеку, несмотря на все его старания, пока не удается искусственно воспроизвести то, что вот уже миллионы лет делает простой лист: превращает мертвое вещество в живое.

С помощью солнечного света вода с минеральными солями, добытая корнями в почве, и углекислый газ, неосязаемый и невидимый, уловленный листьями из атмосферы, испытывают глубокие изменения. Лист преобразует их в крахмал, сахар, белки и другие органические вещества.

Воздушное питание растений, в огромной степени обоснованное трудами К. А. Тимирязева, классика естествознания, подкрепленное бесчисленными исследованиями ученых всех стран, вошло в науку как истина, не требующая дополнения.

И хотя наблюдения не на все сто процентов подтверждали эту идею, ученые упрямо за нее цеплялись, объявляли, что растение извлекает углекислоту исключительно из атмосферы. Не верить в это, восклицали ботаники, значит не верить в науку! И демонстрировали опыт, другой, двадцатый, сотый. Так правильная идея воздушного питания неожиданно обернулась своей противоположностью, препятствующей дальнейшим поискам истины.

Но от фактов никуда не денешься, не спрячешься. А факты, по крылатому выражению И. П. Павлова, — воздух ученого. К их повелительному голосу прислушался талантливый советский биохимик, физиолог растений, академик Андрей Львович Курсанов.

Углекислота и растение... Вот уже два века эта проблема не дает покоя исследователям. Но позвольте, проблемы-то, в сущности говоря, нет, она решена. Решена? Ну да, так уверяют учебники, научная литература.

Хорошо, допустим, решена. Но как объяснить тогда возрастающую из года в год продуктивность пшеницы, ячменя, кукурузы и гречихи, хлопка, свеклы, картофеля и овощей? А тучные урожаи, снимаемые передовиками сельского хозяйства?!

Каким образом растениям удается приносить все больше плодов, зерна, зеленой массы? Вы скажете: машины и высокая агротехника. Ответ вполне верный, точный. Однако мы так и не узнали, откуда растения черпают все больше основного сырья — углекислоты,— чтобы покрыть свои возросшие потребности. Конечно, из атмосферы, не задумываясь, уверенно скажут сторонники теории воздушного питания.

Так ли это? Хотя «корма» там предостаточно, но он крайне рассеян, распылен. Напомним, что воздушный океан содержит ничтожные примеси углекислого газа — три сотых процента. Воздушная руда, сказал бы геолог, бедна этим незримым минералом. Надо ли говорить, насколько он необходим нашим зеленым друзьям?! Высушенное растение почти наполовину состоит из углерода.

Если неукоснительно придерживаться теории воздушного питания, то в районах интенсивного земледелия препятствием плодородия должен стать... воздух. Ведь растения, прикованные к земле, захватывают лишь частицы нужного им газа из текущих мимо воздушных потоков. А оттуда уже кое-что успели позаимствовать и их более счастливые соседи.

Академик А. Л. Курсанов в своей лаборатории.
Фото Е. Умнова.

Грубо говоря, полностью насытить бескрайние массивы, которые, как море, простираются на тысячи километров вдаль и вширь, если исходить из привычной теории, было бы немыслимо. Воздушная стихия не успевала бы обеспечивать столь бурного прироста зеленой массы.

А на деле урожайность наших полей не застывает на твердом среднем уровне, а неуклонно поднимается.

Теорию требовалось расширить. Оказалось, что истина нуждается в дополнении!.. Все-таки откуда растение добывает себе дополнительное пропитание? Тут не отделаешься общепризнанным утверждением — только из воздуха. Нет, не только!

Тогда хочешь не хочешь, а придется допустить и другой источник углекислоты — почву. Давайте «спустимся» туда, посмотрим, как там обстоит дело с этим веществом. Мы не разочаруемся: воздушный океан — бедняк в сравнении с почвой, сказочно богатой углекислотой и углекислыми солями — карбонатами.

Углекислотой насыщены почвенный воздух, вода, пропитывающая плодородные слои; ее там в десятки раз больше, чем в атмосфере, неисчерпаемые запасы. Они постоянно пополняются коренными обитателями почвы — неутомимыми невидимками. Эта полезная сторона деятельности микроорганизмов ускользала от исследователей, поскольку считалось, что растение равнодушно к изобилию углекислоты в почве.

Занятный парадокс! Зеленое царство произрастает среди этого изобилия и, тем не менее, за миллионы лет не приспособилось добывать то, что составляет основу его жизни! Корни разветвляются, бесчисленные жадные волоски ощупывают каждую крупицу земли, а припасенного добра, точно сослепу, не замечают.

И еще одно давнее наблюдение, не возбуждавшее любопытства. Не все почвы равно одарены карбонатами. Есть и обойденные, где их мало. Там снимают низкие урожаи даже в том случае, если растения вдосталь снабжены удобрениями и за ними настойчиво ухаживают. Почему? Удовлетворительного ответа не было. Видимо, растения сидят на скудном пайке — не хватает углекислоты.

Это обстоятельство также свидетельствовало, что А. Л. Курсанов напал на верный след, что поиски не безнадежны. Но нужны доказательства, такие же убедительные и наглядные, на каких зиждется теория воздушного питания.

Ученый задумал проследить, как путешествует углекислота в растении, увидеть невидимое. И не только увидеть, но и отличить ту углекислоту, что поступает из атмосферы через листья, от той, что поднимается снизу, подается корнями из почвы.

Выход был найден благодаря меченым атомам. Подобно тому, как метят салфетки в столовой, можно пометить любое вещество радиоактивными изотопами. И пометки эти не оторвешь, им присуще замечательное свойство: они всегда напоминают о своем присутствии. Распадаясь, они сигнализируют: мы здесь. С помощью чувствительного прибора ученые обнаруживают и считают меченые атомы.

И вот в лаборатории Института биохимии Академии наук СССР, руководимой А. Л. Курсановым, начались эксперименты, от которых зависела судьба открытия. В них участвовали профессор А. М. Кузин, кандидат биологических наук Н. Н. Крюкова и другие.

В продолговатых ящиках на промытой зернистой почве, похожей на сахарный песок, скоро зазеленели юные всходы фасоли. Но едва растения успели выбросить первые листья, как час их пробил. Осторожно, стараясь не повредить нежные белые корешки, лабораторную питомицу выдернули из рассыпчатой земли. Стебель, словно пояском, охватила резиновая пробка с отверстием в середине. Сжатый ею стебель с корнями погрузили в сосуд с прозрачным раствором двууглекислой соды. От обычной она отличалась тем, что была помечена радиоактивными изотопами углерода. Если корни вберут в себя эту пищу, то неизбежно прихватят и меченые атомы, которые и попадут в листья.

Сосуд с растением перенесли на окно, поближе к свету. К концу дня один лист подвергли несложной операции. Острыми краями полой трубки в нем вырезали кружок размером с трехкопеечную монету и просушили. Кружок стал тонким, просвечивающим. С волнением его понесли в так называемую счетную комнату, узнать, есть ли в листе меченые атомы. Они не замедлят выдать себя, если корни впитали углекислоту из раствора.

Кружок положили в выемку на лопатке и, как железнодорожный кассир вставляет картонку билета в компостер, вставили в щель прибора. Вокруг Андрея Львовича столпились взволнованные научные сотрудники. Что расскажет счетчик?

Вздохи облегчения, возгласы торжества пронеслись по комнате: раздался первый щелчок, за ним вдогонку второй. Будто градины по крыше, посыпались щелчки — радиоактивные импульсы. Фасоль не обманула ожиданий ученых: корни всосали углекислоту, и она беспрепятственно достигла листьев.

Подтвердил это и второй опыт: меченый углерод пробрался во все уголки растения, сверху донизу. Бесчисленные опыты, словно мазки, положенные кистью художника, придавали картине все большую ясность. А. Л. Курсанов и сотрудники его лаборатории глубоко

проникали в сокровенные физиологические процессы зеленого организма.

Какая сила поднимает пищу с «черного хода» вверх? Ток воды? Ничего подобного, она в этом неповинна. Достаточно окунуть растение в раствор с мечеными атомами, как углекислота, обгоняя медленно ползущую воду, появляется в листе. Воспринятая корнем, она сразу присоединяется к органическим кислотам и, словно в быстроходном лифте, совершает восхождение к листу. Здесь доставленная снизу углекислота используется на равных правах с воздушной.

Раньше казалось загадочным, каким образом зеленые клетки стебля снабжаются углекислотой. Толщина и малая проницаемость его наружного покрова делали не очень вероятным прямой самостоятельный захват углекислого газа из воздуха. И только теперь стал понятен механизм его появления. Часть «подвальной» углекислоты по дороге жадно перехватывается зелеными клетками стебля, а также черешками листьев.

Лет тридцать назад советские ботаники обнаружили странное явление. Ночью, а иногда и среди дня листья выбрасывают наружу углекислоту — она как бы фонтанирует. «Что вызывает эти фонтаны?» — недоумевали ученые. Ведь воздушная пища на свету связывается зелеными клетками. Обратный путь ей заказан.

Ныне удалось дать ответ и на этот вопрос. Почвенная углекислота поступает в растение бесперебойно, днем и ночью. Но раз нет света или его недостаточно, значит, нет и синтеза — она свободно пробегает сквозь растение и фонтаном разбрызгивается в воздух.

Новые кропотливые исследования наглядно позволили представить сложнейшую схему круговорота углекислоты в зеленом организме. Пойманная из воздуха листом, она преображается им в сахар, который устремляется вниз. Достигнув корней, он направляется в их тонкие подвижные ответвления и, претерпев сложные ступенчатые изменения, превращается в вещество, способное захватывать почвенную углекислоту. Она, в свою очередь, испытав новые химические преобразования, увлекается на верхний этаж, по пути частично оседает в стебле и черешках листьев, где под влиянием животворных солнечных лучей становится сахаром, белками и другими продуктами, богатыми энергией.

Какова в общем балансе углекислоты в растениях доля почвенной? Довольно значительная. По предварительным данным, она составляет примерно 15—20 процентов всего количества этого вещества, поглощаемого растением. Изрядно, если вспомнить, что «подвальный источник» начисто отрицался.

Но исследования отнюдь нельзя считать завершенными. Эксперименты, предпринятые академиком А. Л. Курсановым, продолжаются. Они открывают новые неожиданные стороны проблемы почвенной углекислоты. Ее значение оказалось гораздо шире и многообразнее, чем предполагалось вначале. Так, например, почвенная углекислота, по всей вероятности, играет немалую роль в обмене веществ, в усвоении растением таких ценных элементов питания, как азот, фосфор.

Летом прошлого года А. Л. Курсанов проводил первые опыты под Москвой, испытывал углекислые соли в поле. Они вносились под посевы ячменя, фасоли, картофеля. По сравнению с контрольными, которые не получали этой подкормки, прибавка урожая была значительной. Каждый килограмм углекислых удобрений обернулся лишним килограммом урожая картофеля, зерна, фасоли. Иногда эта прямая зависимость нарушается: в некоторых случаях — не килограмм, а два. Это обстоятельство и обрадовало и поразило ученого. Выводы еще рано делать. Видимо, между почвенной углекислотой и другими минеральными веществами существуют сложные и тесные, еще не разгаданные взаимоотношения: усиливается обмен веществ, ускоряются физиологические процессы. Будущее покажет, насколько правильны эти предположения.

Однако сейчас уже бесспорно одно: углекислые удобрения займут свое место рядом с проверенными практикой фосфорными, калийными, азотными, помогут увеличить урожайность полезных культурных растений.

В ДОЛИНЕ РЕКИ ТАЛОЙ

Апрель. В эту пору на Колыме, в долине реки Талой, стоит глубокий снег. Таять здесь начинает лишь в первых числах мая.

Среди высоких заснеженных гор струится горячий источник. Интересно наблюдать, как в зимние холодные дни, когда температура падает до минус 50 градусов, в незамерзающей воде среди зеленых водорослей плавают стаи маленьких серебряных рыб.

Тальский источник был открыт купцом Афанасием Бушуевым еще в 1868 году. Температура источника при выходе на поверхность земли очень высокая — 91 градус. Предприимчивый купец собирал «чудодейственную» воду и пытался продавать ее.

Уже в советское время сибирские ученые, исследовав воду источника, нашли в ней много целебных минеральных солей. И вот в 1940 году здесь был создан бальнеогрязевой курорт Талая. Жилые помещения, лаборатория, ванный корпус, физиотерапевтический, рентгеновский, гинекологический, электро-светолечебный, зубоврачебный кабинеты позволяют проводить в санатории комплексное лечение больных.

С далекой Чукотки, с Индигирки и других районов Крайнего Севера приезжают сюда горняки, оленеводы, рабочие, служащие. Ежегодно на курорте отдыхает более двух тысяч человек. Среди них много эвенов, чукчей, орочей, якутов и других представителей народов Севера. Часто можно встретить здесь пастухов близлежащего совхоза «Талая». Они приезжают на оленях.

Курорт Талая — любимое место отдыха трудящихся Крайнего Севера.

Фото В. ГУЛИНА.

Вольфганг КЕППЕН

Роман западногерманского писателя Вольфганга Кеппена «Теплица» опубликован в издательстве «Шерц и Говертс» в Штутгарте.

Роман Кеппена, вызвавший большой интерес в Западной Германии, рисует современное боннское государство — рассадник реваншизма, «теплицу», в которой выращивается новый германский милитаризм. Главный герой романа — оппозиционно настроенный депутат боннского бундестага, социал-демократ Кейтенхойве.

Книга Кеппена порождена отрицательным отношением автора к порядкам, господствующим в Западной Германии, к проводимой боннскими заправилами политике подготовки новой войны.

Правда, критика Кеппена остается половинчатой, взгляды его главного героя неопределенны, расплывчаты, не поднимаются выше отвлеченного пацифизма. Герой романа не видит силы, которая способна предотвратить войну, подготавливаемую боннскими политиканами и их заокеанскими хозяевами. Он не видит, что судьба Германии в руках самого немецкого народа.

И все же роман Вольфганга Кеппена — яркий документ, свидетельствующий о глубине разочарования широких слоев западногерманской интеллигенции той перспективой, которую сулит Германии «западная» политика Аденауэра. Не случайно наиболее ярые приверженцы Аденауэра пытались, по примеру сенатора Маккарти, обвинить автора в «антигосударственной деятельности».

Публикуемый отрывок рисует заседание боннского бундестага, на котором представители разных партий высказывали свое отношение к вопросу о ремилитаризации Германии.

Звонок оповестил о начале заседания. Они устремились в зал, растекаясь, как стадо баранов, по правым и левым скамьям; черные фигуры заполнили крайние правые и крайние левые места — они препирались, нисколько не стесняясь.

Кейтенхойве со своего депутатского места не мог видеть, как катит волны Рейн. Но он явственно представлял себе его течение, он чувствовал присутствие Рейна здесь, за большим, академически строгим окном, и он страстно желал, чтобы эта река не разъединяла, а объединяла народы; чтобы воды ее, как ласковая рука друга, обнимали земли; чтобы песни Рейна звучали музыкой будущего, мирным вечерним колыбельным напевом...

Председатель был из породы тяжеловесов, и так как принадлежал к партии благонамеренных, он словно придавал вес этой партии. Он взмахнул колокольчиком. Заседание началось.

...Футбольный стадион в Кельне весь в напряженном ожидании. Первая футбольная команда Кайзерслаутерна играет против лучшего клуба Кельна. Разве так важно, в конце концов, кто победит? Но двадцать тысяч зрителей дрожат от нетерпения. Волнение царит на стадионе в Дортмунде: идет матч местного спортивного клуба «Боруссия» против гамбургских футболистов. Разве так важно, кто одержит победу? Право же, никто не лишится куска хлеба из-за того, что победит команда Гамбурга, и никто не умрет, если больше мячей забьет «Боруссия». Но двадцать тысяч зрителей еле сдерживают возбуждение...

...От исхода игры, происходящей сегодня в зале заседания, зависит хлеб насущный для многих; эта игра может принести смерть, отнять свободу, обратить в рабство, превратить твой дом в развалины, сделать твоего сына безногим калекой, может забросить твоего отца в лагерь для военнопленных, вынудить твою дочь продавать свое тело за банки консервов, которыми она поделится с тобой, и ты с жадностью их проглотишь... Ты будешь подбирать окурки, выплюнутые кем-то в водосточную канаву, либо, напротив, наживешься на поставках оружия, разбогатеешь, снаряжая смерть (сколько пар подштанников потребуется армии? Подсчитай-ка прибыль — из сорока процентов, не более,— ты ведь человек скромный). Но бомбы, пули, разрушение, смерть — все равно это настигнет тебя, хотя бы ты оказался уже в Мадриде; ты примчался туда в собственной новой машине, успел еще пообедать у Хорхера, заявил о себе в американском консульстве,— быть может, тебе даже удастся добраться до лиссабонского порта; но тебя не берут на пароход, и самолеты улетают через Атлантику без тебя — так к чему же твое богатство? Нет, я не сгущаю краски...

Здесь, в зале заседания, не чувствуется волнения. Никто не ждет с напряженным интересом исхода игры. Здесь прочно утвердилась скука. Сквозь семь сит просеянные зрители уже давно потеряли интерес к этой игре. Журналисты рисуют на блокнотах человечков; печатные тексты речей они получили заранее, а исход голосования давно предрешен. Соотношение сил игроков известно, никто не будет делать ставки на проигрывающего.

Кейтенхойве подумал: к чему вся эта говорильня? Мы и без всяких речей в пять минут могли бы придти к тому же жалкому результату. Канцлеру не пришлось бы произносить речь, нам — возражать, правительству — защищаться. А нашему увесистому председателю достаточно было бы просто объявить: сегодня игра окончится со счетом 8 : 6, а кто сомневается, пусть сам пересчитает баранов. Девушки стоят наготове, в руках у них урны для опускания бюллетеней. Вот один из народных представителей уже позевывает. Другой задремал. Третий пишет записку жене: «Не забудь позвонить Унхольду, пусть осмотрит спусковой бак в уборной, что-то там не в порядке».

Хейневег вносит предложение к порядку ведения заседания. Завязываются сварливые, нудные прения, и, как и следовало ожидать, предложение проваливается.

Трибуну заливает свет юпитеров кинохроники. Телеобъективы фотоаппаратов устремляются на примадонну, которая с привычно усталым видом поднимается на трибуну. Канцлер декламирует свое заявление. Он в скверном настроении, и ему не до эффектов. Он не диктатор — упаси боже! — но он хозяин. Он все рассчитал, обо всем распорядился, и ему явно осточертел этот театральный парад красноречия. Он говорит устало и уверенно, как актер, которому из-за замены какого-то исполнителя пришлось участвовать в репетиции давно заигранной ходовой пьесы. Канцлер-актер — одновременно и режиссер. Он указывает каждому из участников представления его место. Он уверен в себе.

Кейтенхойве считает его человеком холодного расчета, на долю которого после долгих скучных лет существования на пенсии внезапно выпал шанс: войти в историю в качестве великой личности, приобрести репутацию спасителя родины. Можно было удивляться, с каким умением и маниакальным упорством этот старик добивался намеченной цели. Неужели он не видит, что все его предприятия в конце концов потерпит крах, и не из-за его противников, а из-за его друзей? Для Кейтенхойве был ясен символ веры канцлера: мир горит,— давайте же создавать и вызывать пожарные команды, чтобы бороться с пламенем и погасить его! Но, по мнению Кейтенхойве, канцлер страдал от узости взглядов, он страдал, по мнению Кейтенхойве, чисто немецкой болезнью — ни при каких обстоятельствах не изменять однажды сложившееся мнение. И поэтому он не замечал, что другие государственные деятели, глядя с других высот, усматривали опасность пожара совсем в других местах, и они также снаряжали противопожарные силы, чтобы бороться с пожаром и потушить его. Потому-то весьма вероятно, думал Кейтенхойве, что пожарные обеих сторон станут друг другу поперек дороги и кончат тем, что передерутся.

Кейтенхойве думал: а нельзя ли сделать так, чтобы вообще не прибегать к пожарным частям? Почему бы не сказать себе: земля не горит! Давайте встретимся, расскажем друг другу о том, что тяготит нас, признаем, что преследующий нас призрак пожара — только призрак, что наши страхи — бессмыслица. И тогда мы увидим будущее более светлым...

Кажется, кроме Кародина, никто не слушает канцлера, а Кародин всегда следит за тем, глаголет ли бог устами главы государства. Хейневег и Бирбом позволяют себе иногда реплику с места. Сейчас они выкрикнули: «Нечистая работа!» Кейтенхойве вздрогнул: то, что они выкрикнули, показалось ему бессмыслицей. И тут Кейтенхойве заметил, что канцлер цитирует статью о бывших генералах верховного командования и называет эту статью предательской. Значит, декларация «о восстановлении чести германского офицерства», наверное, уже лежит у него на кафедре. Да вот он уже читает ее, приводит опровержения из Парижа и Лондона, заверяет европейских друзей в верности, произносит слова дружбы, дает клятву братства, в том числе будущего братства по оружию. Миссия Германии — стать мечом, защищающим материк,— можно сказать, уже в кармане у канцлера. Теперь остается вооружиться, надеть шлем, который так восхищает обывателя, шлем, который показывает, кто именно правит государством, придает лицо безликому государству. Должно быть, в груди сидящих справа «непримиримых» сейчас копошится завистливый и злобный червь ненависти к «исконному врагу». Они, наверно, думают о тюрьмах Ландсберг, Верль и Шпандау, и они кричат: «Мы хотим, чтобы у нас снова были наши генералы!» А золотая рыбка подымается из глубин морских и говорит: «Идите себе с богом домой: они у вас уже есть».

Кейтенхойве поднимается на трибуну. Он тоже стоит в свете прожекторов хроники. Его тоже увидят в кино. Кейтенхойве — герой экрана... Он говорит о сомнениях и опасениях своей партии. Он предостерегает от далеко идущих обязательств, последствия которых невозможно предугадать. Он призывает мировую общественность обратить внимание на расколотую Германию, на обе ее части, соединить которые — первейшая задача всех немцев...

Он говорит, и его ни на минуту не покидает чувство: все это бессмысленно! Кто меня слушает? Да и кому нужно меня слушать? Они заранее знают, что я должен сказать, им наперед известны мои аргументы, и они прекрасно понимают, что у меня тоже нет рецепта для быстрого излечения больного. Поэтому они и продолжают верить в свою терапию «спасения хотя бы одной половины», той, где по простой случайности протекают Рейн и Рур и поднимаются вышки шахт Эссена.

Канцлер сидит неподвижно, подперев голову рукой. Слушает ли он Кейтенхойве? Неизвестно. Слушает ли его вообще кто-нибудь? Кто это может знать? Фрау Пирхельм снова оседлала своего конька: она привычно выкрикивает: «Гарантии для всех женщин!» Но и фрау Пирхельм не слушала Кейтенхойве. Кнуреван

откинул голову; коротко остриженные, торчащие щеткой волосы делают его похожим на фельдмаршала Гинденбурга или на актера, играющего роль старого фельдмаршала... Кейтенхойве не знает, спит ли Кнуреван, размышляет ли он, или ему просто льстит слушать свои собственные мысли из уст Кейтенхойве.

Кейтенхойве охватывает желание замолчать и уйти с трибуны. Нет никакого смысла продолжать говорить, раз тебя никто не слушает!

Кейтенхойве хотелось бы покинуть тропу хищников и пойти дорогой агнца. Он хотел бы повести за собой всех, кому дорог мир. Но кто они, эти стремящиеся к миру, и готовы ли они идти за ним? Ну хорошо, представим себе, что все жаждущие мира действительно объединятся вокруг Кейтенхойве. Хотя они и не попадут в этом случае на поле сражения, но у них есть явные шансы кончить жизнь на эшафоте. Нет сомнения, что, с моральной точки зрения, лучше умереть на эшафоте, чем на бойне. Готовность людей умереть, но не брать оружия — вот в чем единственная возможность изменить лицо мира! Но кто готов взобраться на эту опасную, головокружительную высоту? Люди предпочитают оставаться на земле, позволяют, чтобы им насильно вкладывали в руки проклятое оружие, и умирают со вспоротыми животами, такой же нелепой смертью, как и их противники...

Кейтенхойве с особой ясностью увидел вокруг себя невнимательные, равнодушные ряды людей, увидел скучающую, неподвижно застывшую фигуру канцлера, сидевшего все в той же позе, подперев голову рукой. Он крикнул канцлеру: «Вы хотите создавать армию, господин канцлер? Вы хотите заключать военные союзы? Но какие союзы будет заключать ваш генерал? Какие договорные обязательства нарушит он? Куда поведет он свои войска, под каким флагом?! Известен ли вам этот флаг, знакома ли вам цель похода? Вы желаете, чтобы у вас была армия? Вашим министрам нужны парады, ваши генералы хотят блистать по воскресеньям в мундирах, хотят, чтобы солдаты снова их «ели глазами». Прекрасно. Оставим этих дураков, вы ведь знаете им цену. Но как быть с вашей собственной мечтой, господин канцлер,— быть похороненным обязательно с воинскими почестями на лафете? Вас повезут на лафете, если вы этого желаете, но за вашим гробом последуют миллионы мертвецов, те, которые не прикрыты в земле даже простой сосновой доской, которые погребены на том же месте, где разверзлась и поглотила их земля. Живите до старости, господин канцлер, до глубокой старости, можете стать почетным профессором, почетным сенатором, почетным ректором всех университетов, отправьтесь на кладбище на катафалке, убранном розами, но постарайтесь избежать лафета!»

Кейтенхойве не знает, произнес ли он эти слова или они только промелькнули в его сознании. Канцлер все так же сидит, подперев голову рукой, усталый, погруженный в размышления. В зале перешептываются. Председатель со скучающим видом рассматривает собственное брюхо. Скучающие стенографистки сидят с блокнотами наготове. Кейтенхойве сходит с трибуны. Он обливается потом. Его фракция по обязанности аплодирует. С крайних левых скамей раздается иронический свисток.

Фрау Пирхельм поднимается на трибуну: «Гарантии, гарантии, гарантии!» Зедезаум вспархивает на трибуну, как птичка: его еле видно. «Христос и Отечество! — восклицает он.— Христос и Отечество! Христос и Отечество!»

Дерфлих завладел микрофоном: «Никаких соглашений! Немецкая верность принципам! Враг всегда враг! Честь всегда честь! Военными преступниками могут быть только противники! Честь должна быть восстановлена!» Действительно ли имя этого человека — Дерфлих?! Можно было подумать, что его зовут Борман...

Кейтенхойве вышел в ресторан. В ресторане было больше депутатов, чем в зале. Он заказал стакан вина и жадно пил холодный, терпкий напиток. Под окнами бундестага разбиты клумбы; дальше — посыпанные гравием дорожки. К уличному пожарному крану присоединен шланг. На углу дежурят полицейские с собаками. У собак и у полицейских одинаково настороженный вид. Полицейская машина стоит у края дороги. Кейтенхойве пьет и думает: «Меня хорошо охраняют». Он думает: «Да, дела зашли слишком далеко...»

Кейтенхойве возвращается в зал заседания. Зал снова наполняется людьми. Скоро здесь будут делать то, из-за чего все собрались. Они отдадут свои голоса: за это ведь они получают свой депутатский оклад.

Голосование происходит поименно. Бюллетени собраны. Кейтенхойве голосовал против правительства. Он и сам не знает, правильно ли он поступил, умно ли это с политической точки зрения. Впрочем, он не хочет больше поступать умно. Каким будет новое правительство? Лучше старого?

Кейтенхойве оглянулся. Как глупо выглядят все эти люди! Никто не поздравляет канцлера. Канцлер стоит в одиночестве. Кнуреван тоже стоит в одиночестве. Он складывает какие-то записки. Его руки дрожат. Хейневег и Бирбом укоризненно смотрят на Кейтенхойве, как будто он виноват, что у Кнуревана дрожат руки. Кейтенхойве тоже стоит покинутым. Все его избегают, и он тоже старается не попадаться никому на глаза. Он думает: «Что, если бы в этом зале вдруг пошел дождь, крупный деревенский дождь, и сбрызнул как следует всех этих людей!..»

Все было кончено. Конец. Все было комедией, теперь можно разгримироваться. Кейтенхойве вышел из зала. Он не бежал, он шел медленно. За ним не гнались Эриннии. Шаг за шагом он освобождался от этого дьявольского наваждения. Он брел через коридоры парламента, по лестницам через лабиринты, Тезей, который не убил Минотавра. Ему встречались равнодушные сторожа; уборщицы с ведрами и швабрами воевали с пылью, равнодушные служащие отправлялись домой, аккуратно уложив в портфели бумагу от завтрака, чтобы на следующий день опять ею воспользоваться. У них было завтра. Для них существовало будущее, а Кейтенхойве не принадлежал к их числу. Он сам казался себе призраком.

Он добрался до своего кабинета и включил неоновый свет. В двойном свете, раздвоенный, бледный, стоял депутат среди беспорядка своей депутатской жизни. Он знал, что выдохся. Он проиграл борьбу. Его победили обстоятельства, не противник. Противник его даже едва ли заметил. Что оставалось Кейтенхойве? Держаться большинства своей фракции, примкнуть к ней. Все как-то приспосабливались к чему-то, цеплялись за необходимость, признавали ее. Но это был только топот стада, порождение трусости, жалкий путь к бесславной могиле. Неси свой крест! — призывали когда-то христиане. Служи! — требовали пруссаки. Разделяй и властвуй! — учат теперь мальчиков плохо оплачиваемые школьные учителя.

На столе у Кейтенхойве лежали новые письма; он получал их много, как депутат. Теперь он смахнул их со стола. Теперь уже было совершенно бессмысленно отвечать на письма. Он не хочет больше участвовать в этой игре! Он не может больше...

Письма упали на пол, и Кейтенхойве казалось, что он слышит, как они стонут и жалуются, ругают и проклинают его. В этих письмах были просьбы и горечь, угрозы покончить с собой и угрозы расправиться с ним, депутатом. В письмах все возмущалось, обвиняло, кипело, хотело жить, требовало пенсий, обеспечения, крова, добивалось должностей, помощи, отмены штрафов, ждало других времен, жаждало излить гнев, признаться в своем разочаровании. Но все это было позади. Кейтенхойве не мог больше давать советов.

Неоновый свет в кабинете Кейтенхойве горел всю ночь. Этот холодный свет отражался в Рейне, отражение было похоже на глаз сказочного дракона. Но сказка устарела, дракон был стар, он больше не сторожил принцессу, он не охранял сокровище. Не было никакого сокровища, не было никакой принцессы. Были только безрадостные дела, невыплаченные векселя, грязные аферы. Кто станет их охранять?

Кейтенхойве смотрел через Рейн. Он смотрел в равнодушную даль. Только в воображении его существовал мирный Рейн.

Сокращенный перевод с немецкого
Л. ЛОЗИНСКОЙ
и Е. ФРАДКИНОЙ.

У ВОЕННОГО ПОРТНОГО В БОННЕ

— Пожалуйста, не беспокойтесь, господин майор, у меня сохранилась ваша старая мерка.

Рисунок Фрица Кох-Гота из журнала «Фришер винд».

Одна из табачных фирм Кельна выпустила сигары под названием «Канцлер Аденауэр».

— Угодно сигару?
— Нет, спасибо: много голубого дыма, а пахнет порохом.

Рисунок Хорста Шраде из журнала «Фришер винд».

Певец комсомольской юности

Исполнилось пятьдесят лет комсомольскому поэту «первого призыва» — Александру Жарову.

Пятидесятилетие Жарова является одновременно и тридцатипятилетием его литературной и общественной деятельности. Жаров был одним из организаторов советской молодежи: уже в 1919 году он работал секретарем Можайского укома комсомола, а в 1920 году был делегатом III съезда комсомола.

Первая книга стихов поэта, «Ледоход», вышла очень давно, но свежесть и боевой задор, содержавшиеся в ней, оставили заметный след в истории советской поэзии. В 1922 году советские дети запели песню «Взвейтесь кострами, синие ночи!». Написал ее Жаров. Недавно в Большом Кремлевском дворце она вновь раздалась у пионерского костра. Какое же по счету поколение вырастет с этой песней?!

Большой популярностью пользовалась и пользуется до сих пор поэма «Гармонь», написанная А. Жаровым в 1926 году. Она показала рост новых сил в деревне, подготовивших торжество колхозного строя.

В годы Великой Отечественной войны поэт служил в Военно-Морском Флоте. На Черном море родилась одна из его замечательных песен — «Заветный камень», положенная на музыку композитором Б. Мокроусовым. На севере, в суровых условиях полярной войны, поэт писал стихи и поэмы о моряках и летчиках.

В последнее десятилетие в творчестве Жарова все большее место занимает песня. Вместе с композитором К. Листовым он создает песни «Ходили мы походами», «Паренек с Байкала», «Над волною голубою», с М. Блантером — «Грустные ивы».

Но самая популярная песня на слова Жарова — это «Мы за мир!» (музыка С. Туликова). Строчка ее рефрена — «Не бывать войне-пожару...» — звучит как лозунг не только на улицах наших городов и сел, но и за рубежами нашей Родины.

В день юбилея не принято критиковать, но нельзя не пожалеть, что, занимаясь песнями, поэт уделяет мало внимания «простым» стихам. Интересный замысел продолжения «Гармони» вылился лишь в два отрывка, напечатанных в сборнике «Славлю молодость». Но может быть, поэт еще осуществит задуманное? Хочется верить в это, вспоминая слова Жарова:

Новыми надеждами
Молоды, как прежде, мы,
Потому что стариться
Нам некогда, друзья.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЧЕХОСЛОВАКИИ

В начале этого года в залах Академии художеств была развернута выставка чехословацкого изобразительного искусства. Советский зритель впервые широко и полно познакомился с достижениями живописи, графики и скульптуры издавна близкой нам славянской страны. Здесь было представлено искусство чешского и словацкого народов начиная со второй половины XIX века вплоть до наших дней.

Всеобщее внимание на выставке привлекло творчество Иозефа Манеса — основоположника чешской национальной школы живописи. Необычайно обаятельны его зарисовки крестьян в народных костюмах. Всю жизнь художник ездил по своей стране, бродил по деревням, делая эскизы и этюды, на основе которых затем были созданы лучшие его произведения. Манес много занимался иллюстрациями к чешским и словацким народным песням. Один из листов передает содержание шуточной народной песни «Юбки» — деревенской девушке обязательно нужны пестрые, красивые юбки, чтобы выйти замуж! Поэтический и свежий рисунок с юмором представляет живую жанровую сценку: на краю села, у дороги, крестьяне окружили бродячего торговца и с увлечением примеряют наряды. Тонкие и тщательно сделанные рисунки И. Манеса полны оптимизма, любви к народу.

Выдающиеся чехословацкие художники второй половины XIX века — М. Алеш, Я. Чермак, К. Пуркине, К. Богунь, В. Брожик, Д. Скутецки (одно из его ярких произведений печатается на вкладке) — запечатлевали в своих произведениях эпизоды героического прошлого родины, события эпохи революционных гуситских войн, любовно изображали жизнь и быт народа. Широко популярны полотна Я. Чермака «Гуситы, обороняющие перевал», Миколаша Алеша «На могиле воина-гусита», жанровые картины Д. Скутецкого.

Широко и многообразно представлена была на выставке пейзажная школа. Неизгладимое впечатление оставили образы природы, созданные И. Манесом, А. Косареком («Пейзаж центральной Чехии» воспроизводится), А. Бубаком, А. Хиттусси, Ю. Маржаком, Ф. Каваном, А. Славичком. В полных большого лирического чувства полотнах перед зрителями развертываются пейзажи чешской земли — ее реки, леса, поля, своеобразные мягкие холмы, богатые долины. Пейзаж А. Славичка, воспроизводимый здесь, привлекает поэтичностью, жизнерадостностью, тонким колоритом.

Реалистические традиции в пейзажной живописи сохранялись прочно даже тогда, когда изобразительное искусство Чехословакии попало под влияние различных формалистических течений. Нездоровому увлечению формализмом отдали дань в свое время многие чехословацкие художники. Тем большее значение имели реалистические традиции в творчестве ведущих художников старшего поколения. О. Неедлый и И. Ямбор переняли искусство классиков чешской пейзажной живописи Маржака и Хиттусси и их умение непосредственно и искренне рассказывать о природе.

В разделе современной живописи выделяется пейзаж И. Глюкзелига, ученика О. Неедлого, «Судомерж, край гуситских боев». Здесь — уже в третьем поколении художников — можно отчетливо проследить развитие лучших традиций пейзажного искусства.

В конце XIX — начале XX века особенно высокого уровня достигла чешская графика. Замечательный художник, классик национальной школы графики М. Швабински представлен был на выставке портретами композитора Б. Сметаны, художника И. Манеса, портретами простых чешских тружеников — рабочего, крестьянина. Работы эти выполнены в 900-х годах. Продолжая галерею портретов лучших представителей национальной культуры, народный художник Чехословакии М. Швабински в 1949 году создал ставший широко известным портрет Ю. Фучика — народного героя Чехословакии.

Интересны и своеобразны работы иллюстраторов. Выразительны листы В. Тительбаха к роману М. Майеровой «Сирена»; несколько необычно в своей серии И. Лизлер трактует роман «Мадам Бовари» Флобера; Л. Илечко находит прекрасное графическое решение образа героини романа «Жатва» Г. Николаевой.

Художники свободной Чехословакии, преодолевая элементы формализма в своем творчестве, выходят на широкую дорогу социалистического реализма. Они успешно обращаются к темам современности, к трудовым будням рабочих и крестьян, строящих новую жизнь. Я. Чумпелик в картине «На рассвете февральского дня» запечатлел суровый и героический облик чешских рабочих, охраняющих фабрики и заводы в дни февральского заговора реакции. Горячее чувство дружбы и взаимопонимания звучит в рисунке-эскизе ныне осуществленной стенной росписи А. Забранского «С Советским Союзом на вечные времена». А. Чермакова в картине «К. Готвальд в Словакии. 1922 г.» создала теплый и человечный, мужественный и вдохновенный образ вождя народа.

Произведения современных скульпторов говорят и о высоком мастерстве и о страстной приверженности к новой жизни. Здесь и проекты памятников советским воинам, павшим в боях за свободу Чехословакии, и образы борцов и создателей новой Чехословакии, и портреты выдающихся деятелей компартии.

Много лет назад, в 1862 году, в Праге русский художник-демократ И. Шишкин с горечью записывал в своем дневнике после посещения клуба деятелей чехословацкого изобразительного искусства: «И Россию, и наших художников они не знают, так же, как и мы их, мы им советовали присылать свои картины к нам на выставку — они бы и охотно присылали, да австрийское правительство тому препятствует — с Россией нет порядочного сношения, даже почтового». С тех пор русские и чешские художники многое узнали друг о друге. Изо дня в день крепнет культурное сотрудничество народно-демократической Чехословакии и Советского Союза. Одним из ее проявлений была выставка чехословацкого изобразительного искусства в Москве и большая выставка советского искусства, организованная недавно в Праге.

Л. ЖАДОВА

Миколаш АЛЕШ (1852—1913). НА МОГИЛЕ ВОИНА-ГУСИТА.

Доминик Скутецки. 1850—1921. РЫНОК В БАНСКОЙ БЫСТРИЦЕ.

Антонин Славичек. 1870—1910. ИЮНЬСКИЙ ДЕНЬ.

Адольф Косарек. 1830—1859. ПЕЙЗАЖ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧЕХИИ.

Людвиг Куба. Родился в 1863 году. СКАЗКА.

Вацлав Брожик. 1851—1901. ПАСТУШКА.

СЛЕЗАЙ, ПРИЕХАЛИ...

Рассказ

Ю. НАГИБИН

Рисунки П. Караченцова.

Около восьми часов утра в пустынной приемной Замостьевского райкома партии сидел пожилой человек с бурым от зимнего загара, худым, морщинистым лицом. На нем был черный, побелевший в проймах нагольный полушубок, ватные штаны и валенки в самодельных галошах из автомобильной покрышки. За поясом — старым солдатским ремнем — торчал кнут с новым кленовым кнутовищем. Человек сидел в кресле, на самом краешке, упершись руками в колени, рядом с ним, на полу, лежали старая шапка-ушанка и большие брезентовые рукавицы.

Повстречайся такой человек во фронтовой обстановке, можно было бы безошибочно сказать, что это ездовой; впрочем, такова и была гражданская профессия Сергея Даниловича Марушкина, ездового Замостьевского райкома.

Кроме ездового, в приемной за столом, уставленным телефонами, сидела молодая женщина в кокетливой шелковой кофточке и больших валенках — помощница секретаря Марина Петровна. Она что-то быстро-быстро писала, уронив на бумагу густую прядь волос. Ездовой не раз с тоской взглядывал на помощницу, видимо, желая о чем-то спросить, но не решаясь оторвать ее от работы. Наконец он не выдержал:

— А не скажешь ли, Марина, что́ это я нынче ни свет, ни заря понадобился?

— Агроном с Москвы прибыл, в колхоз повезете.

— Агроном — это хорошо! — одобрил ездовой.

Марина подняла голову, как-то разом утратив интерес к тому занятию, которому только что самозабвенно предавалась.

— Девчонка, от горшка два вершка! Видать, только институт кончила.

— Ну, это ты зря, Марина! — строго сказал ездовой. — Знаешь поговорку: мал золотник, да дорог... Куда же мне ее везть?

— Не знаю, мне не докладывают, — отрезала Марина.

Ездовой вздохнул и отвернулся к окну. На дворе медленно расцеживалась ночная мгла, переходя в сумеречное, пепельное утро. Как будто без зари, без солнечного восхода, рождался из ночи хмурый февральский денек. Но, проглянув привычным взглядом даль меж городских построек, ездовой увидел, что над черной полоской леса мглистое небо чуть тронуто желтизной, будто мазнули кисточкой.

Он еще подвинулся к окну и увидел двор и свою лошадь, впряженную в розвальни. Ладный меринок с гладким, сытым крупом, в колечках влажной шерсти пытался ухватить зубами обросшую ледком стойку крыльца.

— Балуй, чтоб тебя!.. — любовно выругался ездовой, как-то не сообразив, что меринок не может его услышать, зато отлично слышит Марина.

Его дубленое лицо стало цветом в медь; искоса, одним глазом глянул он в сторону помощницы, но Марина, по счастью, вышла из приемной.

В глубине двора стояла облипшая снегом райкомовская «Победа» с сопревшим брезентовым верхом.

«Значит, со станции агронома на «Победе» доставили, — подумал ездовой. — Ну, а в колхоз-то после вчерашнего снегопада разве на ней проедешь? Дудки! Тут четырехногого вездехода подавай!.. А куда, интересно, ее направят? Скорей всего, к петровцам, им без специалиста зарез... А может, в «Богатырь»? Ихний председатель давеча шумел насчет агронома... — По привычке пожилых одиноких людей ездовой не заметил, как стал размышлять вслух. — В Стрельникове и Двориках тоже агронома ждут... Ей-то, конечно, в «Богатырь» интересней. Там и клуб и житуха поважней...»

— Только председатель — ой-ой! При нем не разгуляешься! — произнесла за его спиной Марина.

— А у тебя одни гулянки в голове, — через плечо бросил ездовой.

Марина не успела ответить. Дверь, ведущая в кабинет, распахнулась, и показался секретарь райкома Окунчиков в сопровождении маленькой девушки в городской шубке с серым барашковым воротником и такой же шапочке. Из-под шапочки на лоб и на круглые румяные щеки выбивались тонкие светлые волосы. В руке она держала чемодан с привязанной к ручке авоськой, набитой какой-то снедью.

У Окунчикова за последние, горячие месяцы появилась новая привычка: он, словно конь, наскочивший на препятствие, то и дело закидывал голову: назад и немного вбок. Так и сейчас, поздоровавшись, он кинул головой и сказал:

— Вот, Сергей Данилыч, отвезешь товарища агронома в Петровское, в колхоз имени 1 Мая, да! — Он снова мотнул головой и добавил с улыбкой: — Только вези поаккуратней. Ну, счастливо вам устроиться, — обратился он к агроному. — Если что, — связывайтесь прямо со мной. — Окунчиков протянул девушке руку, та подала свою и быстро отдернула, точно боясь, что секретарь причинит ей боль.

Пока Окунчиков говорил, ездовой со смешанным чувством симпатии и жалости разглядывал агронома. Ей можно было дать лет шестнадцать — семнадцать. И вообще-то птичка-невеличка, она рядом с крупной Мариной казалась совсем крошечной. Серые хмуроватые глаза и надутые пухлые губы придавали ей вид девочки-буки. В легкой шубке, шелковых чулках и коротких отороченных мехом ботиках она выглядела ужасно неприспособленной к суровому февральскому простору Замостьевской глубинки.

«Будто на прогулку оделась, дите малое!» — с насмешливой нежностью подумал ездовой и обрадовался, что захватил теплый овчинный тулуп, а в розвальни напихал чуть не воз соломы.

Они вышли на улицу.

— Прошу, — сказал ездовой. — Саночки неказисты, зато по нашим дорогам в самый раз!

И когда девушка уселась, он закутал ее в тулуп, подоткнув полу ей под ноги, обложил соломой. Хозяйствуя так, ездовой коснулся ее холодных ножек, и сердце его облилось давно забытой да лишь в мыслях изведанной отцовской нежностью. «Ведь и у меня такая могла быть, не помри Марья Власьевна двадцать два года назад», — подумал он.

— Ну как, тепло? — спросил он вслух, а про себя добавил: «дочка».

— Ничего, — низким, как у обиженных детей, голосом произнесла девушка.

— Н-но, мила-ай! — пропел ездовой и странно неловко, после всех своих ладных движений, боком упал в сани. Левая нога его деревянно вывернулась из саней, и стало видно, что это протез...

Запушенная недавним снегопадом дорога была почти неприметна на снежной равнине. Но меринок, чувствуя под копытом твердый наст, бежал уверенной, ходкой рысью. Однообразный, унылый в бесцветье дня простор окружал путников. И по правую и по левую руку от них разворачивались ровные, как ладонь, поля. Лишь бегущие цепочкой телеграфные столбы, то высокие, в полный рост, то коротенькие, чуть не до проволоки ушедшие в снег, говорили о том, что под навалом снега равнину пересекают балки, а кое-где и небольшие всхолмья. Порой мимо проплывали редкие перелески и вдруг скрывались из виду, будто таяли в тускло мерцающем свете дня.

Долгое молчание утомило ездового, он повернулся к закутанной в тулуп неподвижной фигурке.

— С Москвы, значит? — спросил он и подмигнул девушке, словно намекая на какое-то тонкое, им двоим известное обстоятельство.

Верно, она не была расположена к разговору, а в глубоком воротнике тулупа не видно кивка, но ездовой угадал «да» по движению длинных ресниц.

— Вы это как, позвольте спросить, по разверстке или добровольно?..

— Добровольно!.. Или клади билет на стол или добровольно, — тихо и сумрачно донеслось из пещерки воротника.

Ездовой то ли не понял ответа, то ли услышал в нем то, что хотел услышать.

— Хорошее дело! Обживетесь у нас — домой не потянет!

Девушка промолчала.

Сани, легонько покачиваясь, плыли по белому, ни конца, ни краю, снежному морю.

— Как пусто здесь, голо... — тихо, словно для себя, проговорила девушка.

— Так то зимой! — встрепенулся ездовой. — Посмотрели бы летом — ковер! Тут у нас как раз луга Стрельниковского колхоза, а в старое время одна болотная топь была. Добрая трава только по обочинам да кой-где под кусточками росла... — Тыкая кнутовищем то вправо, то влево, он принялся рассказывать, где какие лежат земли, угодья, владенья и почему у одних хозяев дело спорится, а у других в разлад пришло.

— Вы местный? — прервала его девушка.

— А то как же! — чему-то обрадовался ездовой. — Самый что ни на есть местный! Тут родился, тут всю жизнь прожил, тут и в войну партизанил и ногу свою схоронил, — он повел кнутовищем за поля, на черный валик леса, обрамлявший равнину, и уселся поудобнее, готовый к неизбежным в таких случаях расспросам, но девушка вновь замолкла, ушла в себя.

Ездовому было немного обидно, что родной его край предстал перед москвичкой в таком невыгодном свете. Сам он никак не ощущал эту землю пустой и голой, каждый ее клочок был связан для него с какими-то воспоминаниями, с чем-то милым или грустным, добрым или печальным. Но как поведать об этом ей?..

Будь она мужчиной, ездовому было бы легче. Он бы мог рассказать ей вон о тех, чуть темнеющих вдали камышах Пучкова болота, где по осени с ружьем да резиновой лодочкой за одно утро набьешь два — три десятка чирков. А за Пучковым болотом — невидное под снегом Сватеево озеро. Да бывают ли где такие уловы карасей и карпов! А богатейшая охота в том дальнем лесу, едва выступающем над краем земли: и птица всякая и зверь мелкий и крупный!..

Будь она мужчиной, ездовой рассказал бы ей о том, как на опушке этого леса в памятном сорок третьем году горстка партизан держала оборону против батальона немцев, и сколько хороших товарищей схоронено там, под усыпанным хвоей дерном, и там же спит его живая, теплая нога. Но ни к чему все эти рассказы молоденькой девушке. Ездовой вздохнул и произнес вслух:

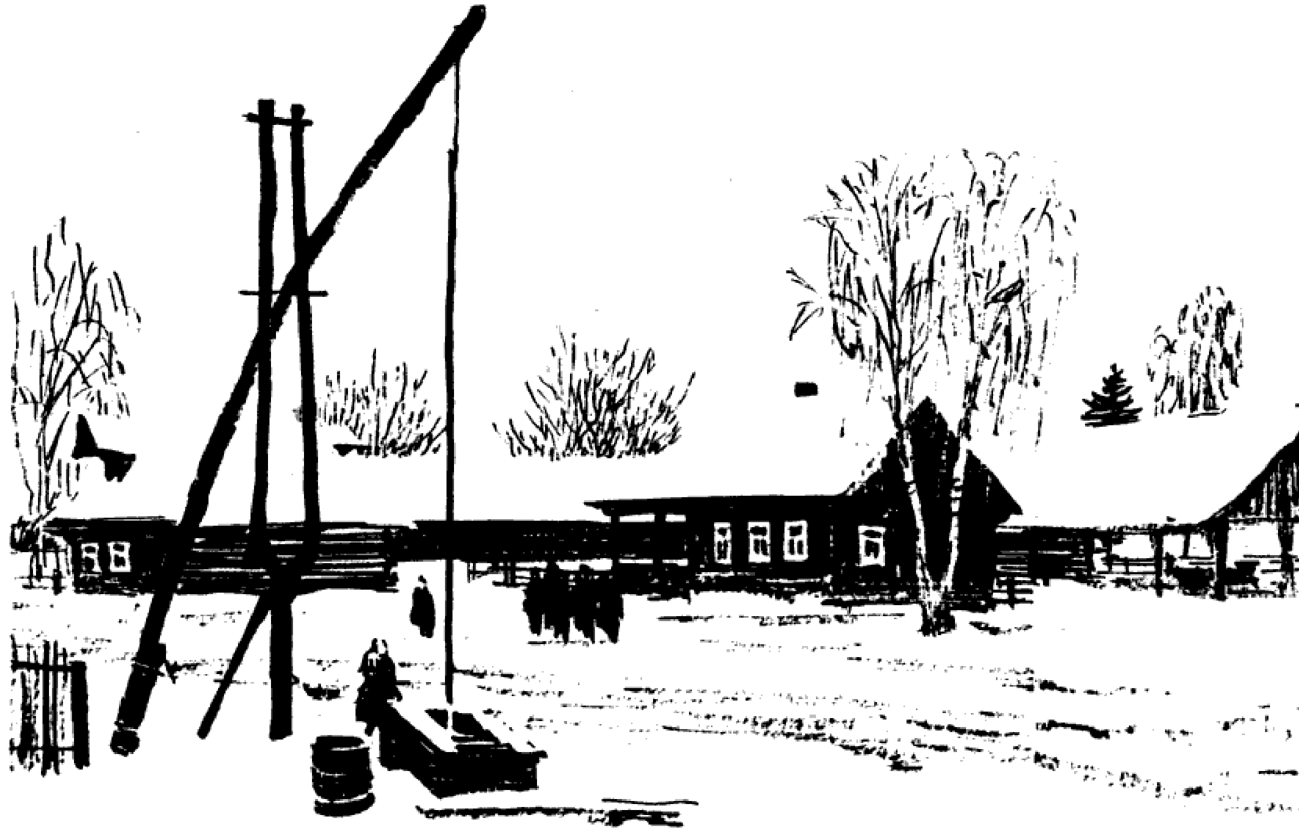
— Места у нас грибные, ягодные...

Все еще думая о своем, он сказал эти слова безотчетно и услышал их как бы потом — они показались ему бедными, жалкими. И он усмехнулся, старый человек, и быстрее погнал коня. Дорога пошла под уклон, затем, круто изогнувшись, мимо еще закрытой чайной, взбежала на новый железный мост через Ворицу. Ездовой попридержал меринка.

Живая голубизна проточила серую хмарь неба, и слабый солнечный свет подзолотил снега, зажег крест на колокольне старой церкви, стоявшей над обрывом другого, высокого, берега реки. Ложе Ворицы не было заснежено, его постоянно обдували оскользающие с кручи ветры, ясно и чисто сверкал зеленоватый лед. Близ одного из быков моста чернела огромная прорубь, уже подернутая игольчатым льдом. Несколько человек в ватных куртках и штанах тащили из проруби ровно вырубленную глыбину льда. Глыбина ворочалась, показывая из воды толстенные, склизло-голубоватые бока. Люди то в лад тянули льдину, напевая что-то, то вдруг начинали суетиться, размахивать руками и громко ругаться, затем они вновь тянули, подталкивая ломами тяжелую ледяную плиту.

Немного отступя от проруби, высился штабель ровных кубических глыб, и, держа путь на этот штабель, надсадно воя, пробивался по берегу грузовик. Колеса то и дело буксовали в глубоком, рыхлом снегу, водитель выскакивал из кабины, швырял под колеса полушубок, затем, раскачав машину, прорывался на несколько метров вперед и снова тонул в снегу.

— К чему все это? — зябко поежившись, сказала девушка.

— Как это к чему? — засмеялся ездовой. — Лед заготовляют.

— Ведь холодно им! — Испуг прозвучал в ее тихом голосе.

— Чего там! Народ от холодной закалки только крепче становится. — Ездовому показалось, что он сказал что-то очень складное. Он довольно улыбнулся, и от этой большой, доброй улыбки лицо его даже несколько разгладилось, морщины сбежали на лоб и к углам глаз.

Дорога за мостом пошла круто в гору, и меринок совсем сбавил шаг, но ездовой не стал его погонять: уж больно хороший открывался отсюда вид. Хороша была светлая, льдистая Ворица в поросших темной сосной берегах, хороша была и горка с церквушкой, спустившей свою голубую тень до самой реки, и даже песчаный, удивительно рыжий карьер, открывшийся за мостом, тоже был хорош. Застенчивое чувство мешало ездовому спросить: ну, каково? Но он и так был уверен, что не может человеческое сердце остаться глухим к этой извечной, милой, простой среднерусской красе. Но вот карьер скрыл ложе реки, дорога вновь пошла ровным полем, и впереди черным пятном возникла деревушка.

Деревушка стояла на взлобке косогора, над ручьем. По заснеженному ложу тянулась черная ниточка живой воды — ручей был теплый, незамерзающий. Окраинные дома и риги лепились низко по откосу, и казалось, деревенька сползает к ручью.

— Н-но, резва-а-ай! — гаркнул ездовой, приподнявшись в санях.

И послушный меринок заскакал какой-то странной, козлиной иноходью. Промелькнуло скромное деревенское кладбище, обросший льдом сруб колодца с длинной ногой журавля, и мимо побежали темные избы небольшой, в одну улицу, деревни.

Въезд получился хоть куда. Народу на улице было, как в праздник, — стар и млад, дивясь, провожали взглядом лихие сани. Жаль, не пришлось осадить у самого крыльца правления, ездовой еще издали приметил крупную фигуру председателя колхоза Жгутова.

Андрей Матвеич Жгутов, восемнадцатый председатель Петровского колхоза, стоя посреди дороги, беседовал с группой колхозников. Трудно быть восемнадцатым. С одной стороны, велика цифра, тяжело знать, что столько людей уже сложили голову на твоей должности, а вместе, хоть и велика, да не кругла, — все кажется, что быть и девятнадцатому и двадцатому. Может, оттого и казался Андрей Жгутов, мужчина крупный и статный, с черной, словно налакированной щетиной на сытом румяном лице, то ли робким, то ли смиренным.

— Здорово, Матвеич, принимай гостей! — закричал ездовой, натянув поводья, и сани будто вмерзли в землю перед председателем.

Жгутов поздоровался, приподняв шапку, что-то сказал своим собеседникам и не спеша, с какой-то слабой, неразвернутой улыбкой на сухих лиловых губах подошел к саням.

— Вот агронома к вам привез, товарищ прямо с Москвы, — гордясь, сообщал ездовой. — Просим любить и жаловать.

Кивая головой и улыбаясь своей слабой улыбкой, Жгутов сверху вниз смотрел на агронома и не знал, что сказать. Наконец он нашелся.

— Добро пожаловать... — произнес он и потянулся за чемоданом.

Но девушка не дала ему чемодан, крепко держа его за ручку, она выскочила из саней и быстрой походкой впереди председателя засеменила к правлению.

А ездовой привязал меринка к крыльцу и подошел к колхозникам. Народ все был ему хорошо знакомый, впрочем, как и повсюду в районе.

— Что это Жгутов у вас недоваренный какой-то? — спросил, поздоровавшись, ездовой. — В бригадирах он побойчее казался.

— Да нет, мужик добрый, только трудно ему, — отозвался счетовод. — А ты кого это привез? Не газетчика ли? Сейчас повелось о плохих колхозах писать. — Счетовод хрипло засмеялся, обронив с губы недокуренный чинарик.

— Агронома я привез...

— А не брешешь? — вскричал бригадир полеводов, худой, согнутый в плечах жердила.— Эх, мил-друг, нам агроном во как нужен!.. — Он провел ребром ладони по горлу.— А агроном-то стоящий?

— В Москве в институте училась!..

Событие решили отметить. В маленькой дымной чайной ездового угостили водкой, и он, раскиснув от угощения и общего внимания, наговорил лишнего, прихвастнул, будто это он уговорил секретаря райкома направить агронома к петровцам. И хотя все знали, что это неправда, никто не мешал ездовому врать, понимая, что врет он от доброго сердца.

Когда ездовой вернулся к саням, на дверях правления висел замок,— значит, председатель повел агронома устраиваться на жительство. Выходит, и ему можно отправляться восвояси, но ездовому жалко было так вот расстаться с «дочкой». Да и Окунчиков, верно, спросит: как, мол, устроили москвичку. А ездовой уже выяснил, что жилье для агронома только начали строить, дома же для приезжих в Петровском отродясь не бывало.

Ездовой прополоскал рот морозным воздухом и направился к дому председателя, стоявшему наискосок через дорогу. «Дочка» сидела за покрытым клеенкой столом в чистой горнице, спиной к маленькому окошку, заставленному горшочками с геранью. Перед ней стояли крынка с топленым молоком и граненый стакан. На верхней губе девушки, заходя на розовые пухлые щеки, отпечатались молочные усы. Ездовой приметил короткий лучик радости, мелькнувший в глазах девушки при его появлении, и умилился.

— Ну как, устроились? — бодро проговорил он, обводя взглядом скромное жилище председателя.

Тут было и тесновато и душновато, по стенам стояли неструганые лавки, табуреты, комод под красное дерево. На комоде — фотографии, стаканчики цветного стекла и коробочки из ракушника; на стенах тоже фотографии, отрывной календарь, барометр и засиженная мухами, невесть когда и за что полученная похвальная грамота. Была, конечно, и большая никелированная, пышно застеленная кровать «самих» и две деревянные кроватки для многочисленных чад — сейчас они все помещались на печке, откуда рассматривали агронома с необидным в своей полной откровенности любопытством.

На вопрос ездового ответ последовал из кухни, где председателева жена стирала белье — из-за края печи виднелся угол цинкового корыта с шапкой мыльной пены.

— Поживут покуда у нас, мы им угол освободим.

— А может, к Арсенихе лучше?..— спросил ездовой.

— Чем же это лучше? У нас, по крайности, груднят нету.

— Это правильно, — согласился ездовой и посмотрел на девушку, желая знать ее мнение, но она молчала, будто разговор ее не касался.

— Обижается товарищ агроном, что клуба нет, — тихо сказал председатель, — кино не показываем... со светом вот тоже... — Он вдруг умолк и молчал долго, чуть не целую минуту, затем вздохнул и сказал строго и серьезно: — Верно это, скучно у нас молодежи, скучно...

— Так надо сделать, чтобы весело было, — тоже строго сказал ездовой.

— Надо, конечное дело. Будем с хлебом — все у нас будет. А пока, видишь, не можем даже как следует человека принять. Есть решение к февралю дом для агронома построить, а покамест только фундамент подвели. Товарищ, конечно, вправе обижаться...

— При чем тут — обижаться? — отчетливым, ровным голосом вдруг произнесла девушка.— Но раз мне не обеспечены нормальные условия для работы, я тут не останусь.

Было такое впечатление, будто она долго складывала про себя эту фразу и подала ее, точно колобок из печи выкатила.

«Ай да дочка! — с восхищением подумал ездовой.— Умеет за себя постоять!» И он стал ждать, что ответит председатель, какие найдет слова, чтобы убедить девушку остаться. А в том, что она в конце концов останется, ездовой почему-то не сомневался.

Но председатель, стыдясь своей неустроенности, только разводил руками да бормотал что-то несвязное: мол, временные трудности, обживетесь... И щеки его под густой черной щетиной пылали, как костер сквозь чащу. А девушка с неожиданной решимостью и проворством забрала свой чемоданчик и, не говоря ни слова, быстро пошла к двери.

— Садитесь, я через минуту! — в спину ей крикнул ездовой.

У ездового стало нехорошо на душе. Ему было и досадно за петровцев, обманувшихся в своих ожиданиях, и стыдно за себя, что он так нашумел, нахвастал да еще и угостился за счет людей. Чтобы погасить в себе неприятное чувство, он стал укорять председателя:

— Некрасиво получается, Матвеич, знали же, что к вам агроном прибудет, неужто не могли подготовиться?

— Да ведь тебе ведомы наши обстоятельства, товарищ Марушкин,— смущенно и грустно сказал председатель.— Ссуду нам задерживают, с транспортом полный зарез. Телятник, и тот никак не добьем, где уж тут дачи агрономам строить?

— Так-то оно так, а понимать надо, какой человек перед вами. Она в самой Москве училась, не нам с тобой чета...

— Да мы понимаем, Сергей Данилыч! — сказал председатель, и ездовому почудилась в сокрушенном голосе Жгутова словно бы далекая усмешка.— Коли ты еще повезешь к нам, так уж нельзя ли кого попроще?

— «Попроще»! — передразнил ездовой, почему-то обидевшись. — Будете так встречать, никто у вас не останется!

— Ну, может, кто и останется,— с той же далекой, сокровенной усмешкой ответил председатель.

Этот разговор решительно не понравился ездовому: выходило, что председатель еще кичится своим убожеством. Он взялся за шапку и, не попрощавшись толком, вышел на улицу.

Девушка сидела в санях, укрывшись тулупом, и больше чем когда-либо глядела букой. Ездовой подобрал вожжи и осторожно примостился возле нее.

— Н-но! — ездовой прицокнул языком, меринок, посилившись, сдвинул примерзшие сани, и они покатили мимо низеньких, потонувших в снегу изб и черных ветел — на их тонких веточках не держался снег; мимо рослых плакучих берез — по-сорочьи пестрые стволы и ветви их старательно убраны снегом; мимо колодца в толстой ледяной рубашке; мимо похилившейся слепой Доски почета с толстой шапкой снега на верхней перекладине; мимо погоста, чуть приметного верхушками темных, клонившихся долу крестов,— и въехали в белую пустоту равнины.

Снова жестко прошуршал под полозьями деревянный настил моста, и внизу так же бранились и охали люди, таща крючьями очередную глыбину льда, и с тем же надсадным воем борола снега полуторка. У двери чайной, поминутно выхлопывающей клубы нагретого воздуха, грудились сани, розвальни, машины, и в самой гуще, наводя сумятицу, толстый мужик с багровым лицом разворачивал воз с сеном...

Разговоров не вели. Ездовой сердился на Жгутова и особенно на Окунчикова, пославшего «дочку» в такой трудный колхоз, считал, что и сам отчасти должен разделять их вину в глазах девушки, и потому помалкивал.

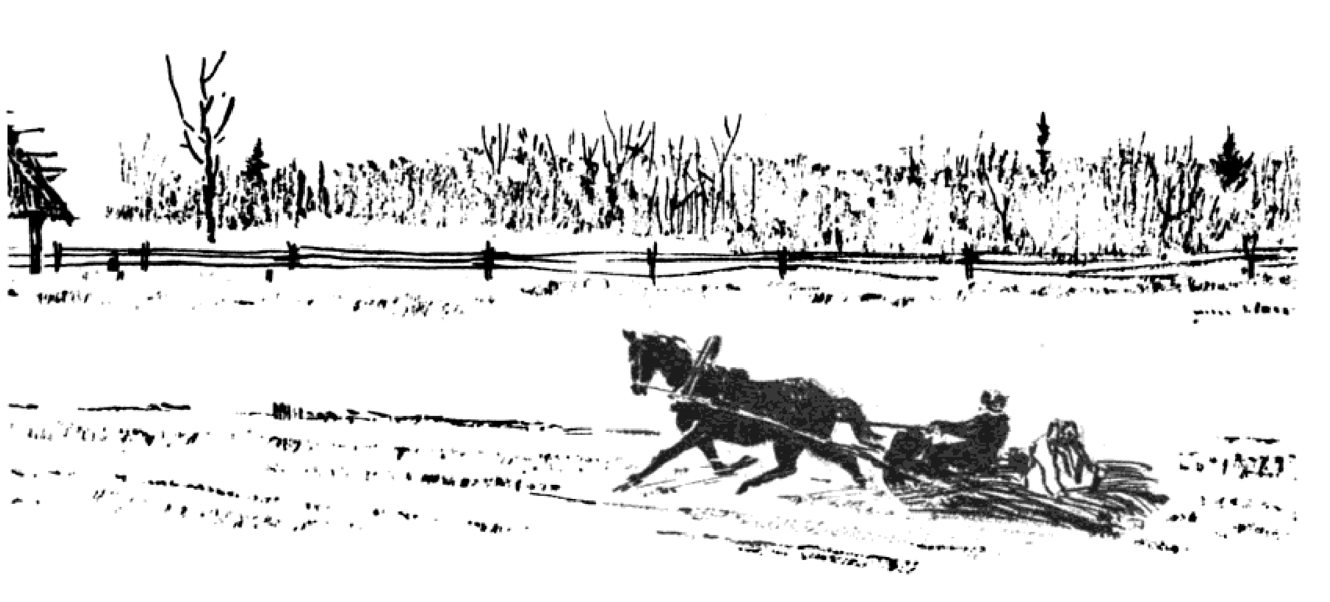
В райком вернулись в третьем часу. Здесь было людно, как в чайной: полушубки, тулупы, брезентовые плащи с башлыками, меховые куртки. В коридоре и в приемной пахло морозом и снегом. Запарившаяся, тоже красная, как с мороза, Марина не знала, за какую телефонную трубку ей прежде хвататься.

Ездовой думал, что им придется долго ждать вызова, но агроном прямо просеменила к двери и, несмотря на протестующие возгласы Марины, вошла в кабинет секретаря.

«Бесстрашная!» — подумал ездовой.

— Вы что это, назад вернулись? — стрельнула глазами Марина, но тут, по счастью, затрещал телефон, избавив ездового от необходимости отвечать.

Дверь секретарского кабинета отворилась, оттуда крадущимся шагом вышел Сапожков из райпотребсоюза и остановился в ожидании. «Наверное, Окунчиков попросил его выйти»,— подумал ездовой и тоже подвинулся

ближе к дверям, чтоб быть под рукой, на случай, если понадобятся его объяснения.

Но объяснений не понадобилось. Дверь вскоре распахнулась, и секретарь с порога сказал:

— Марина Петровна, оформите товарищу агроному путевку в «Богатырь».

Пропустив мимо себя агронома, секретарь хотел вернуться в кабинет, но ездовой посунулся вперед.

— Товарищ Окунчиков, дозволь пару слов.

— Ну, чего тебе?

Ездовой хотел пожаловаться на петровцев, не сумевших из-за своей бедности и некультурности удержать у себя московского агронома, но против воли сказал другое:

— Надо бы подсобить петровцам. Не могут они своей силой. Ссуду им задерживают, с транспортом зарез, где ж им для агрономов дачи строить?

— Да... Да... знаю,— проговорил секретарь, мотнув головой.— Давай, Сапожков, заходи...

— «Богатырь» не Петровское! — с довольным видом говорил ездовой, укутывая девушку в тулуп и подгребая ей под ноги солому. — Там и клуб, и радио, и дом для агронома — будьте покойны!..

Они уже успели выехать из городка, а ездовой все продолжал расписывать ожидающую агронома жизнь в передовой артели. Он сознавал, что перехватывает через край, не так уж все гладко обстояло в «Богатыре», но считал нужным подбодрить москвичку после первой неудачи. Тем более, что и дорога в «Богатырь», хоть и шла иной сторонкой, не имела никаких преимуществ перед дорогой в Петровское: та же белая, гладкая, как ладонь, равнина, те же редкие, рваные перелески, та же цепочка телеграфных столбов, убегающих за горизонт.

Девушка за всю дорогу не подарила ездового ни одним приветливым словом, но его нежность к ней не только не убывала, напротив, обрела прочную силу привязанности. Ездовому нравилось, что при всей своей тихости и безответности она сумела проявить характер. «Маленькая, а вострая», — думал ездовой.

Ведя свои успокоительные разговоры, он то и дело оборачивался к девушке и вдруг заметил, что глаза ее стали, будто стеклянные, и в их гладкую, округлую поверхность впечаталось отражение окружающего простора.

— Умаялась... спать хочет... — тихо сказал ездовой.

Но девушка услышала, ее длинные ресницы взметнулись, и она сказала испуганно:

— А мы не назад едем?

— Как это назад? — усмехнулся ездовой.

— Ну, назад... туда же...

— Да нет, успокойся, вот чудачка! — ответил ездовой, не замечая, что говорит ей «ты». — В Петровское мы по солнцу ехали, а сейчас оно вона где. Отдыхай, я разбужу.

Но усталая девушка так и не уснула, до самого «Богатыря» просидела она в молчаливой, настороженной недвижности.

В деревню въехали на гребне поземки, заснеженные крыши слегка подрумянились, а в окнах, глядевших на закат, зажглось по румяному яблочку. У околицы несколько ребятишек катались на коротких самодельных лыжах с небольшой горушки. Ездовой спросил их, не знают ли, где сейчас председатель.

— В правлении, где ж ему быть? — сказал отчаянного вида паренек в распахнутой шубейке и треухе с торчащим, как у зайца, ухом. Глаза его, насмешливые и серьезные, бесцеремонно разглядывали агронома. Он подумал немного и добавил: — У них семинар по зоотехнике. — И вдруг, гикнув, стремительно понесся вниз.

Ездовой тронул коня, и вскоре сани подъехали к полутораэтажному дому с каменным низом и деревянным верхом, на двери которого за резным крыльцом висела добротная, золотом, вывеска: «Правление колхоза «Богатырь». В разрисованных морозом высоких окнах мелькали темные тени, видимо, в правлении было людно, и ездовой чего-то вдруг оробел.

— Мне с вами идти или как? — проговорил он неуверенно.

Но девушка уже выбралась из саней и, захватив чемоданчик, быстро взбежала на крыльцо. Хлопнула дверь. Ездовой вздохнул, съехал с дороги, крутившейся низкой, тугой поземкой, и стал под защиту стены. Задав меринку корм, он прислонился к саням и стал ждать. Вся его жизнь проходила в том, что он либо ехал либо ждал и ездовой давно притерпелся и к тому и к другому.

Длинная деревенская улица с замутненной далью была совсем пустынна. Значит, размышлял ездовой, у здешних людей и по зимнему времени есть занятие, не позволяющее им, подобно петровцам, даром слоняться по деревне. Да и вообще, видать, здесь живут совсем по-иному. Избы, правда, не больно казисты, лишь немногие под железом, зато перед каждой избой палисадник с двумя — тремя яблоньками и вишнями. К каждой избе подведен свет, на многих крышах торчат антенны, и — что не меньше порадовало ездового — над каждым домом виднелась скворечня, значит, люди живут здесь домовито и раздумчиво, а не впопыхах. В конце деревни слышался ритмичный постук движка, хорошо и ровно билось колхозное сердце.

И ездовой задумался над тем, над чем много думают и не одни крестьянские головы: почему так по-разному складывается судьба двух хозяйств, лежащих поблизости друг от дружки, а порой и вовсе бок о бок? И земли у них одинаковые, и люди как будто не разнятся, и те же беды пережиты в войну и в послевоенную пору, но одно хозяйство, пусть не легко и не просто, а все же крепло, росло, двигалось к столбовой дороге жизни, а другое неуклонно катилось под откос...

Меж тем красные пятна вечерней зари погасли в окнах, легкий сумрак сошел на деревню. Заметно похолодало. Ездовой стал притоптывать, разминаться, хотел уже пройти в помещение, но тут дверь правления отворилась, из щели показалась рука, держащая чемодан с привязанной к нему авоськой, а затем и вся небольшая фигурка агронома. Дробно простучали ее каблуки по обледенелым ступенькам крыльца, она подошла к саням, положила чемодан, привычно уселась в хранящую след ее тела солому и схоронилась, как в раковине, в торчащем стоймя, залубеневшем вороте тулупа.

— Это как же понимать?.. — растерянно произнес ездовой.

— Кровь с носу!.. А я не хочу кровь с носу, я не могу так... — она не говорила, а както выфыркивала эти слова. — Я молодой специалист, нельзя с меня требовать...

Вслушиваясь в ее отрывистые слова, ездовой начал смекать, что произошло в правлении. Верно, Губанов, мужик громкий и буйный, с первых же слов запугал деликатную москвичку. Председатель, что говорить, сильный и хваткий, но любит покуражиться. «У меня так: кровь с носу, а сделай!» — любимая его присказка. А агроном — человек молодой, неопытный, ясное дело, смутилась, оробела. Ему бы потоньше, с подходом, а то навалился, как медведь. Эк же неладно вышло! Главное, за «дочку» обидно, каково ей во второй раз в райком возвращаться?

Ездовой немного подождал, не выйдет ли кто из правления, чтоб удержать агронома, но двери будто приросли к раме, и, вздохнув, он стал снимать торбу с морды меринка. Тот, видать, сильно оголодал, он все тянулся к торбе, шевеля мягкими ноздрями. Ездовой толкнул его локтем в храп, вложил удила в теплый, скользкий рот, пристегнул их к уздечке и, снова вздохнув, вернулся к саням.

— Может, пойдете, поговорите?.. Он ведь только на подходе такой, председатель-то...

Девушка букой сидела в розвальнях, насупив брови, плотно сжав красные пухлые губы.

— Хозяйство зажиточное, — говорил ездовой, жалея эту маленькую, неприкаянную фигурку. — Житье сытое, а что работы много, так где ж ее мало? Тут не то, что у петровцев, с начала не начинать. И дом тут поставили справный, под железом, и уголь завезли. Вон снежок-то черным припудрен, я так сразу смекнул — для агронома, сами-то дровами отапливаются...

— Что я, железной крыши не видала! — сипло сказала девушка и снова замкнулась, заперла себя, как кошелек.

В молчании тронулись в обратный путь. Ездовой сердился, он и сам не мог понять, на кого и на что. Девушка, конечно, в своем праве выбирать, все-таки махонькая, а бросила Москву, дом, мать, единственно по своей комсомольской совести пустилась в этакую даль, в чужую, трудную жизнь. Да ведь и председатель не так уж виноват, что работу требовал, зато и условия дает подходящие. Жаль, что не сладились! Может, надо было ему вмешаться? Да разве б его кто послу-

шал? Сердитое чувство не проходило, и ездовой наконец понял, что во всем виноват разленившийся меринок: трюхает себе кое-как, будто не видит, что уже ночь на носу, а дела они так и не сделали. Ездовой вытащил из-под соломы кнут и с оттяжкой хлестнул меринка под бочковатое, будто сдавленное в пахах, брюхо. Меринок обиженно мотнул головой, и комья снега чаще забарабанили о передок саней. Правда, ненадолго, упрямый конь сошел на прежний шаг, но ездовой не стал его больше понукать. На несытое брюхо откуда резвости взять?

Ездовой и сам чувствовал себя неважно. От выпитой на голодный желудок водки его клонило ко сну, мысли расползались в голове какой-то серой мутью. «Сейчас бы горячего хлёбова глотнуть», — думал ездовой, борясь с дремой. Девушка ела какую-то пищу, доставая ее из своей авоськи маленькими кусочками. У ездового заворчало в животе, он стал нарочно ерзать и кашлять, но попросить еду посовестился.

Когда они подъехали к райкому, совсем стемнело, на улице зажглись фонари, и в несильном желтом свете, как мухи, зареяли черные снежинки. Ездовой обрадовался темноте и вечернему малолюдству улицы. «По крайности, никто не увидит, — подумал он. — А то ведь такой народ, пойдут врать, как ездовой агронома возил...»

Когда остановились у крыльца, девушка уже привычным для ездового движением схватила свой чемоданчик и коротким, с пятки на носок, шагом зачастила к лесенке. Она поднялась по ступенькам, поставила чемодан, двумя руками открыла на тугой пружине дверь, попридержав ее ногой, забрала чемодан и скрылась в помещении. Это однообразие ее беспомощных, но упрямых и ничем не смущаемых движений вызвало у ездового глухое раздражение.

Он тоже вылез из саней и, ощущая какое-то окостенение в своем старом теле, принялся медленно разнуздывать меринка, чтоб задать ему корма.

Меринок захрустел, засопел в торбе, ездовой услышал запах овса, и еще сильнее засосало под ложечкой. Он немного походил, потопал валенками по снегу, а девушка все не шла, и ездовой подумал, что, наверное, секретарь задает ей перцу. «Ничего, молодежи такая наука на пользу!» — погасил он в себе короткое сострадание.

Из-за каланчи вышла луна, и снег до самого неприметного сугробика, бугорка, нароста на суку заискрился тысячью огней, и в этом чудесном, как в сказке, свете невидный городок будто вырос, крышами, коньками, трубами поднялся к небу. Ездовой постоял, полюбовался и не спеша направился к крыльцу.

Он миновал пустой коридор, хранивший запах кисловатой овчины да отошедших в тепле валенок, и вошел в такую же пустую приемную. Стол Марины был чисто прибран, лампа потушена, видно, секретарь отпустил помощницу домой. Ездовой обрадовался, что избег встречи с языкастой девицей. За толстой, обитой войлоком и клеенкой дверью секретарского кабинета была тишина, зеленым глазком смотрела в приемную замочная скважина.

Ездовой отошел к окну в ледяном узоре и от нечего делать стал выколупывать дырочку. Куда же теперь направят агронома? Эх, кабы в Дворики! Там председатель — женщина, может, легче бы столковались?..

Он не заметил, как открылась дверь, но услышал знакомый частый постук маленьких ног. Девушка почти бежала к выходу, неся перед собой чемоданчик. Ездовой окликнул ее, и она, словно припоминая, оглядела его, засмеялась чему-то и сказала:

— Ох, а я-то боялась, что вы не дождетесь!

— Как это не дождусь? Я на службе, — сказал ездовой, радуясь ее оживлению и смеху, который слышал впервые. — Куда прикажете везти?

— На станцию!

— Куда-а?..

— На станцию. Домой еду! — девушка снова засмеялась и помахала в воздухе командировочным предписанием, на котором подсыхал жирный штамп отметки. Сложив предписание, она спрятала его в карман под шубку и быстро пошла к выходу. Ездовой последовал за ней в страшном смущении.

Девушка уже устроилась в санях, она сидела как-то по-иному, свободно, непринужденно, и болтала ногой.

Ездовой сорвал торбу с морды меринка, приладил сбрую.

— Н-но! — сказал он почти шепотом.

Его удивляла и тревожила легкость, с какой девушка приняла свое поражение.

— Неладно это у вас получилось, а? — осторожно сказал он через некоторое время.

— Ничего! — Она опять засмеялась, пригнув голову. — Вот дома удивятся!

Она что-то говорила о доме, о Москве, но ездовой вслушивался не в слова, а в звук ее свежего, чистого, странно чужого голоса.

Вскоре они выехали на укатанный, плотный грейдер, ведущий к станции.

— Ох, какая дорога хорошая! — обрадовалась девушка. — Мы так минут за сорок доедем, а поезд через три часа.

Ездовой молчал, выпустив вожжи из рук, девушка продолжала болтать сама с собой.

— Поезд через три часа... у меня нет ни билета, ни брони... Знаешь, дедушка, — тронула она за плечо ездового, — ты все-таки не спи, а давай побыстрей. Я тебе водочки поставлю.

— Я вам не дедушка, а Сергей Данилыч! — резко сказал ездовой. — А насчет водочки не беспокойтесь, не нуждаемся.

— Сердитый! — капризно и смешливо сказала девушка. — Вы местный? — спросила она через минуту.

— Местный... — опешенно произнес ездовой. Ведь она уже раз задавала этот вопрос. — Местный! — повторил он, и чем-то обидным прозвучало для него это слово, которое он всегда произносил если не с гордостью, то все же не без хорошего чувства.

И вдруг всей кровью он ощутил, что смертельно обижен этой маленькой миловидной девушкой, обижен за себя, за свой край, в котором ни один уголок не пришелся ей по душе, обижен за своего усталого, некормленного коня, что без толку вымахивает весь день по трудным снежным дорогам. Он вспомнил, как неприязненно, холодно, исподлобья оглядывала она родной ему простор: поля, перелески, Ворицу под чистым, светлым льдом; как глубоко безразлично ее маленькому, пустому сердцу то, что люди, производящие хлеб, нуждаются в помощи, что они тоже хотят лучше работать и лучше жить, а ведь она училась и на их трудовые деньги. И по-человечески обидно и стыдно было ездовому, что он, старый человек, так ошибся в ней, называл «дочкой», приняв обсевок за золотое зерно.

Он приподнялся в санях. Впереди ясно обозначались в ночи станционные фонари. Вокруг каждого фонаря, словно вокруг луны, сиял переливающийся из голубого в густосинее, с золотой окольцовкой ореол. Красными огоньками плевалась топка маневренного паровоза.

Ездовой натянул вожжи. Цокнули копыта о передок саней. Меринок осадил и повел шеей в съехавшем чуть не до самых ушей хомуте, будто хотел спросить у ездового, зачем тому понадобилось сбивать его с усталой, но ровной рыси.

— Слезай, приехали! — негромко сказал ездовой, повернувшись к девушке.

— То есть как это приехали? — удивленно и подозрительно спросила она.

— А вот так! Довольно лошадь по-пустому гонять. Освобождай сани, товарищ агроном! — Ездовой наклонился, взял чемодан с привязанной к нему авоськой и поставил его на дорогу. Затем, чмокнув губами, так круто завернул меринка, что сани накренились, взвизгнув полозом, и девушка запрокинулась навзничь. Она тут же выпрямилась, спрыгнула на дорогу, подняла чемодан и, прижав его к груди, закричала:

— Вы не смеете! Я буду жаловаться!

— Давай, давай! — отозвался ездовой и хлестнул меринка.

Сани, раскачиваясь из стороны в сторону, легко побежали по льдистым извилистым колеям, девушка долго смотрела им вслед, но ездовой не оглянулся.

Евгений ВИНОКУРОВ

Счастье

Под вечер на лавочке в воинской части
Мы часто с дружком толковали о счастье.

— Что счастье? — спрошу. —
Напрямик отвечай...
— Несчастья отсутствие счастьем считай...

Я срок отслужил... Я ее повстречал,
Страдал, заболел, ревновал и скучал,

В тоске просыпался от тягостных снов...
О, как ты не прав был, сержант Иванов!

Старый двор

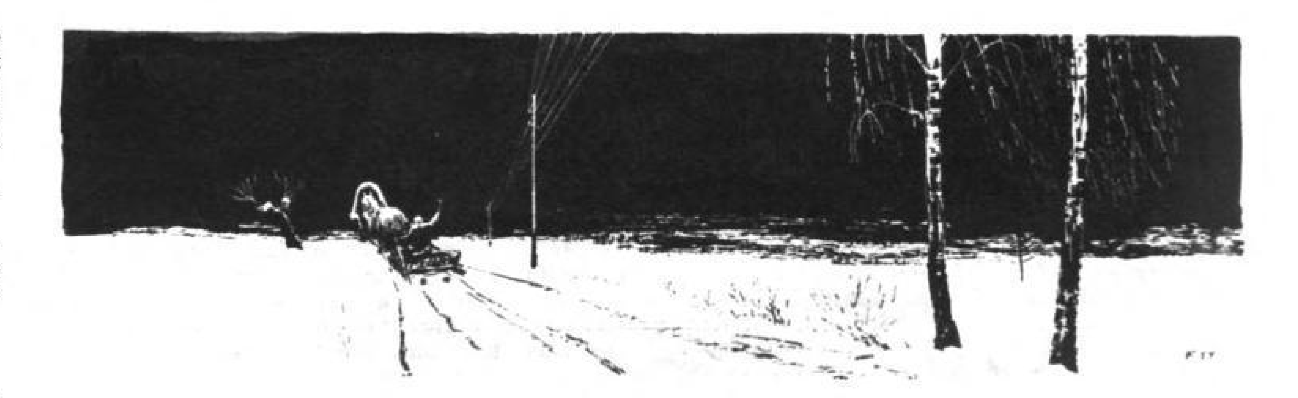
В том веселом дворе, где играл я в футбол,
Где скакала с веревочкой ты,
В восемнадцатый раз клен широкий отцвел
И в семнадцатый сбросил листы.

Там все те же гвоздики, забор и сарай,
Я в тот двор захожу каждый год...
Детства край дорогой, дальней юности
край —
Старый двор у Никитских ворот!

О стихах

— Ты держишься за поэзию.
За что ты так любишь ее?
— За блеск над Москвою созвездия,
За полное солнца жнивье,

За все, что ни есть человечьего,
Что жизнь заставляет любить,
За все, без чего было б нечего
Стихов огород городить!

Первые мячи

Два дня в Тбилиси шел снег, а в минувшее воскресенье, в день открытия футбольного сезона, из-за горы поднялось солнце и словно по заказу высушило все тротуары, улицы, аллеи парков.

Как обычно, первый футбольный матч вызвал огромный интерес. Еще накануне тбилисцы атаковали стадион «Динамо» и часами простаивали в очереди за билетами. Любители футбола приехали из Батуми, Сухуми, Рустави, Кутаиси, из близлежащих колхозов и совхозов.

Всем хотелось побывать на открытии футбольного сезона, посмотреть игру первоклассных коллективов, внести тут же, на стадионе, в заранее заготовленные карманные таблицы первый результат.

И вот настал день первой игры. Празднично одетые тбилисцы заполнили трибуны стадиона. После торжественного приветствия и подъема флага футболисты вышли на разминку. Тут стало очевидным, что солнце,

За билетами на первый футбольный матч.

которое легко справилось с асфальтированными улицами, не успело высушить спортивное поле. Грунт мягкий, тяжелый. Он комьями мокрой земли то и дело летит из-под ног игроков.

Спокойно идет к середине поля судья Э. Саар. Его сопровождают боковые судьи с клетчатыми флагами.

Свисток!

На поле выбегают чемпионы страны — спартаковцы Москвы — в красных футболках и хозяева поля — в белых. Стадион рукоплещет игрокам. На скамейку, стоящую за боковой линией, садятся старшие тренеры: москвич Василий Соколов и тбилисец Борис Пайчадзе. Оба некогда известные футболисты. Один — защитник, другой — нападающий. Сколько раз Соколову приходилось сдерживать Пайчадзе! Но и теперь состязание между ними продолжается: ведь на поле ведут борьбу их команды. Для них, тренеров, соревнование началось задолго до свистка судьи. Еще накануне матча тренеры собрали своих игроков для того, чтобы обсудить с ними ряд тактических задач. Тбилисцы думали о том, как удержать Н. Симоняна, как обезопасить Н. Дементьева. Москвичи решали, как обезвредить напор А. Гогоберидзе, энергию неутомимого Г. Антадзе... Теперь оба тренера наблюдали за тем, как претворяются в жизнь их замыслы.

Борьба началась так, как только могла начаться, когда два соперника хорошо знают друг друга: никаких предварительных разведок, сразу атака. Однако уже после первых десяти минут игры стало очевидным, что коллективы еще недостаточно готовы для

Флаг футбольного первенства поднят.

серьезной встречи. Движения футболистов были как-то замедленны и неловки. Передачи мяча в большинстве случаев неточны. Ударов по воротам почти не было. Вратари В. Тучкус («Спартак») и В. Маргания («Динамо»), по существу, отдыхали. Лишь изредка вспыхивала острая борьба, но тут же быстро угасала. Но вот за несколько секунд до перерыва, во время свалки у ворот «Спартака», упавший защитник Ю. Седов схватил мяч руками. Судья Саар дал 11-метровый штрафной удар без защиты. Капитан тбилисцев А. Гогоберидзе спокойно послал мяч в угол ворот. Счет 1 : 0.

После перерыва характер игры не изменился: так же бессистемно вели атаки нападающие, так же отбойно играли защитники. Отличался лишь Г. Антадзе, который то и дело выручал свою команду от неприятностей и тут же сам переходил в наступление, вызывая одобрительные возгласы и аплодисменты зрителей.

Однако спартаковцам удалось отквитать гол. Вышло это так: Н. Симонян пустил мяч вперед, а вырвавшийся Б. Татушин проскочил с мячом между защитниками и с ходу вбил его в ворота. После этого москвичи имели несколько возможностей увеличить счет, но не использовали выгодного положения.

К концу состязания команды явно устали, и ничейный исход казался наиболее вероятным. Две минуты оставалось до конца игры. И тут Гогоберидзе удалось прорваться к воротам «Спартака». Тучкус поймал мяч, но выпустил его. Гогоберидзе пробил вторично. Мяч попал в штангу, отскочил в ноги З. Калоева и на сей раз оказался в сетке.

Счет 2 : 1. Динамовцы Тбилиси одержали важную для себя победу...

В Москве футбольный сезон начнется 1 мая. По традиции на поле встретятся чемпион страны «Спартак» и обладатель кубка «Динамо» (Москва).

М. МЕРЖАНОВ

Тбилиси.

До начала состязания осталось две минуты... На башнях нули, но первая единица уже приготовлена.

Фото М. Квирикашвили.

Момент игры «Спартак» (Москва) — «Динамо» (Тбилиси).

Чародейка русской сцены

К 100-летию со дня рождения М. Г. Савиной

М. Г. Савина. 1896 год.

Марию Гавриловну Савину при жизни часто называли «чародейкой русской сцены», и это выражение не было преувеличением.

У Савиной как актрисы была тяжелая юность в провинции. Но горести и скитания не сломили ее. И когда в апреле 1874 года она получила дебют в петербургском Александринском театре, а затем вступила в его труппу, для Савиной началась дорога славы, восторженных оваций, хотя порой, быть может, лавры и перемежались с терниями. Скромная провинциальная актриса стала всероссийской знаменитостью, и так продолжалось свыше 40 лет (артистка скончалась в 1915 году).

«Моим идеалом в искусстве, — говорила Савина, — всегда была художественная правда». Ее учителем была жизнь, которую Савина умела изучать и наблюдать. Ее зоркие глаза подмечали в окружающей действительности самые типические, самые характерные черты, и артистка переносила их на сцену в той реалистической и острой, обобщенной манере, которая была присуща ее исполнению.

Мудрая экономия выразительных средств — принцип мастерства Марии Гавриловны. Она была предельно скупа и лаконична в жестах, движениях. Два — три штриха — и перед глазами зрителей во всей полноте возникал тот женский образ, который создала Савина.

Сила ее перевоплощения была необыкновенно велика. Рассказывают, что однажды Савина, играя крестьянку, ожидала за кулисами свой выход. Дежуривший пожарный спросил Савину: «Ты какой губернии?» И Савина ответила с улыбкой: «Тульской». А пожарный с восторгом воскликнул: «Мы земляки!»

Савина создала целую галерею русских девушек и женщин самых разнообразных возрастов и социальных положений: купчихи и дворянки, мещанки и крестьянки, бедные и богатые — для всех были у Савиной свои сценические краски.

В молодых девушках своей ранней поры она любила подчеркивать радость жизни, силу характера. Такой была ее «Дикарка» в комедии Островского и Соловьева. Обладая тонким юмором, Савина создала на сцене незабываемые типы уездных барышень и барынь, которых запечатлел Гоголь в своем «Ревизоре». Ее Мария Антоновна и впоследствии Анна Андреевна — подлинные шедевры.

В 1879 году Савина сыграла Верочку в спектакле «Месяц в деревне» Тургенева. На одном из спектаклей присутствовал сам автор. Тургенев был потрясен игрой Савиной. С этой поры началась дружба Савиной с Тургеневым. Тургеневские пьесы в творчестве Савиной — особая и яркая глава. Ее последней страницей было возвращение Савиной к «Месяцу в деревне» уже в качестве Наталии Петровны.

После Тургенева — Лев Толстой. «Власть тьмы». За разрешением поставить пьесу в свой бенефис Савина приехала к самому Толстому. Она намеревалась играть девчонку Анютку, но Толстой посоветовал ей играть Акулину и сам прочел с ней обе роли. «Все же она скромно так выслушивала, — рассказывал Толстой, — и просила меня прочесть одну, две сцены, а потом сама читала и, знаете, право, очень недурно, я никак не ожидал, она уловила верный тон... Она, как видно, умница, понятливая и вообще так просто, серьезно держит себя без всякого жеманства...» Восхищенно о Савиной отзывался Достоевский, говоря, что ее интонации выточены из слоновой кости. Ее искусство высоко ценил Чехов, в пьесе которого «Иванов» Савина играла и Сашу и Сарру.

На своем веку Савина исполнила около 400 ролей. К сожалению, она выступала не только в первоклассных драматических произведениях, но и в тех ремесленных и пустых пьесах, которые одно время наводняли репертуар александринской сцены.

Кипучая энергия Савиной нашла применение и в той театрально-общественной работе, которой она отдала так много сил: она была среди учредителей Всероссийского театрального общества, которое ныне приближается к своему 60-летию. Сама познавшая нужду и лишения, Савина стала страстной защитницей актерских нужд и интересов. По ее инициативе было создано убежище для престарелых актеров — нынешний «Дом ветеранов сцены» в Ленинграде.

В творчестве Савиной было много противоречивого, но все это отступает перед ее деятельной и горячей любовью к искусству, к Родине, перед ее замечательным талантом художника сцены.

Н. ВОЛКОВ

ПО ДОРОГАМ ВЕНГРИИ

Г. БОРОВИК, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Специальные корреспонденты «Огонька»

О достопримечательностях старых и новых

Будапештская улица незаметно выходит в пригород и превращается в шоссе. Реже попадаются многоэтажные дома с сохранившимися еще следами войны — оспинками от пуль и осколков. Мелькают и остаются позади жилые корпуса новых рабочих поселков. Теперь по бокам дороги только шелковицы с аккуратно спиленными кронами. Прямо из толстых стволов поднимаются задорные тоненькие веточки.

Для больших и маленьких деревушек, как на крепкую нить нанизанных на дорогу, шоссе — главная или единственная улица. Деревни так близко расположены друг от друга, что иногда не различишь, где кончается одна и начинается другая. Границей служат каменные или деревянные придорожные распятия.

Но вот неподалеку от дороги встает знак уже иного времени: стальная вышка метров в сорок высотой. Подходим к прилепившимся у ее подножия служебным помещениям. Нас окружают рабочие в ватных комбинезонах. Объясняют, что это вышка буровая, поставили ее здесь несколько месяцев назад: ищут нефть. Один из рабочих, Эрнест Балог, знающий немного русский язык, говорит:

— Можете писать в своем журнале, что нефть найдем. Будет нефть!

...Маленький городок Геделле. На окраине его высится большое светлосерое здание, с окнами, образующими несколько сплошных стеклянных поясов. Лишенное украшений и, быть может, внешним видом уступающее бывшему королевскому дворцу, что расположен неподалеку, оно зато куда более значительная достопримечательность Геделле. Это крупнейший в Венгрии завод электроизмерительных приборов, пущенный в 1951 году. Первая стройка пятилетки.

...Хатван — тоже маленький городок. В старой Венгрии он был знаменит разве только тем, что находится от Будапешта на расстоянии ровно 60 километров, о чем свидетельствует название (хатван — по-венгерски шестьдесят). Теперь здесь крупнейшая в Венгрии электростанция. Правда, хатванцы скоро потеряют свое первое место: в республике, которая сейчас вырабатывает в три с лишним раза больше электроэнергии, чем довоенная Венгрия, вступают в строй еще более мощные электростанции. Но хатванцев это, конечно, не огорчает...

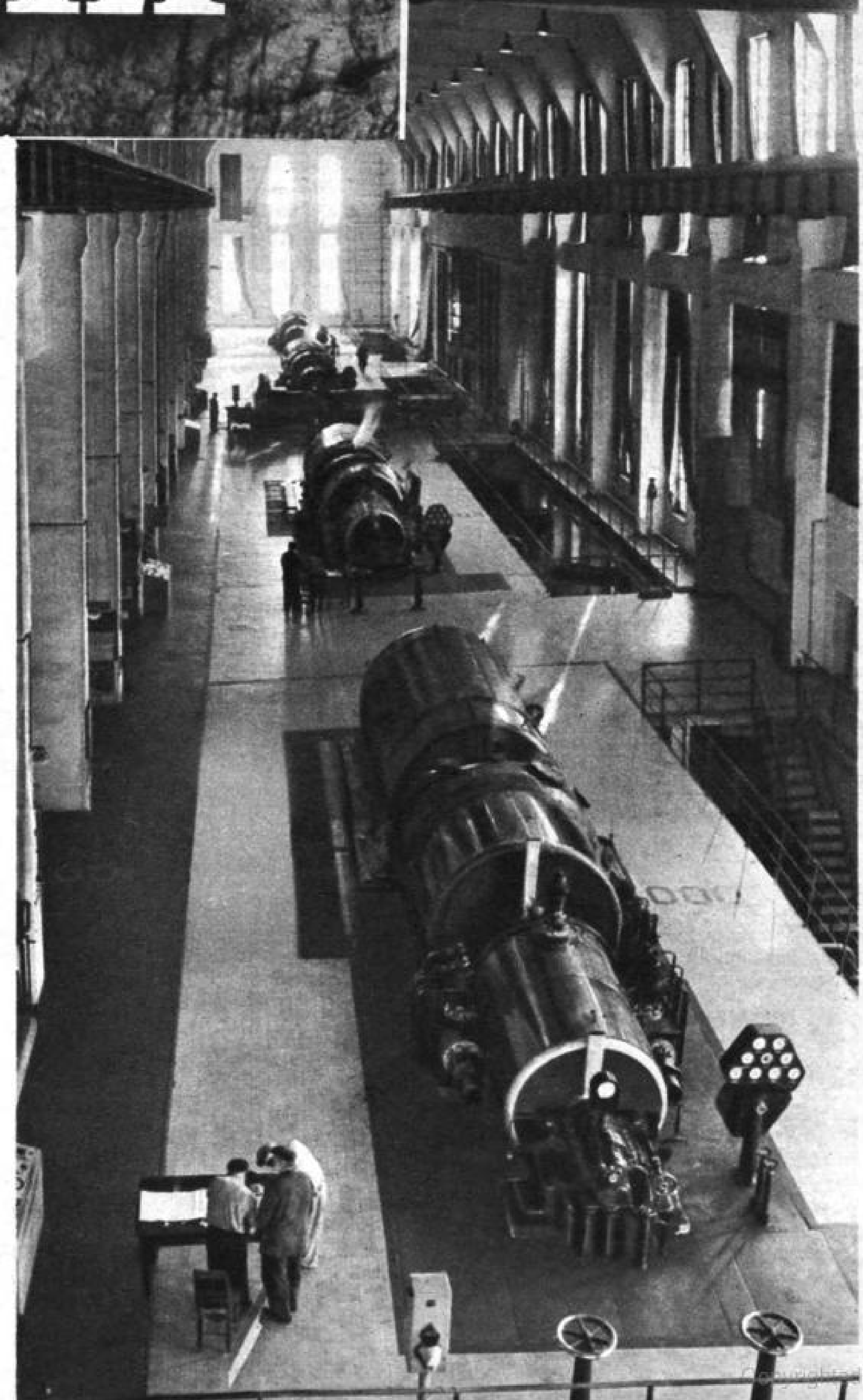
...У Асода слава осталась прежней. Это не значит, что древний городок, расположенный между Геделле и Хатваном, ни в чем не изменился. Просто слава эта особого рода: здесь начинал свою творческую жизнь великий венгерский поэт-революционер Шандор Петефи. В асодской гимназии имени Петефи, возле которой стоит памятник поэту, учитель русского языка показал нам старую, потрепанную книгу. Он бережно открыл ее на той странице, где в списке учеников значилось имя Шандора Петефи, сына деревенского мясника и прислуги.

На уроке венгерского языка и литературы мы услышали знаменитую «Национальную песню». Ее читал третьеклассник Гезо Тошнади:

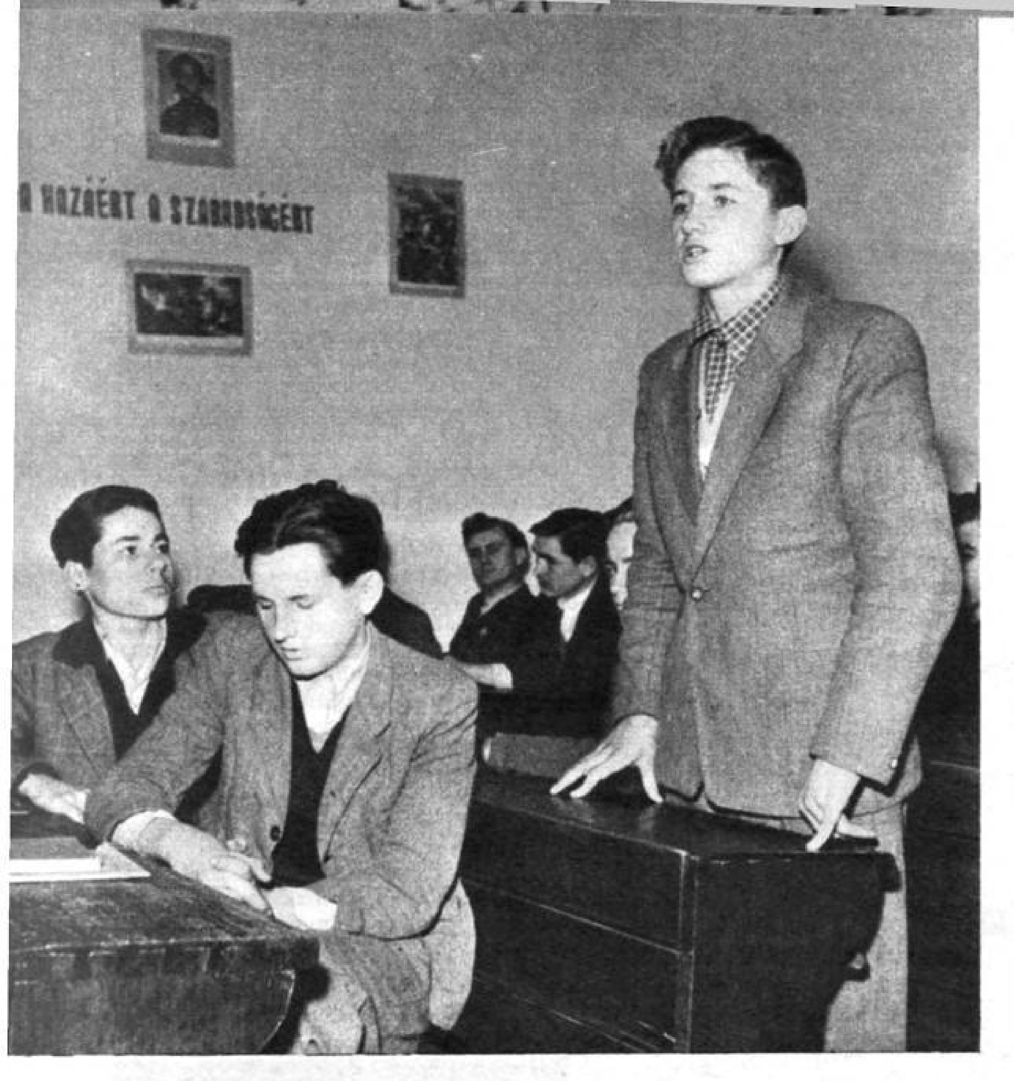
...Имя венгра величаво
И достойно древней славы.

Мы побывали во многих городах и селах Венгрии и в самых неожиданных местах слышали стихи Петефи. Их читала нам дочь крестьянина Яноша Урача в кооперативе имени Мичурина, их скандировал молодой цыган Ласло Маркус, их приводил напамять скульптор Жигмонд Кишфалуди-Штробль и многие, многие другие люди, с которыми мы встречались.

В хортистской Венгрии тоже «чтили» Петефи. В 1923 году власти даже «отмечали» столетие со дня его рождения — из замка

Машинный зал хатванской электростанции.

Гезо Тошнади читает Петефи.

Хорти был дан по сему поводу артиллерийский салют. А на другой день... был арестован актер, читавший стихотворения Петефи.

Вот почему старая слава города Асода звучит теперь по-новому, как по-новому — широко и привольно — звучат в стране произведения великого поэта, воспевшего свободу.

Возрожденное искусство

В Мезекевежд мы приехали в полдень. Слегка нарушив стройные ряды прогуливавшихся по городской улице девушек, машина наша подкатывает к двухэтажному дому, на фасаде которого большими буквами надпись: «Matyo Haz» — Дом матьо. Здесь помещается Музей народного творчества.

Дверь открывают два мальчика. На обоих совершенно одинаковые лыжные брюки, курточки, кепки. У одного на шее клетчатый шарф — только этим он и отличается от другого.

— Можно осмотреть музей?

— Можно! — весело в один голос отвечают ребята.

— А нельзя ли видеть директора?

— Нельзя! — получаем мы такой же радостный ответ.— Он ушел. Мы его заменяем пока.

— Как же вас зовут?

— Меня — Пишта, а его Иошка,— отвечает мальчик в кашне.

— Пал Иштван и Пал Иожеф,— солидно поправляет другой.

Установив после непродолжительного спора, кто будет показывать первым, мальчики повели нас по комнатам. Братья оказались сыновьями сторожихи; все свободное от школы время они проводят в музее. Историю творчества матьо они излагали безошибочно — это подтвердил пришедший вскоре директор.

Словом «матьо» называют жителей Мезекевежда и близлежащих сел: Сентишван и Тард. Предание гласит, что в давние времена венгерский король Матиаш пожаловал селу Мезекевежд герб и диплом города. Жители стали нарекать детей именем «Мати» (ласкательное от Матиаш). Отсюда и пошло «матьо». Слово это получило известность во всей Венгрии и за ее пределами в конце XIX века, когда торговцами было открыто великолепное искусство мезекевеждских вышивальщиц. Разумеется, в те времена их мастерство было поставлено предприимчивыми дельцами на службу наживе. Вышивки и костюмы матьо начали носить будапештские модницы, их экспортировали за границу. Торговцы, за нищенскую плату скупавшие изделия мастериц, навязывали им безвкусные рисунки, которые пользовались успехом на рынке. Постепенно искажалось и затухало истинное искусство. Вышивальщицы бросали свое ремесло, уходили в другие города на заработки. Так продолжалось до 1945 года.

Вместе со строительством новой жизни начало возрождаться в Венгрии все то прекрасное, что создавал ее талантливый народ. Вышивальщицы Мезекевежда стали восстанавливать почти забытое народное ремесло. Они собирали вышивки прошлого века. Старые женщины взялись за карандаши и кисти. Несколько лет назад в Мезекевежде организовался кооператив, который объединил большинство мезекевеждских вышивальщиц...

Пишта и Иошка.

Пишта и Иошка водят нас по комнатам Музея народного творчества матьо, открытого по решению правительства год назад. Они показывают национальные костюмы, послужившие основой для вышивок, с увлечением рассказывают о старинных обычаях.

На стене — большая фотография. Старая женщина сидит за высоким столом с карандашом в руках, вокруг нее молодые девушки.

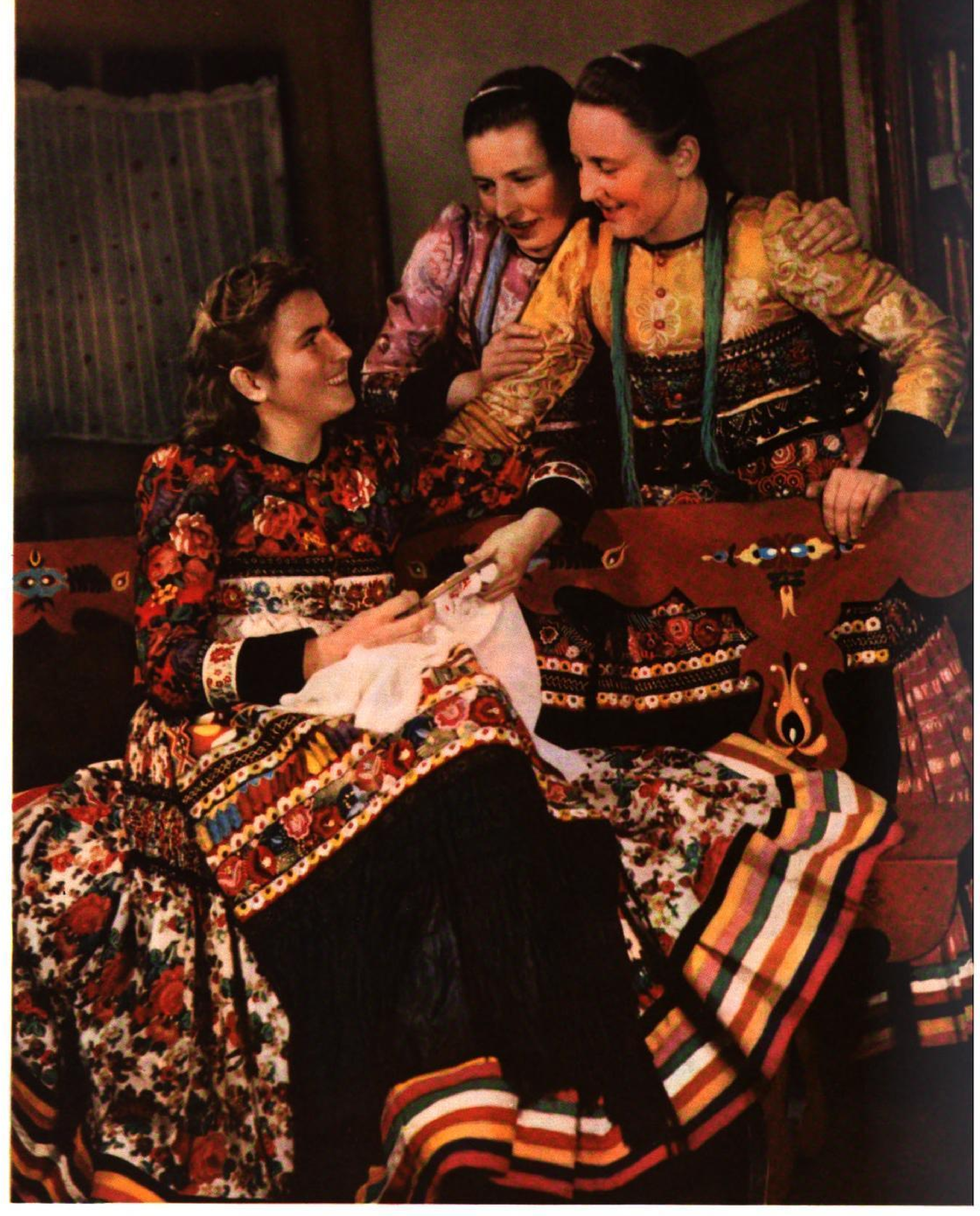
— А это тетя Бори! — с какой-

На мезекевеждской улице.

Бори Кишьянко Гашпарне.

Вышивальщицы матьо.

то особой гордостью говорит Пишта.

— Не «тетя Бори», а портрет мастера народного творчества Бори Кишьянко Гашпарне,— поправляет серьезный Иошка.— Ей уже 78 лет. По ее рисункам вышивки делают. Она живет тут, недалеко. Хотите, мы вас проводим?

Братья повели нас по узеньким уличкам старого Мезекевежда, мимо аккуратно выкрашенных в светлую краску домиков. В одном из таких домиков и живет Бори Кишьянко. Стены большой комнаты сплошь увешаны затейливыми вышивками, ковриками. Это тоже своего рода музей народного творчества. Между окнами в углу стоит высокий темный стол, за которым обычно работает художница,— мы узнаем его по фотографии. Последнее время Бори Кишьянко немного нездоровится. Когда мы пришли, она лежала на высокой, почти под потолок кровати и что-то рисовала.

— Это для артели,— объясняет нам тетя Бори, продолжая работать.

Из-под ее руки вырастают цветы, птицы. Рисунок льется с поразительной легкостью, и кажется, совершенно непроизвольно карандаш выплетает сложные узоры с диковинными для нас названиями: черфарожа, хотшороштулипан, кулочрожа, павофорку. Набросок предстояло еще раскрасить — в кооперативе мастерицы сделают по нему вышивку.

Седьмой десяток Бори Кишьянко занимается любимым делом. Ей пришлось пережить все то,

Отдыхающие Гайятетэ используют блага снежной зимы.

что пережило искусство матьо. После освобождения она одна из первых по крупиночке стала восстанавливать народный характер вышивки. Правительство наградило ее Орденом труда, присвоило ей почетное звание. Сейчас сюда приезжают знаменитые художники, искусствоведы, артисты.

— А недавно вот я получила еще одну награду,— говорит старая женщина.— Наш художник из Москвы написал.

Улыбаясь, она протягивает нам желтенькую почтовую открытку.

«Дорогая тетя Бори,— переводят нам.— Позавчера открылась в Москве Выставка венгерского творчества. Каждый день несколько тысяч человек восхищаются произведениями нашего народа, в том числе и вашими трудами, тетя Бори. Шлем вам свои поздравления, желаем здоровья и счастья».

...Когда мы возвращались от Бори Кишьянко, Пишта, забегая вперед, горячо говорил:

— Вы не забудьте еще записать, что она не только сама рисует, она молодых обучает.

— Опыт передает,— добавил степенный Иошка. — У нас в кооперативе сейчас много ее учениц работает. Хотите посмотреть?

Вечером мы прощались с Пиштой и Иошкой, как старые друзья.

— Только вы нам обязательно журнал пришлите. Мы тете Бори покажем и в школе,— наперебой просили мальчики. Заручившись нашим обещанием, они посмотрели друг на друга и, подумав немного, четко сказали по-русски:

— З д р а в с т в у й т е.

Это должно было, видимо, означать «до свидания». Не желая их огорчать, мы ответили тоже хором:

— Здравствуйте! — и крепко пожали руки юных граждан новой Венгрии, маленьких матьо, так похорошему любящих возрожденное искусство своего народа.

В Матре

Дорога идет в гору. Она выписывает затейливые зигзаги, экономит силы на маленьких спусках, чтобы вдруг резко устремиться вверх. Справа и слева — негустой, но ровный лес. Старые дубы, буки, клены стоят недвижимо в нежной снеговой одежде.

Когда-то по здешним местам бродил Золтан Кодай, собирая песни пастухов. Это были печальные песни. Все богатство гор: вековые леса, несчетные стада овец, виноградники на южных склонах, — все было тогда собственностью крупных помещиков. Им принадлежали бесчисленные охотничьи домики, маленькие замки, фешенебельные гостиницы: в Матре были самые модные курорты венгерской буржуазии — Гайятетэ, Матрахаза, Матрафюред.

...Директор дома отдыха Гайятетэ, еще совсем молодой человек, водит нас по ослепительно чистым коридорам, уютным холлам.

— Оборудование гостиницы, украшения, сервировку вывезли или уничтожили перед отступлением немецкие фашисты,— говорит он.— Пришлось все делать заново. И надо сказать, что Гайятетэ теперь стал лучше. Прежде всего лучше потому,— улыбается директор, — что отдыхают здесь теперь другие, более порядочные люди... Посмотрите, кто здесь. Вон около окна молодой человек — это рабочий из Сталинвароша, там, на кресле за шахматами, шлифовщик из Будапешта, эта девушка — начинающий скульптор, а тот старик с длинными седыми усами, что пишет за столиком,— кузнец с чепельского комбината, папаша Карой Мижеи.

Мы подходим к старому рабочему, знакомимся.

— Я теперь тоже корреспондент, — смеется старик,— вот внучке ответ составляю. Понимаете, прислала письмо, поздравляет с днем рождения. И ведь всего девять лет девочке, а пишет складно, просто диву даешься. Я за все свои семьдесят лет так не писал. Приходится теперь трудиться, чтобы не ударить перед ней лицом в грязь...

Мы спрашиваем Мижеи, доволен ли он отдыхом в Гайятетэ.

— Ну, как не доволен! Я вот в прошлом году на Балатоне отдыхал летом. Хорошо там, а здесь еще лучше: воздух чистый, почти километр над уровнем моря, не шутка! Тут башня есть недалеко от дома, деревянная, так с нее в хорошую погоду, говорят, Чехо-

...но не забывают и плавание.

Янош Мохорош, Иожеф Штейдль и Карой Мижеи (справа).

словакию увидать можно... Гуляю здесь. В комнате со мной еще двое живут: Штейдль Иожеф, он тоже из Будапешта, каменщик, и Мохорош Янош из Уйлоки, обжигальщиком работает на кирпичном заводе. Они, правда, еще молоды — Штейдлю шестьдесят четыре, а Мохорошу пятьдесят, но мы вместе держимся. По расписанию гуляем. На научной основе, так сказать...

Остальные обитатели Гайятетэ, которые в представлении Мижеи являются, видимо, совершенными младенцами, с увлечением используют все блага богатой снегом зимы. Днем дом отдыха пустует: все на воздухе — на лыжах, на прогулках. Зато вечером население Гайятетэ собирается в зале отдыха. Надо ли рассказывать о том, как веселятся здесь отдыхающие! Взгляните на наш снимок: при всем старании вы не обнаружите хмурого или скучающего лица...

* * *

Мы уезжали ночью. Дорога опять петляла, извивалась, но теперь уже для того, чтобы неожиданно устремиться вниз. Справа и слева темной стеной стоял лес, и только иногда сквозь стекла машины виднелись освещенные окна маленьких охотничьих домиков, угадывались остроконечные башни миниатюрных замков. Мы ехали по горам Матры, любимой здравницы венгерских трудящихся, которым принадлежат теперь и бывшие модные курорты, и вековые леса, и стада, и виноградники на южных склонах.

Вечером в зале отдыха.

ПУТЬ ГЕНЕРАЛА

Десять лет тому назад, в апреле 1944 года, погиб от вражеской пули замечательный сын советского народа, талантливый полководец, человек железной воли и непреклонного мужества — Николай Федорович Ватутин.

Прекрасен жизненный путь Ватутина!

Выходец из крестьянской семьи (из села Чепухина, Курской области), он начал военную службу в 1920 году рядовым красноармейцем. Неуемная жажда знаний и страстное стремление совершенствовать свое военное мастерство побуждают его напряженно учиться. Он последовательно кончает Полтавскую пехотную школу, Киевскую высшую объединенную военную школу, Военную академию имени Фрунзе, учится в Академии Генерального Штаба.

Дарования Ватутина в полной мере проявились во время войны с гитлеровскими захватчиками. Возглавляемые им войска Юго-Западного фронта совместно с войсками Донского и Сталинградского фронтов прорвали позиции неприятеля под Сталинградом и замкнули кольцо вокруг группировки Паулюса. В 1943 году войска под командованием Ватутина отразили бешеные атаки врага на Курской дуге и затем, перейдя в контрнаступление, освободили значительную часть Украины, форсировав при этом Днепр. В дальнейшем 1-й Украинский фронт, которым командовал Ватутин, осуществил совместно с силами 2-го Украинского фронта окружение десяти гитлеровских дивизий под Корсунь-Шевченковским.

Н. Ф. Ватутин был похоронен в Киеве. Свою надгробную речь Н. С. Хрущев, долгое время работавший рука об руку с Ватутиным в качестве члена Военного совета фронта, закончил словами: «Освобожденный украинский народ вместе со всеми народами Советского Союза с благодарностью будет чтить память одного из лучших руководителей Красной Армии — генерала Ватутина».

Жизни и деятельности Ватутина посвящена недавно вышедшая книга М. Брагина «Путь генерала».

На книге лежит печать большого труда. Деятельность Ватутина прослежена на всех этапах: в бытность его командиром взвода, командиром роты, штабным работником, командующим фронтом.

Вот молодой Ватутин, курсант пехотной школы, назначается командиром отделения и впервые отдает распоряжения. «Именно тогда, когда десятки глаз внимательно, испытующе смотрят на курсанта-командира и ждут приказа, думая, каков будет этот приказ, как будет подана команда, сдает курсант важнейший экзамен на право командования».

Вдумчиво рисует автор психологию руководящего военного работника, вплоть до командующего фронтом. Описывая бои под Сталинградом, автор останавливает внимание читателя на той фазе сражения, когда военачальник должен уловить момент для ввода танковых соединений в образовавшийся прорыв.

«В эти острые часы борьбы сведения, как всегда противоречивые, то побуждающие немедленно вводить танки в прорыв, то требующие выжидать, поступали к Ватутину.

А он искал на поле боя, в пределах видимости, еще уцелевшие очаги огневой системы противника и мысленно проникал в глубину его обороны. Поднимая в своей памяти карту местности, командующий представлял себе огневую систему врага, плотность его боевых порядков, расположение его резервов.

Сопоставляя все это с донесениями, идущими оттуда, из глубины, слушая резкий, многоголосый говор боя, он силой своего профессионального воображения представлял себе, что там творится».

Мы привели эти отрывки, чтобы показать метод автора, его манеру описывать не только внешние события, но и саму психологию военного человека.

Существенная черта книги Брагина — умение показать

Н. Ф. ВАТУТИН.
Фото Я. Рюмкина.

роль партии в формировании полководческого искусства Ватутина.

Автор показывает, что между Ватутиным и рядовыми бойцами всегда существовало взаимопонимание. Рассказывая о боях на Дону в 1942 году, он пишет: «С глубокой благодарностью думал в те дни командующий фронтом о солдатах, сержантах, командирах рот и батальонов, которые своей организованностью и дисциплиной обеспечили сохранение величайшей тайны сосредоточения». В свою очередь, солдаты ценили в Ватутине его заботу об их жизни, умение выиграть сражение «малой кровью».

Солдаты, пишет автор, «примеряли свой путь к его пути, искали сходства в этих путях, искали в генерале самих себя, в его биографии — начала своих биографий и, конечно, находили».

Читатель получил интересную, хорошую книгу, рисующую жизненный путь замечательного патриота, выдающегося представителя советского полководческого искусства.

К. ОСИПОВ

Михаил Брагин. Путь генерала. Воениздат. М. 1953. 275 стр.

КОМЕДИЙНЫЕ СПЕКТАКЛИ

„Извините, пожалуйста!"

Молодой белорусский драматург Андрей Макаенок в своей пьесе «Извините, пожалуйста!» беспощадно и зло высмеял тех, кто мешает росту колхозов. Комедия А. Макаенка ныне поставлена в Москве в Центральном театре Советской Армии (режиссер — Д. В. Тункель).

...Степан Калиберов в недавнем прошлом ворочал большими делами в крупном центре. Но, не имея необходимого образования и специальности, он не справился с порученным делом. Его понизили в должности и направили в район. Он считает это вопиющей несправедливостью и таит горькую обиду на «всех и вся». Безразличного к делам района и к людям человека волнует только одно: как бы вновь подняться в сферы «руководящих» лиц? В районе около Калиберова начинает складываться компания людей, быстро учуявших близкие и родственные им черты калиберовского характера: бездельник и тупица, разбазаривающий государственное имущество, директор спиртозавода Печкуров, работник районного отдела заготовок, мастер различных махинаций Мошкин.

Но никакие проделки комбинаторов и лихоимцев не могут долго оставаться безнаказанными. Советские люди обязательно распознают зло и искоренят его. В районе есть настоящие, умные вожаки масс. Среди них колхозница, депутат сельского совета Ганна Чихнюк, бригадир Михальчук, прокурор Курбатов, корреспондент газеты Ольга Гардиюк, учительница Наташа Горошко. Со всех сторон идет наступление на Калиберова и его друзей. Разоблачен председатель колхоза Горошко, попавший под власть проходимцев и жуликов.

Горячо, по-хозяйски отстаивает интересы колхоза Ганна Чихнюк. Исполнительница этой роли Л. И. Добржанская сумела создать правдивый образ простого советского человека. Вот Ганна Чихнюк приходит в дом к Калиберову. В беседе с женой Калиберова по-простому сетует она на непорядки в колхозе, осуждая председателя Горошко за то, что он всем угодить хочет и характером слаб. Активно наступает Ганна на жуликов и проходимцев. В столкновении с Мошкиным она становится на его пути, широко раскинув руки, как бы заслоняя собой колхозное добро. И в этом непосредственном, чуть наивном жесте такой выразительный смысл, что зритель не может не аплодировать актрисе.

Рядом с Ганной бригадир Михальчук (Н. В. Сергеев). Артист сумел показать сильный и мужественный характер человека, чьи большие, натруженные руки гневно сжимаются, когда он видит расхитителей народного достояния.

Запоминаются в спектакле молодой прокурор Курбатов (А. А. Петров) и его невеста — учительница Наташа Горошко (Т. Л. Пивоварова); трогательна их чистая юношеская любовь, мечты о будущем, увлеченность своим делом. Правда, активная роль молодежи в спектакле могла бы прозвучать более выразительно. Петрову следовало бы глубже показать богатый внутренний мир своего героя, хотя актеру в этом и мало помог драматург. Ведь именно с недостаточно глубокой психологической разработкой характера прокурора Курбатова в пьесе связан серьезный просчет театра: создается иной раз впечатление, что прокурор Курбатов понадобился драматургу не как активный участник действия, а как лицо, все распутывающее, разрубающее все узлы, наказывающее лихоимцев.

Ярко обрисованы в спектакле отрицательные лица. Артист П. А. Константинов в роли проходимца Мошкина не жалеет красок. Заискивающий перед «верхами», пресмыкающийся перед Калиберовым, этот «рубаха-парень» становится наглым и грубым в обращении с рядовыми колхозниками. Мошкин носит костюм военного покроя, в руках у него толстый портфель, набитый бумажным хламом, он всегда деятелен. Под этой «деловой» внешностью резче выступает грязная подоплека всего, что творит Мошкин. Уверенно носит Мошкин маску активиста: он дает «установки», ссылается на постановления, упрекает за плохую работу, взывает к долгу. И все это одинаково темпераментно, одинаково нагло. Высокого искусства сатирического обличения достигает своей правдивой, реалистической игрой артист Константинов.

Большие возможности актеру дает роль безвольного, запутавшегося председателя колхоза Горошко. Сверху им командуют Калиберов и Мошкин, снизу жмут недовольные колхозники, «хоть круть-верть, хоть верть-круть» — один конец. Не по силам Горошко работа: бригадиром он был хорошим, а став председателем, растерялся, пошел на поводу у Мошкина, потерял доверие колхозников. Артист К. А. Нассонов играет Горошко великолепно. Какое-то постоянное внутреннее беспокойство не оставляет его, растерянность и изумление не сходят с лица. Он как бы все время спрашивает: «Да как же могло все это получиться?! Как же меня опутали? Как же быть? Ну, уж все равно, пусть будет, как будет».

Колхозница Ганна Чихнюк — заслуженная артистка РСФСР Л. Добржанская.
Фото А. Гладштейна.

Колоритную фигуру Калиберова создал артист Н. Г. Колофидин. Важный, торжественно-снисходительный к «малым сим», самоуверенный и высокомерный, постоянно как бы позирующий перед самим собой. Артист тонко дает понять, что Калиберов везде и всегда чувствует себя как бы за столом президиума или на трибуне. В ином состоянии находиться ему просто трудно; симулянт и бездельник, он умеет «отделить себя» от других, он как бы парит над всеми, он «начальство» и поэтому выше мелких проделок.

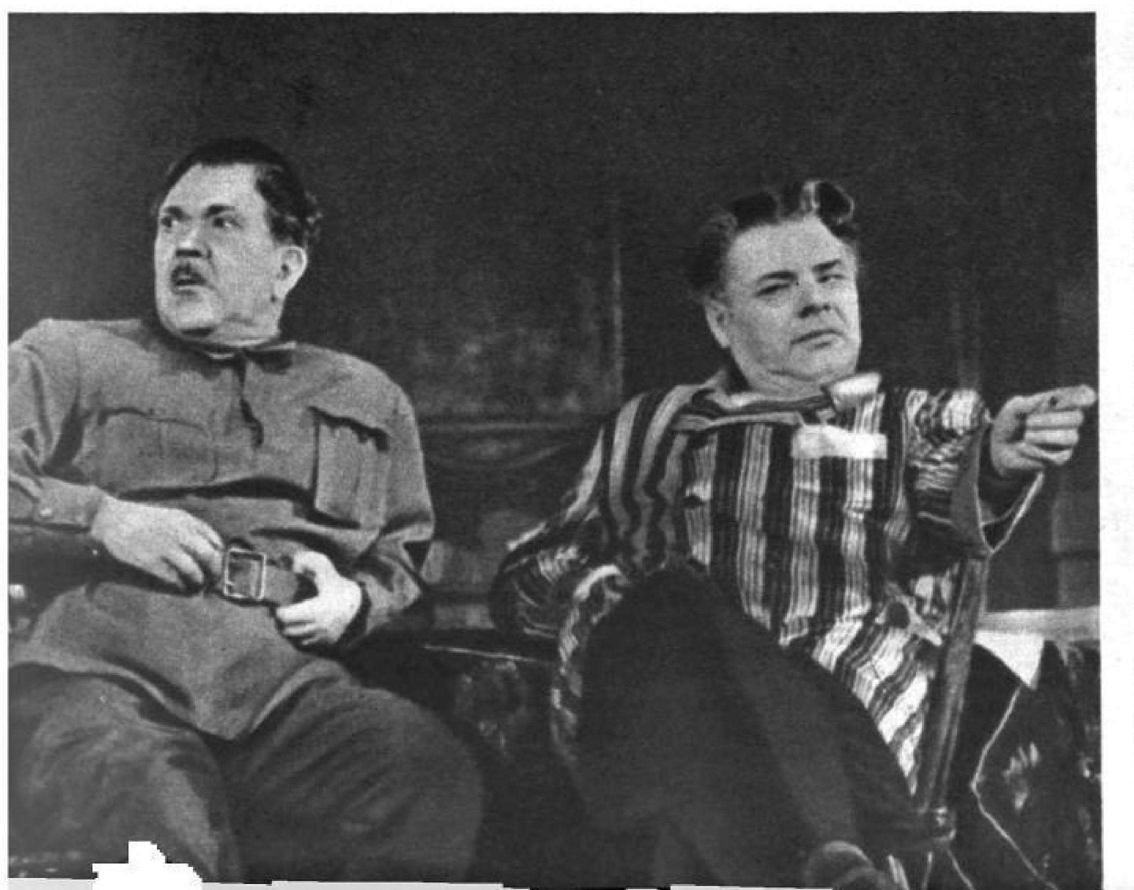
Даже когда преступники выведены на чистую воду, Калиберов не сдается и с возмущением обрушивается на своих компаньонов. Но никто уже ему не верит, и корчится от злобы поверженный Калиберов. Убедительный образ бюрократа, за бумажными сводками не замечающего человека, создал артист. Однако вызывает возражение его однотонная манера речи, злоупотребление однообразными приемами.

Несколько традиционно, используя уже знакомые по другим пьесам изобразительные средства, ведет роль жены Калиберова Антонины Тимофеевны актриса Н. Л. Хомякова.

Комедия «Извините, пожалуйста!» злободневна и важна по теме. Ее постановка Центральным театром Советской Армии имеет заслуженный успех.

Вл. ПИМЕНОВ

«Извините, пожалуйста!» А. Макаенка. Постановка Центрального театра Советской Армии. Сцена из 1-го действия. Мошкин — заслуженный артист РСФСР П. Константинов (слева) и Калиберов — народный артист РСФСР Н. Колофидин.
Фото В. Мастюкова (ТАСС).

„Не называя фамилий"

Комедия В. Минко «Не называя фамилий» обошла почти все театры страны. Над избалованной эгоисткой Поэмой и ее семейкой смеются в Ереване и Ташкенте, Тбилиси и Минске, Ростове и Свердловске, смеются над ними и в том самом Киеве, из которого так не хотела уезжать «на село» героиня этой поучительной комедии. Успех пьесы объясняется и увлекательными комедийными ситуациями, и остроумными диалогами, и яркими, обобщающими образами.

Два театра в Москве поставили комедию В. Минко — Московский драматический и Центральный театр транспорта. И слова произносят актеры одинаковые, и поступки совершают точно такие же, и одеты они в этих двух театрах похоже, но все-таки с разными Поэмами, Дианами и Карпо Карповичами знакомятся зрители.

Милой, хотя и избалованной, веселой девушкой предстает перед нами Поэма (Л. О. Генесина) на сцене Центрального театра транспорта. Все ее капризы по поводу невыглаженного платья, разбитого бокала, измятой прически выражаются в такой веселой, ласковой форме, с такими милыми, воркующими интонациями, что ее не стоит обличать, на нее не стоит и сердиться.

За окнами роскошной квартиры ее родителей расстилается красавец Киев. «Он будет наш»,— говорит Поэма подруге, подводя ее к окну. Киев, думает Поэма, должен принадлежать ей и ее бездельницам-подругам.

Но как лирически, как мягко произносит реплику Поэма — Генесина! В ней нет цинизма. Это просто очередная милая шутка.

Поэма искренне восхищается своим женихом, и все заученные ею пошлые слова о любви звучат у актрисы Генесиной взволнованно, горячо. Замысел режиссера спектакля Б. Д. Зеленской понятен: театр хотел показать постепенное формирование характера Поэмы, проследить накопление в нем отталкивающих, отрицательных черт. Однако, увлекшись этим замыслом, актриса и режиссер проглядели Поэму как социальное зло. Она и в конце спектакля остается почти такой же, какой была в начале, — капризной, легкомысленной девчонкой.

Сатирическое острие спектакля оказалось направленным почти целиком на разоблачение матери Поэмы — Дианы Михайловны. В ярком, мастерском исполнении актрисы Э. Д. Мильтон именно этот образ приобрел главенствующее, наиболее обобщенное и сатирически точное звучание. Думается, однако, что не одна только Диана Михайловна является мишенью автора комедии. Образ жены ответственного работника — мещанки — не новость в наших пьесах. И, наоборот, Поэма и ее разоблачение есть то новое, свое, общественно важное, что сказал этой комедией автор.

В спектакле Театра транспорта Диана Михайловна оттеснила Поэму на второй план. Но зато в роли третьего, и главного, члена этой семейки — Карпо Карповича — заслуженный артист УССР В. Ф. Матов сумел, не заслоняя партнеров, показать внутренний мир этой «номенклатурной» личности. Человек, сбитый с толку высоким положением, обалдевший от вечных приставаний жены и дочери,— таков Карпо Карпович в исполнении Матова. Ему все время как-то неловко, его постоянно гложут какие-то заботы и мысли. Он снисходительно выслушивает жену и Поэму, он счастлив видеть отца. Искренне огорчен Карпо Карпович тем, что не удался его отдых у работящей деревенской родни. Но все эти краски, тонко подмеченные актером, никак не заслоняют зазнайство, бюрократизм, безволие, равнодушие Карпо Карповича к людям.

В острой сатирической манере решен спектакль «Не называя фамилий» в Московском драматическом театре. Режиссера этого спектакля В. В. Бортко меньше интересовал вопрос о том, как складывались и развивались в пьесе отрицательные характеры, и гораздо больше — мысль о необходимости самой беспощадной борьбы со всеми Поэмами, Дианами и Карпо Карповичами, где бы и под какими личинами они ни встречались. Режиссер и актеры этого спектакля, в отличие от Центрального театра транспорта, не увлеклись поисками в своих героях глубоко спрятанных положительных качеств. Заостряя и гиперболизируя сатирические образы комедии, режиссер добился острого, обличительного звучания спектакля. Такой же легкомысленной девушкой, как и в Театре транспорта, предстает перед нами в начале спектакля Поэма. Но уже с первого акта актриса Л. А. Перепелкина сумела показать, что за милым кокетством Поэмы прячется хорошо проверенный расчет, что легкомыслие ее прикрывает сложившееся уже циническое отношение к жизни, а признания в любви заимствованы из дешевых романов. И тогда смех, то и дело вспыхивающий в зрительном зале, становится осуждающим.

В той же манере яркого сатирического заострения решен в спектакле и образ Карпо Карповича (Г. И. Шамшурин). Самодовольный чинуша, едва поворачивающий к собеседнику голову, будто бы обремененную огромной тяжестью «государственных» забот, Карпо Карпович сильно напоминает бюрократа Победоносикова из пьесы Маяковского «Баня». Такое сближение этих образов придает спектаклю особую остроту обличения.

Но, справедливо использовав прием реалистического преувеличения отрицательных образов, ни режиссер, ни актеры не сумели раскрыть и заострить индивидуальные черты положительных героев пьесы. Два одинаково вялых молодых человека (Максим — П. А. Исаков и Василь — А. С. Лебедев) в одинаково вышитых украинских рубашках мало чем отличаются друг от друга, мало что могут противопоставить напористой, шумной семейке Карпо Карповича и ее окружению.

Немало по-настоящему творческих, актерских удач есть в обоих спектаклях: живой, славный мальчишка Жанек, пытающийся вырваться из-под родительской опеки (артистка Московского драматического театра А. Г. Бабаева), распоясавшаяся мещанка Диана (артистка Московского драматического театра З. Н. Зорич), Максим Кочубей (артист Театра транспорта Н. М. Бармин), домработница Поля (артистка Московского драматического театра М. И. Новикова), старый труженик Карпо Сидорович (заслуженный артист РСФСР Д. И. Ильченко — Московский драматический театр), добродушная Ивга (артистка Театра транспорта А. В. Танеева). Много в этих спектаклях и интересных режиссерских находок, помогающих глубже донести до зрителя идейный замысел комедии В. Минко. Хотелось бы, чтобы Центральный театр транспорта настойчиво искал более острые сатирические характеристики для своих героев, а Московский драматический театр, создавший обобщенные яркие образы отрицательных персонажей, позаботился о том, чтобы положительные герои спектакля приобрели необходимую индивидуальность.

И. ВИШНЕВСКАЯ
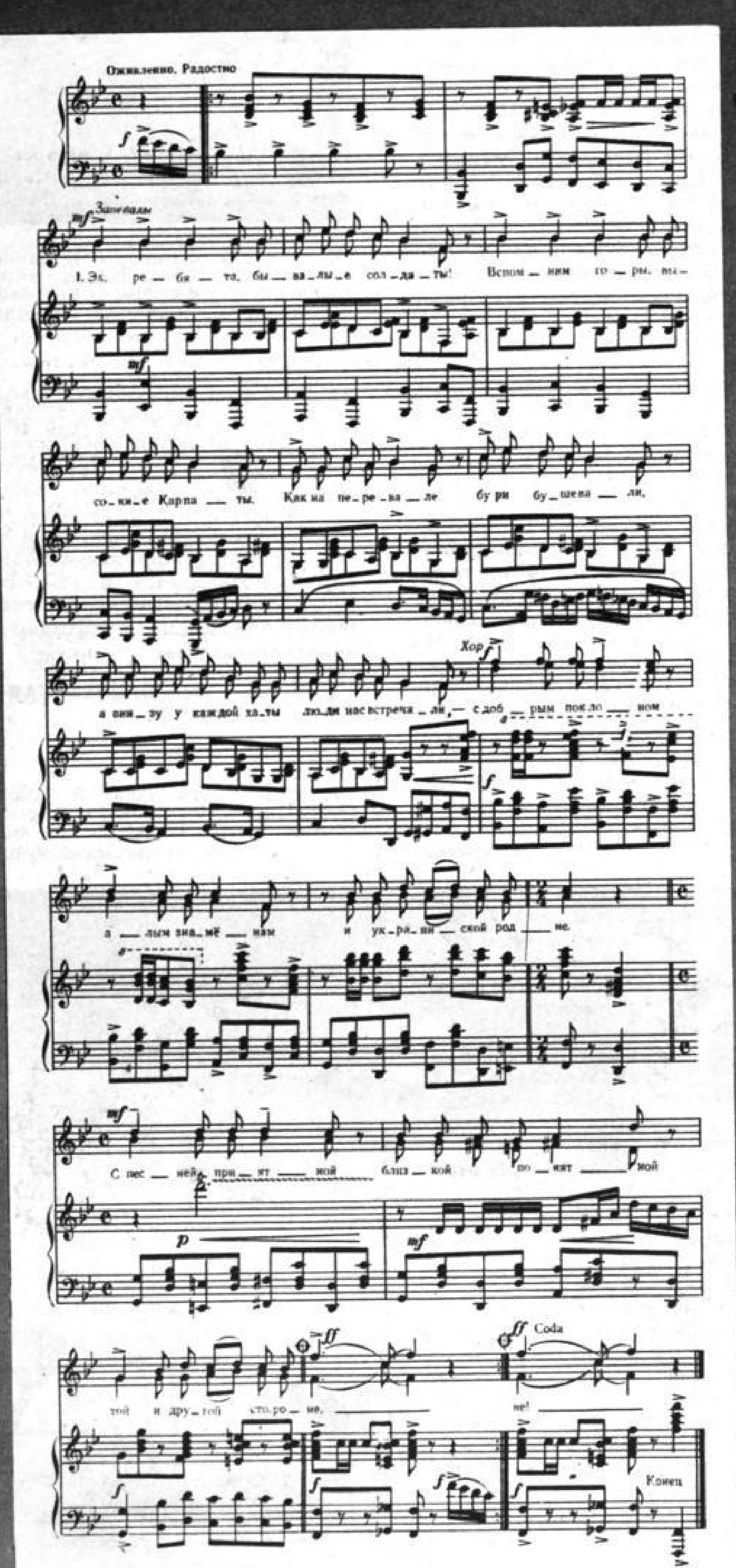

«Не называя фамилий» В. Минко. Постановка Центрального театра транспорта. Максим Кочубей — Н. Бармин и Поэма — Л. Генесина.

«Не называя фамилий» В. Минко. Постановка Московского драматического театра. Сцена из 1-го акта. Фото М. Демиховского.

Высокие Карпаты

Слова А. ЖАРОВА.

Музыка К. ЛИСТОВА.

Эх, ребята, бывалые солдаты,
Вспомним горы, высокие
Карпаты!
Как на перевале
Бури бушевали...
А внизу у каждой хаты
Люди нас встречали —

С добрым поклоном
Алым знаменам
И украинской родне.
С песней приятной,
Близкой и понятной
Той и другой стороне.

По-полтавски спасибо говорили,
Хлебом-солью и чаркой
угостили.
Ленты и узоры,
Огневые взоры
Закарпатские девчата
Нам, бойцам, дарили —

С добрым поклоном
Алым знаменам
И украинской родне.
С песней приятной,
Близкой и понятной
Той и другой стороне.

Походили по свету мы на славу.
Я вернулся домой, в свою
Полтаву...
Мой совет, ребята,
Если не женаты,—
Поезжайте вы, ребята,
Прямо за Карпаты —

С добрым поклоном
Алым знаменам
И украинской родне.
С песней приятной,
Близкой и понятной
Той и другой стороне.

Детские этюды

Людвик АШКЕНАЗИ

Рисунки Е. Афанасьевой.

О МЕТОДЕ УБЕЖДЕНИЯ

Трудно теперь с воспитанием. Раньше, бывало, в передней висели розги, и ремень пускался в ход всесторонне и часто. Можно с уверенностью сказать, что значение его упало с изобретением подтяжек и с появлением прогрессивных начал в воспитании детей дошкольного возраста. Теперь

в воспитании мы используем метод убеждения. Это трудный метод. Но плоды подобного воспитания изумительны.

Метод убеждения я стал применять с прошлого года. Случилось так, что в жизни моего сына произошло, я бы сказал, неминуемое событие. Он разбил свое первое окно. Держался при этом строптиво, не сожалея о происшедшем. Осколки лежали на дворе, и дворничиха наступила на них босой ногой. Момент был серьезный, атмосфера накалена. Вмешательство стало необходимо. Я решил поговорить с сыном соответствующим образом.

— Ты кто такой? — начал я.

— Мальчик,—с абсолютной уверенностью отвечал он.

— Вот видишь. Тебе пять лет, и мне когда-то было столько же.

— Ты, папа, был, наверное, страшно толстый мальчик.

— Подожди,— говорю ему,— не умничай. Ты должен быть счастлив, что живешь в такое время, когда с детьми разговаривают. Потому, что со мной никто не разговаривал. У меня был папа, и он носил ремень...

— Такой широкий, как у военных, да?

— Нет, узкий. Я рассказываю для того, чтобы ты понял: сегодня с детьми обращаются совсем по-другому. Разве я тебя бью?

— Не бьешь, — равнодушно ответил он.

— Вот видишь, а вы этого не цените. Дети теперь все равны... Известно тебе, что такое «равноправие»? Да, ты, понятно, знать этого не можешь, ты еще слишком мал. Я говорю с тобой, как со взрослым, объясняю, убеждаю... Не вертись, чертенок!

— Хорошо, папа,— сказал он покорно.

— Ну, вот,— продолжал я,— что ты ел сегодня за обедом?

— Сливовые кнедлики [1].

— Посмотрите-ка, сливовые кнедлики. Только вчера мы читали о голодном мальчике, который с шести лет должен был работать на... Ты знаешь, наверное, что раньше на фабрике работали маленькие дети?

Он был об этом поставлен в известность.

— Вот, а что делаешь ты? Вместо того чтобы задуматься над этим, ты бьешь стекла. Счастье твое, что ты родился именно пять лет назад. Появись ты на свет раньше, с тобой пришлось бы, возможно, говорить по-иному. А сегодня приходится тебя убеждать. Сядешь ты как следует? Мы теперь только разговариваем.

— Папа...— начал он смиренно.

— Ну, что? Чего ты хочешь?

— Папа, ты не мог бы мне сегодня как исключение дать пару подзатыльников? Я страшно спешу. Мы играем во дворе в гараж.

Само собой разумеется, метод убеждения имеет свои теневые стороны. С ним то же, что и со всем в жизни,— нельзя пересаливать.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВСЕЛЕННОЙ

Межпланетная ракета возникла по необходимости.

Каждое утро сын забирался ко мне в постель слушать сказки. Не всегда это бывает удобно, особенно в воскресенье. В воскресенье часы ходят медленнее и люди обычно высыпаются. Мне совсем не хотелось в это воскресенье рассказывать сказки. Мысли были затуманены, голова льнула к подушке, и человечек в синей пижаме пришел совсем некстати. Но ничего не поделаешь, лежит рядом со мной и здоровается:

— Доброе утро!

— Доброе утро! — отвечаю.

— Папа, ты не мог бы рассказать мне сказку?

Для него это было очень важно. Вот тогда и родилась идея межпланетного корабля. Подобная мысль была спасением. Космические просторы необъятны, путешествовать по ним можно до бесконечности. В межпланетном корабле можно даже спать. Космическая пыль лишь мелькает перед вами. Мысль о космическом путешествии была, пожалуй, действительно открытием.

— Мы будем играть в межпланетную ракету,— сообщаю ему.— Полетим на Луну, потом к звездам... Я буду оставаться в ракете, а ты — ходить на разведку. «Подожди,— думаю,— пока ты сходишь, я всхрапну тем временем».

— Папа, а такие ракеты бывают? Ты, может быть, придумал? Лучше расскажи мне сказку. Я не люблю разные выдумки.

После короткого разговора мысль о путешествии по Вселенной всецело завладела им. И через минуту мы летели. Сначала на Луну. На Луне он сошел с корабля и отправился на разведку. Долго ходил по горам, стрелял из ружья, но совсем тихонечко, и смотрел в бинокль. Доложил мне, что встретил лунную серну и что нужно быть осторожным, иначе можно свалиться с Луны.

Я храпел незаметно, чуть-чуть слышно, ничему не внимал и только время от времени отдавал ему приказы:

— Остановиться на Плутоне и выяснить наличие средств к существованию!

— Что выяснить, папа? — переспросил он.

И когда я ему не ответил, он долго выяснял, что и как, потом доложил:

— Товарищ начальник, на Плутоне все в порядке!

— Хорошо,— говорю,— благодарю вас, продолжайте нести свою службу.

Он нес, а я спал. Ведь в конце концов было воскресенье. Потом я протер глаза, посмотрел: было уже поздно.

— Где мы находимся? — спрашиваю его.

— Не знаю,— отвечает.— Мне кажется, что эта звезда называется Марселкой. Здесь живут кабаны и страусы.

Это навело меня на мысль, что мы можем, пожалуй, возвращаться на свою планету.

— Теперь,— говорю,— возвращаемся снова на Землю. Переверните ракету вверх ногами. Направление: Земля.

Смотрю, действительно повернул. Даже не пытается продлить путешествие по Вселенной. Это немножко подозрительно.

Мы летели к Виноградам [2].

— Ты что так спешишь приземлиться? — спрашиваю его озадаченно.— Разве тебе не понравилось путешествие на ракете?

— Что ты,— отвечает,— это было замечательно! Хорошая игра! Остановишься у звезды и пойдешь по горам... Было очень интересно. Но я рад, что мы на Земле,— расскажешь мне сказку...

Вы не знаете какую-нибудь совсем, совсем новую?..

[1] Чешская разновидность украинских галушек.

ПРОТИВНАЯ МОРДА, ИЛИ ЛИЦЕМЕРИЕ

У молочницы есть пес довольно меланхолического склада. Кажется, это помесь таксы с борзой. Телом, однако, он напоминает свинью, но боюсь, что рассуждения о его происхождении могут увести нашу историю о лицемерии в сторону. Это жирный пес средней величины, с туловищем, обритым по последней моде, и лохматой злой головой. Он обычно лежит у входа в молочную лавку, и когда мы проходим мимо, мой человечек всегда скажет:

— Папа, какая противная морда у него!..

А потом еще обратится к меланхолической помеси:

— Приятель, морда-то какая у тебя страшная!

Бритая помесь сносит обиды терпеливо и взирает на мир, надо признаться, оптимистически. Время от времени заворчит для поддержания авторитета и снискания к себе уважения, но заворчит только на минутку. Когда пес находится достаточно далеко, человечек не скупится на прозвища:

— Кто боится тебя, урод ворчливый?

Словом, они были на ножах. До поры, до времени...

Как-то послали человечка за молоком. Он взял бидон и стал спускаться по лестнице, даже не подозревая о приближающейся драме. Подходит к молочной, а у входа лежит противная морда. Посмотрели они друг на друга: бритая помесь — задумчиво, малыш с бидоном — растерянно.

Что делать?

Противная морда лежит, не шевельнется, только хвостом легонько помахивает. Целая гора мяса, розоватого такого, холодного и почти неприступного.

Человечек колеблется: переходить этот Рубикон или нет?

Положение серьезное, почти безвыходное.

Он стоял, стоял, стоял, потом неожиданно глубоко поклонился противной помеси и говорит:

— Песик, добрый день!

Противная морда недвижима.

А человечек сладким голосом продолжает:

— Как твое здоровье, песик? Ты ведь хорошая собака... Какой миленький у тебя ротик — я так бы его и поцеловал.

Противная морда удивленно посмотрела: что за новости?

— Ты самый лучший пес на всей улице! — продолжал подлиза.— Такой добрый, такой славный песик!.. Ну, улыбнись мне, мордочка...

Противная морда преданно посмотрела, встала, завиляла хвостом и ушла в молочную.

Человечек отправился за молоком.

Когда пани молочница нам обо

всем рассказала, мне пришлось с ним поговорить. Это было необходимо в воспитательных целях.

— Как ты мог,— говорю,— льстить псу, которого так презираешь?

Человечек смутился.

— Но, папа, он бы тогда не пустил меня в молочную... Он был такой счастливый... эта противная морда!

Сын говорил настолько убедительно, что я был сам не свой. И у меня было чувство, что я все-таки должен бы дать ему нагоняй.

Дорогие мои, кто из нас не польстил в жизни противной морде только потому, что она лежала у входа в молочную?.. Но откуда это могло взяться у ребенка?

Перевод с чешского **В. СУХАНОВА.**

[2] Район города Праги.

Как быть ?..

Сегодня днем в Свердловске
минус сорок,
Как радиоволна передала.
А в Ашхабаде в солнечных
узорах
Четыре полных градуса
тепла.
Мой путь через Свердловск.
Скажи мне, брат:
В каком пальто мне ехать
в Ашхабад?

Лев ОШАНИН

ОТДЕЛКА ПЛАТЬЕВ

На рисунке 1 показано платье, к которому пристегиваются вязаная вставка и манжеты. Вместо них в те же петли можно продеть ленты из органди или жоржета.

На рисунке 2 — шерстяное платье простого покроя. Его отделка — пристегивающийся к петлям закрытого ревера большой шарф из того же материала, что и платье. Сняв шарф, можно приметать отвороты из белого пике к открытому реверу и полоску пике вокруг ворота. В петли ревера можно также продеть плиссированный бант из легкой ткани другого цвета или прикрепить к ним цветок.

На рисунке 3 — платье, которое можно носить с нарядным воротником и манжетами из органди или накрахмаленного шифона, простроченными нитками в цвет платья, или с воротником и манжетами из белого пике, отделанными руликом из ткани платья.

Большой воротник и манжеты с продернутым в них шнуром другого цвета и воротник, сострoченный из белого суташа (рис. 4), украсят любое простое платье.

Для отделки шерстяных вещей также хорошо использовать продернутый шнур из ткани другого цвета (рис. 5), суташ или соломку (рис 6), кожу или ее заменитель.

Недорогие шерстяные ткани можно украсить равномерно разбросанными по всему платью или отдельным частям его «мушками», горошком, мелкими цветочками, вышитыми шерстяными нитками из ткани платья (рис. 7).

На рисунках 8, 9 — различные вставки к платью-костюму.

В платьях, комбинированных из тканей двух цветов, применяется соединяющая обе ткани вышивка нитками, выдернутыми из этих тканей (рис. 10).

Платья из гладких материалов можно отделать тканью с рисунком в клетку или горошек (рис. 11).

Летние платья отделывают суташем, вьюнчиком (рис. 12), мережкой из рулика (рис. 13), цветным кантом, перехваченным нитками из ткани платья (рис. 14).

Для отделки нарядных платьев хорошо использовать кружево (рис. 15), а также вышивки из стекляруса и бисера.

Е. ПОЛИКОВСКАЯ

Рисунки В. Мухар по моделям Н. Горленковой, А. Егоренковой, В. Корж, Е. Поликовской, Е. Райзман, Н. Шальновой.

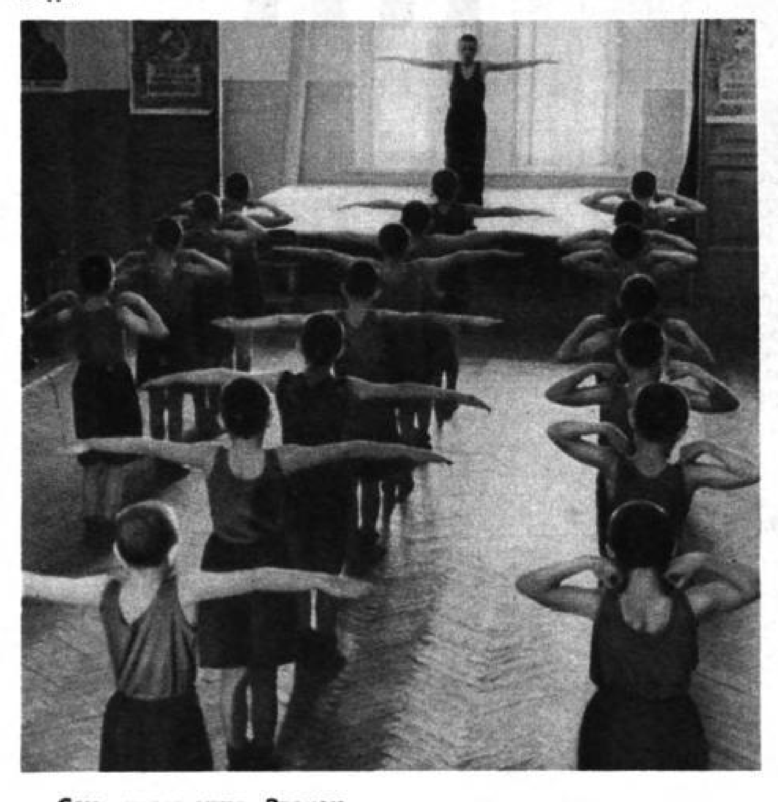
ЛЕСНАЯ

ШКОЛА

От Ленинграда до Пушкина на «электричке» всего полчаса езды. Едва поезд остановился, на платформу высыпала детвора с дорожными чемоданчиками в руках — 250 юных ленинградцев, здоровье которых требует поправки, приехали в санаторно-лесную школу.

Воспитатели знакомят мальчиков с режимом дня. Дома они ложились спать в разное время. В лесной школе все подчинено единому санаторному распорядку. Ребята должны окрепнуть, поправиться и в то же время не отстать в учебе. На разные сроки, от месяца до полугода и даже больше, приехали они сюда.

...Семь часов утра. Звонок.
— Подъем! Подъем! — слышатся детские голоса.
Мальчики в майках и трусах идут в зал. Начинается утренняя лечебная гимнастика.

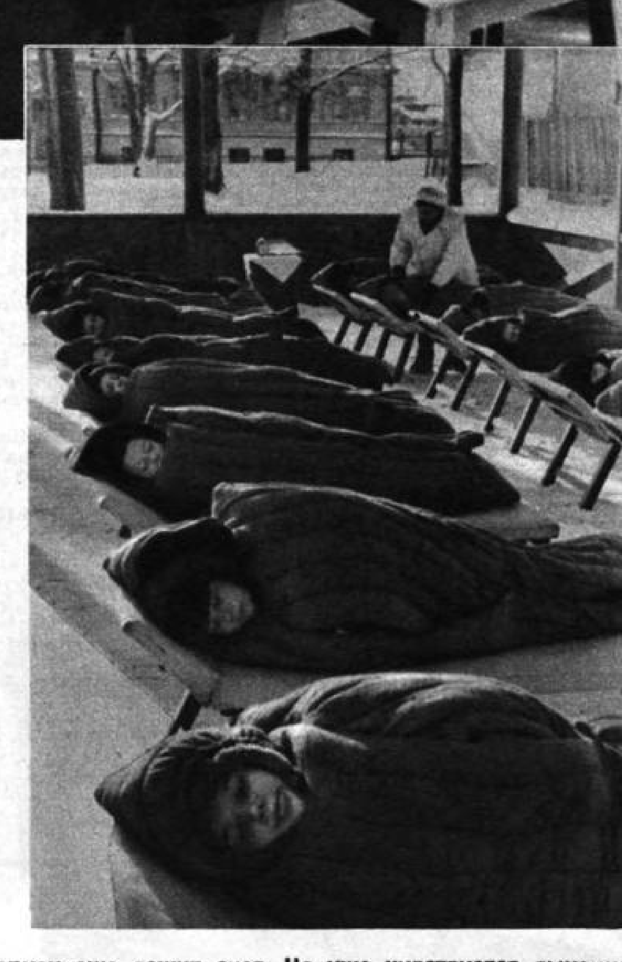

В столовой к приходу детей накрывают столы.
— Одно яблоко лишнее, куда его положить? — спрашивает у приятеля дежурный первоклассник.
Нелегко накрывать столы, особенно когда занимаешься этим впервые. Дома матери не доверяли малышам. А здесь ребята многое делают сами.
Аппетит у ребят хороший: булка с маслом, яйца, молоко — все съедается.

Девять часов утра. В санатории тишина: идут занятия. Они проводятся по программе средней школы. Но учеников в группах вдвое меньше обычного. «Домашние» задания готовятся здесь же, в классе, под наблюдением воспитателей.

После второго завтрака старшие уходят на прогулку, а малышей медицинская сестра укладывает на веранде в спальные мешки.

День подходит к концу. Открывается мастерская. Геня Колычев что-то выпиливает лобзиком, Олег Шушарин сколачивает скворечню. А вот макет сельского дома — он построен руками учеников четвертого класса. Кажется, вышивка не мужское дело, но ею увлекаются многие мальчики. Витя Сидоров выводит болгарской строчкой на полотне красивый узор.

...В пушкинских садах и парках еще лежит снег. Но уже чувствуется дыхание весны. Скоро сюда прилетят птицы, тут появятся первые весенние цветы, распустится черемуха. И еще интереснее станет жизнь маленьких курортников.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Н. АНАНЬЕВА.

В. А. Крылов на почтовом автомобиле в 1907 году. Петербургский главный почтамт.

Из почты «Огонька»

ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ ВОДИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА

В 1900 году привезли из деревни в Петербург двенадцатилетнего Володю Крылова и отдали в учение в слесарную мастерскую. В городе увидел он впервые автомобиль и с той поры не мог отделаться от мысли научиться управлять чудесной «безлошадной коляской».

Спустя несколько лет юноше представилась возможность устроиться слесарем в гараж. Он с радостью согласился, желая ближе познакомиться с автомобилем, который так привлекал его и был в ту пору еще большой редкостью.

Работая в гараже, Володя Крылов сам разобрался в устройстве автомобиля. Научился им управлять и в 1907 году стал шофером.

С тех пор Владимир Андреевич Крылов в течение 47 лет работает шофером. В годы гражданской войны он, будучи водителем броневика, участвовал в разгроме Деникина.

Сейчас В. А. Крылов — шофер такси. Он охотно делится с молодыми водителями, среди которых и его сын, своим почти полувековым водительским опытом. Иногда с улыбкой вспоминает он о старых типах автомобилей, на которых ему приходилось ездить и которые мало отличались по виду от конных пролеток.

Получив в начале 1950 года новую «Победу», Владимир Андреевич вместе со своим сменщиком прошел на ней к 1 января 1954 года без капитального ремонта 292 тысячи километров.

А. РЫСКИН

Ленинград.

В. А. Крылов в 1954 году. 2-й автопарк легковых такси. Ленинград.

Разбухающий камень

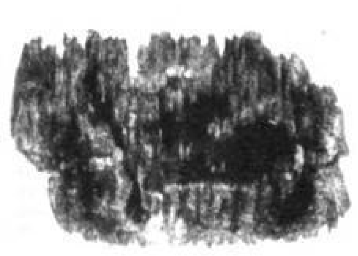
Золотисто-бурый камень. На первый взгляд в нем нет ничего интересного. Но стоит его нагреть, как начнется оригинальное превращение. Кусок камня станет расти, раздуваться, как крыловская лягушка...

Это горная порода — вермикулит, минерал из группы гидрослюд. Вспучивание при нагревании — его характерное свойство. Кусок вермикулита, если его нагревать до 250—350 градусов по Цельсию, может увеличиться в 18—25 раз. В камне под напором превращающейся в пар молекулярной воды происходят расслаивание и быстрый рост отдельных частичек.

Вермикулит применяется как теплоизоляционный и звукоизоляционный материал. В СССР его месторождение на Урале.

Н. РОЗИНА

Свердловск.

На снимках: один и тот же кусок вермикулита до и после нагревания, произведенного в Горно-геологическом институте Уральского филиала Академии наук СССР.

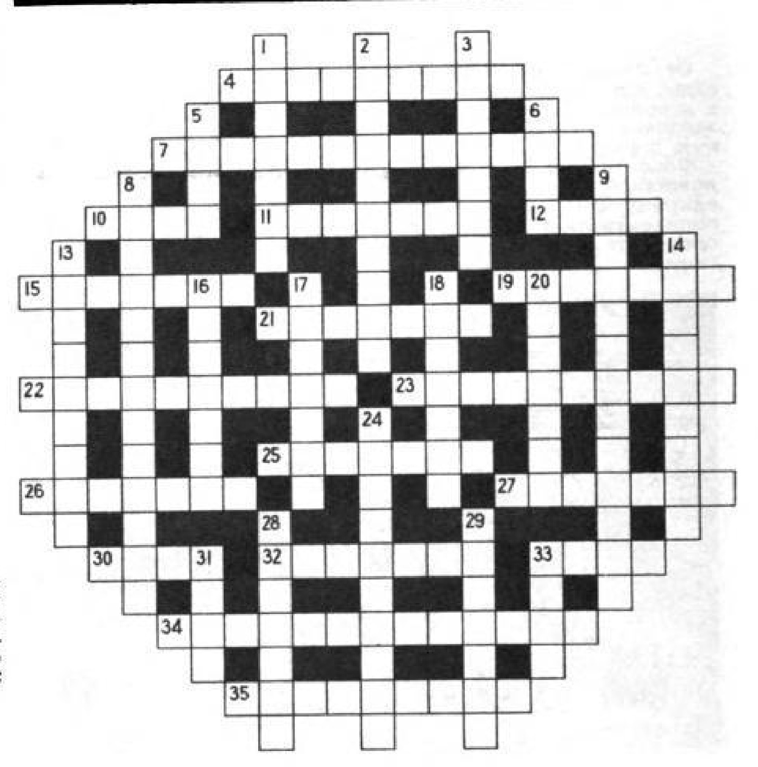
В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин художников Чехословакии и четыре страницы цветных фотографий.

Москва. Петровские линии. Здесь собираются любители голубей. Многие приносят с собой угощение птицам.

Фото М. Савина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Великий русский поэт. 7. Сельскохозяйственная машина. 10. Хвойное дерево. 11. Вещь, товар. 12. Благородный газ. 15. Искусство ведения боя. 19. Военный склад. 21. Мужской голос. 22. Культурно-просветительное учреждение. 23. Одна из сторон прямоугольного треугольника. 25. Русский художник. 26. Представительница народа одной из стран народной демократии. 27. Эфирно-масличное растение. 30. Время года. 32. Летчица, Герой Советского Союза. 33. Объединение для совместных действий. 34. Документ. 35 Советский химик.

По вертикали:

1. Народная республика. 2. Участник разговора. 3. Повесть Н. В. Гоголя. 5. Химический элемент. 6. Шахматная фигура. 8. Сосредоточение руководства в одном месте. 9. Персонаж пьесы В. Маяковского. 13. Точное воспроизведение подписи. 14. Декоративное растение. 16. Пушной зверек. 17. Хрустальное изделие. 18. Город в Белорусской ССР. 20. Персонаж из романа «Война и мир» Льва Толстого. 24. Белковое вещество, содержащееся в хлебном зерне. 28. Музыкальное произведение С. Танеева. 29. Цветок. 31. Опера Д. Верди. 33. Парусное судно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

5. Хлебосольство. 8. Благо. 9. Радда. 10. Дрель. 13. Филология. 16. Поступь. 17. Ванилин. 18. Коломна. 19. Осинник. 22. Металлист. 25. Эвены. 26. Отава. 27. Рыжик. 28. Четверостишие.

По вертикали:

1. Фляга. 2. Остаток. 3. Гладков. 4. Кварц. 6. Хлопководство. 7. Классификация. 11. Диспансер. 12. «Финансист». 14. Отпор. 15. «Жизнь». 20. Фактура. 21. Славист. 23. Анкер. 24. Пыжик.

Рисунки Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 00646. Подп. к печ. 6/IV 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 325. Заказ 682. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени Сталина. В цехе ширпотреба. Травильщица комсомолка Катя Ложкина.

Фото Г. Санько.

Цена 3 руб.